

Сергей Горбовец

Реванш

2004

Ильяс-Азарт

Ильяс, в биллиардном мире более известный под прозвищем «Азарт», открыл глаза, постепенно переходя от ночного небытия в реальную действительность. По отблескам света уличных фонарей на стене комнаты трудно было определить, что сейчас – утро или вечер. Судя по непрерывному шуму автомобилей, проникающему сквозь окна, было утро. Он неторопливо поднялся с постели. Несколько гимнастическими упражнениями собрал себя по кускам. Тело, почувствовав присутствие на местах всех необходимых для дальнейшего существования органов, принялось за свою обычную работу. После контрастного душа и чашки крепкого кофе Ильяс полностью вернулся к жизни, но не настолько, чтобы сразу бросаться в омут дел.

Собственно, не было ничего такого срочного, чтобы прямо сейчас бежать сломя голову. Третий день он сидел дома, даже не отвечая на телефонные звонки. Не было никакого желания выслушивать советы и соболезнования друзей и знакомых, до которых несомненно уже дошел слух о его проигрыше. Сидя на кухне, он равнодушно смотрел через окно на оживленную улицу – самое подходящее занятие для отсрочки решения неприятностей, авось волна невезения перекатится через тебя и рассыплется в брызги.

Первый поток рабочего люда, упрямо трамбуящегося в городской транспорт, уже ослабел. Теперь пошла вторая волна – работники учреждений, НИИ, банков. Казалось, что люди были одержимы одной единственной страстью – ни в коем случае не опоздать на работу. Ради этого они расплачивались пуговицами, испачканной обувью, сломанными зонтиками, нервами. У одного одержимого при штурме троллейбуса сбили с головы шляпу. Так он и уехал без шляпы, которая шмякнулась на мокрый асфальт и приклеилась к нему. Какой-то бомж поднял ее, повертел, насунул на голову поверх вязаной шапочки и, удовлетворенный неожиданным подарком, скрылся в ближайшем подъезде. Это так развеселило Ильяса, что ему даже захотелось позвонить кому-нибудь из друзей и пообщаться. Но, взглянув на телефон, он опять вернулся к своим мыслям. Кофе и выкуранные подряд три сигареты оставили после себя неприятную горечь во рту. На душе было гадко. Его депрессивное состояние полностью сочеталось с пасмурной погодой и мелким дождем, щедро поливающим одержимых.

Настроение у него было испорчено так, словно все его жизненные планы, столь тщательно подготовленные и разработанные, полетели к чертям собачьим. Можно было бы накачаться спиртным. Бар у него в комнате никогда не пустовал. Бутылки со всевозможными напитками всегда были готовы гостеприимно встретить заглянувшего вовнутрь бара. Они заискивали перед желающими выпить, соблазнительно поблескивая под электрическим светом своими яркими этикетками и содержимым. Говорят, что после частого и регулярного сближения с ними легче пережить неприятности – все беды сразу отодвигаются на задний план, и горизонт становится чистым и безоблачным.

Но Азарт, хотя и не был законченным трезвенником, такой метод лечения психики и душевного расстройства категорически отвергал. Предпочитал выпить в веселой, свободной обстановке. Слишком хорошо он знал многих игроков, которые прикладывались к рюмке после игры и закончили тем, что стали прикладываться уже к горлышку, даже во время игры. Все они остались где-то там позади в винном тумане, откуда редко кто возвращается, а в памяти друзей стирались в пыль.

Третий день уже, как он сидел дома, закрывшись на замок. Ильяс переживал свой недавний проигрыш. Мысль о том, что он попался, как карась на крючок, приводила его в угнетенное состояние. Ему стыдно было показаться в биллиардной. Но и сидеть взаперти уже не было сил. «Пора с этим кончать, – подумал он, – Чем раньше я покажусь на глаза приятелям, тем быстрее закончатся мои мучения и мое добровольное затворничество».

В принципе, Азарт был человеком общительным. Целый рой друзей и подруг окружали его. Поэтому трёхдневное заточение ему надоело уже до чёртиков.

– Одиночество – хорошая штука, – сказал он вслух, – но его нельзя принимать, как и алкоголь, лошадиными дозами. Итак, возрождаемся и возвращаемся на свет из тьмы гнетущей!

Вернувшийся к нему назад его привычный оптимизм возбудил в нем аппетит. Недолго размышляя над выбором меню, Азарт достал из холодильника два яйца, молоко и масло. Поставил сковородку на огонь. Взбил яйца с молоком и вылил смесь на горячую сковородку. Та недовольно зашипела, но потом успокоилась и начала добросовестно выполнять свою работу. Он убавил газ под сковородкой и вновь окунулся в свои мысли, следя за омлетом.

* * *

Ильяс был наполовину чеченец. Когда-то его отец, родом из далекого кавказского аула, проходил срочную армейскую службу в этом городе. Тут он и познакомился с красивой украинкой, будущей матерью Ильаса. После его демобилизации они поженились. В армии отец получил специальность водителя-моториста и после короткой стажировки работал шофёром-дальнобойщиком. По рассказам матери, он был очень красивым и весёлым человеком. Всего три года полных любви и счастья было отведено им Богом. Когда Ильасу было два года, отец, возвращаясь из дальнего рейса домой, нелепо попал в автокатастрофу.

Легковушка, резко выскочившая со второстепенной дороги на трассу, врезалась в борт груженного отцовского «Маз»а. Перевернувшись, она упала на обочину. Отец выскочил из машины и начал вытаскивать из покорёженной легковушки плачущего мальчика. Оттащив его на безопасное расстояние, бросился назад спасать остальных. Водитель был жив и что-то бормотал заплетающимся языком. От него разило алкоголем. Отец начал вытаскивать женщину в полуобморочном состоянии. Оттащив её тоже на безопасное расстояние, он вернулся в третий раз за водителем. Но спасти его было уже не суждено, – взорвался бензобак. Отец и водитель были доставлены в больницу с тяжёлыми ожогами. Через три дня оба, не приходя в сознание, скончались.

Мать очень любила своего, как она называла отца, «отчаянного абрека». А бабушка, которая всегда огорчалась тем, что «...Бог не дал нам сыночка», только так его и называла. За его телом с Кавказа приехала многочисленная родня. Мать и бабушка категорически отказывались отдать тело отца для погребения на его родину. Понимая

их состояние, родственники деликатно и упрямо настаивали на своём, ссылаясь на Коран, где сказано, что правоверный мусульманин должен быть предан земле там, где он родился и где погребены его предки. Второй, убедительной причиной явилось то, что в городе не было отдельного мусульманского кладбища, а по Адату, главному закону мусульман, тело правоверного не должно быть погребено на другом кладбище. После некоторого колебания мать и бабушка уступили их требованию. Некоторые отчаянные головы среди родственников пытались забрать ребенка, но тут уже на стороне матери и бабушки тяжёлой артиллерией выступил закон.

Так они и остались жить втроём. Вся многочисленная родня по достоинству оценила их благородный поступок и, в конце концов, между ними установилась прочная родственная связь. Этому ещё способствовало и то, что мать оставила себе и сыну фамилию их рода Зангиев, а маленький Ильяс оказался прочным звеном в этой цепи, соединившей собой два народа.

Раз в году, когда у матери был отпуск, а у Ильяса летние каникулы, они ездили на Кавказ навестить родственников и посетить могилу отца. Задолго перед поездкой они втроём садились за стол и составляли полный список родственников. Затем тщательно несколько раз его проверяли, чтобы не дай Бог никого не забыть. Долго размышляли, кому и какой подарок покупать. Родственников было много, и все они были разбросаны по всей Чечне. Только благодаря тому, что их возили на машине от одной семьи к другой, они успевали всех навестить. Не побывать у кого-нибудь – расценивалась, как непростительная обида. С Кавказа они возвращались усталые, загруженные всевозможными сумками и баулами с гостинцами и снедью, и очень довольные тем, что свой долг выполнили и посетили всех, никого не забыв. Это уже превратилось в ритуал.

В свою очередь, родственники совершали к ним массовые наезды, и тогда их просторное жильё превращалось в густо населённый табор. Многие из гостей с трудом говорили на русском языке, а украинского вообще не знали. С маленьким Ильясом они упорно разговаривали на чеченском языке и он, как и все дети, быстро усвоил разговорную речь и гордо разгуливал с ними по городу в качестве переводчика, тем более, что родственники часто покупали ему мороженое и всевозможные игрушки.

После трагической гибели отца, у матери было несколько предложений выйти замуж, но она всем отказывала, понимая, что никто из них не заменит Ильюше, как она его называла на свой украинский манер, родного отца. В детском возрасте Ильяс не смог должным образом оценить её самопожертвование. Избалованный вниманием и заботой матери и бабушки он воспринимал всё, как само собой разумеющееся, как должное.

Целые дни мать была занята на работе. Хотя они регулярно получали ощутимую помощь от дедушки Мусы и от других родственников, денег всегда катастрофически не хватало. Матери приходилось брать на дом дополнительную работу, и каждый вечер она допоздна просиживала за кульманом. Воспитанием маленького Ильяса полностью занималась бабушка.

Ещё в своём далёком детстве бабушка воспитывалась гувернанткой, выписанной отцом, в то время известным адвокатом, из небольшого немецкого городка Кобленц. Фрау Шварц ни слова не понимала по-украински, и маленькой девочке произвольно пришлось выучить немецкий язык во всей его окраске хессенского диалекта. Это и определило её дальнейшую судьбу. Во время войны она была направлена на курсы

военных переводчиков, затем на фронт. После окончания войны некоторое время служила переводчиком в комендатуре города Лейпциг. После полной демобилизации преподавала немецкий язык в школе. Теперь, уже пожилая женщина, она старательно и упорно обучала своего обожаемого внука премудростям, так близкого ей, немецкого языка. В своём старании она испытывала приятные воспоминания своего детства.

Честно говоря, Ильяс не испытывал особого восторга от бабушкиного увлечения. Единственное, что его к этому привлекало – это то, что в своём заветном сундучке бабушка находила ещё те детские книги, по которым она сама начинала изучать язык. Слушая сказки, которые она ему читала, Ильяс начал постепенно понимать язык. Прошло пару лет, и он уже свободно в разговоре с бабушкой переходил на немецкий язык.

Как-то раз они с приятелем заигрались в футбол и совсем забыли, что на следующий день у них контрольная работа по математике. Готовиться уже было поздно, и приятель подал гениальную мысль – просто не идти в школу. Ильясу понравилась его идея, и они утром решили отправиться в кино. На улице моросил мелкий дождь. Быстро добежав до ближайшего кинотеатра «Дружба», они взяли билеты. На последние деньги купили по две порции мороженого и удобно устроились в первых рядах кинозала. К их большому удивлению, фильм демонстрировался на немецком языке. Приятель порывался уйти, но Ильяс уговорил его остаться. Денег на другой сеанс у них уже не было, а наслаждаться мороженым под дождём – удовольствия мало. Причина была убедительной и тот, после недолгих уговоров, решил остаться.

С первых же кадров фильма Ильяса поразило то, что он прекрасно понимал всё, о чём говорили с экрана. Ещё больше удивился приятель, которому Ильяс продемонстрировал почти синхронный перевод. После окончания фильма они вышли из кинотеатра и увидели, что, спасаясь от дождя, они перепутали сеанс. Вместо фильма «Дело Румянцева», они попали на сеанс, который демонстрировался в помощь тем, кто изучает иностранный язык. Возвратившись домой, он рассказал об этом бабушке, при этом конечно скрыл, каким образом он туда попал. На следующий день, после уроков они с бабушкой отправились в кинотеатр. С тех пор они стали постоянными посетителями и даже выписали полностью расписание демонстрации фильмов на немецком языке.

* * *

Однажды зимой бабушка, возвращаясь из магазина, споткнулась в темном подъезде, не заметив под ногами ступеньку и упала. Приговор врачей был безжалостным – перелом шейки бедра. Через две недели её жизнь медленно угасла. Ильяс очень переживал её кончину и на какое-то время замкнулся в себе так, что мать была вынуждена сводить его к врачу. После беседы с ним, врач успокоил её тем, что это всё со временем пройдёт. Вскоре наступили летние каникулы, и мать достала ему путёвку в пионерский лагерь. Там и произошло его первое знакомство с бильярдом.

Чем привлёк его внимание этот убогий настольный бильярд с металлическими шарами – трудно сказать. Кий больше походил на держак от дворницкой метлы. Лузы были в полтора раза шире шаров. Даже бортовые шары можно было забивать свободно. И всё же, Ильясу понравилась игра, и он стал большую часть времени проводить в бильярдной. Первое время он наблюдал за игрой со стороны, изучал ее правила. Постепенно, прислушиваясь к разговорам и выяснениям спорных вопросов, он начал понемногу в ней разбираться.

Как-то раз отряд, в котором был Ильяс, пошёл в двухдневный поход в лес. В густом орешнике он присмотрел длинный прут, содрал с него кору. Затем хорошо просушил возле кухонной плиты. На кончик прута наклеил кожаный пяточок, вырезанный из старой обуви. Теперь это изделие уже можно было назвать кием. Судьба, судьба! Никому не дано знать, какая она кому уготована. Если бы у Ильяса ничего не получилось то, может быть, его детское увлечение на этом и закончилось. Но произошло невероятное. Он забил два шара подряд! Даже старшие мальчики посмотрели на него с уважением. Это и решило его жизненный путь, положив начало дальнейшей судьбе.

* * *

Вернувшись домой из пионерского лагеря, Ильяс на какое-то время совсем забыл о своём увлечении. Впрочем, он даже не знал о том, что существуют где-то бильярдные залы. В то время бильярд переживал тяжёлое время. Его официально не признавали ни за спорт, ни за игру и приравнивали к запрещённым азартным играм, наряду с картами. Несмотря на это, были страстные поклонники этой необыкновенной игры.

Как-то на каникулах Ильяс возвращался из кино через парк и попал под дождь. Рядом стоял какой-то одноэтажный павильон, и мальчик вошёл туда, спасаясь от непогоды. Оказавшись внутри павильона, Ильяс остолбенел. Это была настоящая бильярдная с большими столами, с настоящими жёлтыми, номерными шарами. Кое-где на столах зелёное сукно было пропалено сигаретами, некоторые шары сколоты, но зато это был самый настоящий бильярд. А в конце зала стоял такой огромный стол, что на нём можно было играть в мини-футбол. Игроки, которые играли за этим столом, иногда во время игры вынуждены были для удобства одну ногу забрасывать на борт стола, при этом строго придерживаясь правил о «заземлении». Время от времени они также пользовались при ударе по шару специальной лопаткой. Кии были ровные, гладкие, блестящие и имели на конце кожаные наклейки. На стене висели полочки со специальными ячейками для шаров. Тут же лежали мел и байковая тряпочка для протирки кия. В отдельной комнате, утопив себя в старом кожаном кресле, сидел толстый маркёр, готовый решить любой спорный вопрос.

В изумлении Ильяс просидел три часа, наблюдая за игрой. С тех пор он стал частым посетителем этого зала. Ильяс усаживался на стул возле бильярдного стола и мог часами наблюдать за игрой. Иногда он представлял себя на месте игрока и оценивал тот или иной удар, который производил играющий. В это время он забывал все установленные матерью сроки возвращения домой, чем вызывал её большое недовольство своим увлечением.

Постепенно, на первый взгляд бессмысленное катание шаров по столу под ударами кия, приобрело для него строго осмысленный порядок. Ильяс стал замечать, что все играют по-разному. Каждый игрок имел свой почерк игры, свою манеру. Он уже мог по почерку игры составить характер игрока. Вспыльчивые и шумные, как правило, всегда играли, сильно ударяя по шарам, не заботясь о последующих ситуациях. Часто бывало так, что после удара у них шары вылетали через борт и с грохотом падали на пол. Возле таких игроков было даже опасно находиться. Они рассчитывали и надеялись только на свою кладку и на мощный удар. О таких игроках говорили с иронией: «Кто сильнее бьёт – тот лучше всех играет». Трусливые и слишком осторожные игроки рассчитывали на подставки и ошибки партнёра. Сами они играли с

предельной осторожностью и сильно нервничали во время игры. Таких игроков презрительно называли «Мандратапуа».

Но были игроки, которые перед каждым ударом внимательно осматривали и изучали расположение шаров на столе, предполагали – куда и какой шар станет после удара, следили за полосатым шаром. С помощью специальных ударов по шару – «боковиков» – они вращали шар, придавая ему нужное направление и выводили его для более удобного следующего удара. Это уже было мастерство.

У каждого мальчугана в бильярдной был свой кумир, которому они старались во всём подражать. У Ильяс кумиром стал высокий парень, лет двадцати пяти. Мальчишке нравилось в нём абсолютно всё. Звали его Артур. Он приходил в бильярдную не очень часто, во всяком случае, не сидел там целыми днями, как другие игроки. Одевался всегда элегантно. Во время игры, когда приходилось бить шар с неудобного положения, при этом одну ногу необходимо класть на стол, он непроизвольно демонстрировал свои великолепные носки и до блеска начищенную обувь. Артур всегда был в ослепительно белоснежной рубашке, манжеты которой были тщательно отглажены. Говорил тихим, уверенным голосом. Играл без признаков трусости, но никогда не кидался сломя голову за сомнительными шарами. Всякий раз, когда он играл, Ильяс, затаив дыхание, наблюдал за игрой, не пропуская ни одной мелочи. Огорчённо вздыхал при его неудачах и гордился его победами.

Лишь только через месяц после первого посещения бильярдной, Ильяс, скопив на завтраках и кино деньги, смог попробовать себя в игре. Тогда ему казалось, что стоит только взять в руки кий и всю игру, которую он уже не раз мысленно прокручивал в голове, можно будет сделать легко. Однако, кий упрямо скользил по шарам. Те, в свою очередь, шлёпались в борт стола далеко от намеченной лузы. А один раз во время удара у него соскользнул кий от шара и он чуть не порвал его кончиком сукна на столе. После очередного «кикса» по шару к нему подошёл Артур и вполголоса сказал:

– Юноша, я должен отметить ваше усердие в игре. Но для первого раза запомните одно из правил игры: «мели кий до удара».

Ильяс был вне себя от счастья. Ведь сам Мастер обратил на него внимание! Так он и познакомился с Артуром – одним из лучших и удачливых игроков в бильярдной.

* * *

Артур работал, вернее, служил в армии, в каком-то секретном подразделении. Даже выпив с друзьями, а это было нередко, он никогда не распространялся о своей службе. В форме его никто и никогда не видел. Но о том, что он был военным, по секрету кому-то рассказал маркёр дядя Паша. А какой может быть секрет в бильярдной? Знает один – знают даже шары. Вот и весь секрет.

Однажды в бильярдной произошёл случай, который подтвердил таинственность Артура и чуть-чуть приподнял завесу тайны над ним. Как-то раз Артур играл с одним денежным партнёром. Ставки были немаленькие. Об этом также говорили выпуклые, совиные глаза маркёра дяди Паши, который с кем-то уже поставил ставку, «замазал», как говорят игроки. Артур заканчивал с партнёром контрольную партию, которая, как правило, идёт вдвойне. Вдруг в бильярдную, громко разговаривая и о чём-то споря, ввалились двое хорошо подвыпивших парней с лицами, не испорченными интеллектом. Наглыми глазами они начали обшаривать зал в поисках свободного стола, мешая игрокам, но все оказалось занято.

У Артура была игра в последнем шаре. Это очень ответственный момент игры. Необходимо сконцентрировать всё внимание, чтобы не подставить шар в выгодную для партнёра позицию. В таких случаях иногда игра затягивается. Заметив, что у них на столе всего два шара, они остановились возле них, надеясь на скорое окончание партии. Своими ненужными советами, а иногда даже грубым вмешательством в игру отвлекали игроков и мешали им. Надеясь на свои накачанные мышцы, они вели себя нагло, как будто в зале кроме них никого не было. Да и кто мог им здесь противостоять? Пьянь явно искала повод для выхода своей накопившейся бычьей силы. Остановившись возле стола, за которым играл Артур, они решили, что этот стол – для них самый подходящий из всех остальных:

– Что вы не можете забить два шара? Тоже мне, игроки! Колюня, бери кий у второго, мы сейчас быстро доиграем и начнём новую партию, – крикнул один «бычок» другому.

Колюня попытался схватил рукой кий Артура. Но тот резким движением левой руки перехватил толстые пальцы Колюни и вывернул их так, что тот присел и завизжал поросычьим визгом. Слегка ослабив хватку, Артур тихо произнёс:

– Молодой человек, вы со своим приятелем мешаете мне и моему партнёру работать. Должен вас предупредить, что в случае моего проигрыша я заставлю вас обоих рассчитаться с моим партнёром. Сумма немалая. Лучше всего будет, если оставшееся время пребывания в бильярдной вы посвятите экономии своих денег и тихо выйдете вон.

Артур отпустил руку и легонько оттолкнул его от стола. На шум из маркёрной высунулся дядя Паша. Игроки за столами тоже прекратили игру и с любопытством наблюдали за стычкой, готовые вмешаться на стороне Артура в любое время. «Бычок», разминая онемевшие пальцы, вылупился налитыми злостью глазами на Артура. Второй начал обходить бильярдный стол, подкрадываясь к Артуру сзади.

– Эй, да я вижу, что у вас, кроме бычьих голов, ещё и волчьи повадки? – Молниеносным движением ноги Артур ткнул одного «бычка» в пах. Тот согнулся пополам и с криком полез под стол. От кулака второго «бычка» он ловко уклонился, затем перехватил его руку, резко завернул за спину. Двумя пальцами второй руки он зацепил его за ноздри. К поросычьему визгу прибавился волчий вой. Игроки с удивлением смотрели на двух «бычков», валяющихся на полу. Всё произошло в считанные секунды. Артур поправил галстук, одернул жилет и произнёс тихим голосом:

– Несмотря на неудобства, которые я вам причинил, теперь вы должны дождаться окончания партии. На всякий случай пересчитайте деньги в ваших карманах. Повторяю! Если я проиграю, – вам придётся рассчитаться. Заранее предупреждаю – расписок, не заверенных нотариусом, я не беру.

Ильяс посмотрел на Артура и был поражён его глазами. Они стали белыми и холодными, как лёд. Под этим ледяным взглядом «бычки» стали вдруг покорными, как ягнята. Дядя Паша завёл одного из них с рассеченной бровью в маркёрную, чтобы наложить повязку на рану и остановить кровь. Спустя некоторое время тот вышел оттуда, прикладывая к брови бинт с ватой, и что-то прошептал своему приятелю. Тот испуганно перевёл взгляд на Артура и ещё сильнее вжался в стул, на котором сидел. До слуха Азарта, сидевшего рядом, донеслось лишь «майор, спецназ». Так приоткрылся слегка занавес, укрывавший личность Артура. Хотя сам он всегда называл себя связистом.

Как-то раз Артур пришёл в биллиардную со своей племянницей. Она водила по залу своими глазами, затем уселась на стул, не проявляя никакого интереса к игре. Азарт её за это просто презирал. Облизывая мороженое, она болтала ногами, чуть ли не касаясь пола своей косой. Ильяса так и подмывало дернуть за неё. Мальчишки, играющие за столом, стараясь обратить её внимание на себя, проявляли чудеса кладки. А она только фыркала, как кошка, и делала вид, что её ничего, ну абсолютно ничего, здесь не интересует. Покончив с мороженым, она презрительно спросила Азарта:

- Сколько тебе лет?
- Четырнадцать. А тебе?
- Фу, какой ты невоспитанный. Разве можно у женщины спрашивать её возраст?
- Тоже мне женщина. У себя в классе ты, наверное, первая подлиза.
- Неправда! Я никогда не подлизываюсь.
- Хочешь, пойдём покатаемся на качелях? – примирительно спросил Ильяс.
- Ага! Вот ты первый и подлизываешься ко мне. Ну, хорошо! Не дуйся. Только я боюсь сильно раскачиваться.
- «Погоди, – злорадно подумал Ильяс. – Вот там я тебе всё и припомню.
- Меня зовут Юля. А тебя?
- Ильяс.
- Какое странное имя.
- Это чеченское имя, но можешь меня называть Ильюша. Так называет меня моя мама. А когда мы ездим в гости в Чечню, там она зовёт меня – Ильяс.
- А почему чеченское?
- Мой папа был чеченец.
- Почему был?
- Он погиб в автокатастрофе, спасая женщину и ребёнка.
- Извини, пожалуйста. А можно я буду тебя тоже называть Ильюша?
- А меня так все и называют. Артур, это твой брат?
- Нет, что ты. Это мой дядя. Я приехала к нему в гости. Мы с мамой живём в Одессе. Недалеко от моря. Всего две остановки трамваем.
- А в каком ты классе?
- В шестом.
- А я в седьмом. И ты ещё со мной разговариваешь поучительным тоном.
- Девочки всегда старше. Мы знаем больше вас. У мальчишек в голове только всё круглое.
- Почему всё круглое? – недоуменно спросил Ильяс
- Ну, мячи, шары, колёса. – Юля поднялась со стула. – Я спрошу у Артура разрешения.

Она подошла к Артуру. Что-то ему сказала, показывая пальцем на Ильяса. Артур улыбнулся ему и поощрительно кивнул головой. Под завистливыми взглядами мальчишек, потерявших всякий интерес к игре, они направились к выходу.

Ильяс почему-то сразу заметил, что его брюки давно не глажены, рубашка не модная, а босоножки на ногах вот-вот развалятся. Всё это он почувствовал как-то внезапно. До этого одежда его полностью устраивала. Но одежда – ещё полбеда. Главная беда в том, что Юлька была немного выше его ростом. Красный от смущения, Ильяс плёлся за ней через весь зал. Опустив глаза, он шел, глядя на её длинную косу с бантом, как на единственный ориентир. Как только они вышли из зала, Юлька схватила его за руку и они побежали. Взяв билеты в кассе, они взобрались на качели и начали раскачиваться. Её длинная коса, как маятник, покачивалась в такт качелям. Ильяс кидал косые взгляды на Юлю, и ему почему-то перехотелось сильно раскачивать

качели и пугать её. После качелей они ещё часа два гуляли по парку, сплетничая об учителях и одноклассниках. Вспоминали всякие смешные истории из школьной жизни и весело смеялись. В бильярдную они вернулись уже хорошими друзьями.

На следующий день они опять встретились. Юля вечером должна была уезжать в Одессу. Первый раз в жизни Ильяс провожал девушку на поезд. Они стояли возле вагона. Почему-то не хотелось ничего говорить. В голове вертелась дурацкая песня, услышанная им когда-то на пляже, – «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает, что с девушкой я прощаюсь навсегда». Они обменялись телефонами и адресами, пообещав звонить друг другу и писать письма. Загорелся зелёный свет семафора, и проводник стал приглашать пассажиров в вагон. Вдруг глаза Юли наполнились слезами. Она неумело уткнулась Ильясу в шею и поцеловала его в щеку.

Когда-то Ильяс ремонтировал выключатель, и его ударило током. Сейчас детский поцелуй Юли прошиб его насквозь, как тысяча токов. Первый раз в своей юношеской жизни он обнял девочку, ещё не зная того, что это пришла к нему его первая любовь. Любовь, которую они сохраняют на многие годы.

Поезд тихо отошёл от перрона, унося от него его первую любовь на долгие четыре года. Знал бы это Ильяс, то порвал-бы Юлин билет, добился бы отмены рейса, разобрал бы, в конце концов, рельсы и шпалы. Но своей судьбы не суждено знать никому. Да и неинтересная была бы дальнейшая жизнь.

* * *

Прошло четыре года. Ильяс из мальчика превратился в высокого, стройного юношу. Небольшие чёрные усики давали возможность прибавить к своему возрасту два-три года, в зависимости от обстоятельств. Ежедневное, многочасовое пребывание за бильярдным столом, наблюдение за игрой своего кумира дало свои результаты. Вдобавок, как-то в руки ему попался журнал «Наука и жизнь», в котором было подробное описание и схематическое изображение азов игры на бильярде. Это было что-то похоже на учебник. Всю эту теорию Азарт выучил и освоил в совершенстве на практике.

Теперь, играя со своими сверстниками, он сам диктовал игру. Иногда у него даже запрашивали фору. Он уже не посещал бильярдные с сомнительной публикой, а обосновался в бильярдной более высокого класса, куда не каждый с улицы мог попасть. В игре он старался быть похожим на своего кумира Артура. Но юношеский пыл в игре проявлялся постоянно. Часто, имея в запасе несколько шаров, если игра была в «американку», или пару десятков очков в игре «пирамида», он начинал куражиться. Иногда такой кураж приводил к проигранной партии. Но если в этот день у него прорезалась хорошая кладка, он проявлял в игре чудеса. Артур, который уже давно обратил внимание на талант мальчика, на правах старшего товарища указывал ему на его нестабильную игру. Но потом он понял, что это могло изменить лишь время и приобретённый опыт, которые у Ильяса были впереди. А пока что он, играя, распылялся и упивался своими победами. Так пришло и приклеилось к нему прозвище – Азарт. И уже мало кто называл его по имени, немного чужому для здешних мест, Ильяс.

Появился также в игре интерес, а вместе с ним в кармане деньги. Ему уже больше не нужно было экономить деньги от завтраков, чтобы играть в бильярд. Мало того, часто, возвращаясь домой, он заходил в гастроном и покупал к чаю мамино любимое

печенье. Такая его финансовая самостоятельность, порождала у матери много вопросов. Однажды она тайком побывала в бильярдной. В это время Ильяс играл с каким-то высоким, на вид интеллигентным молодым человеком. Она даже подсмотрела, как этот молодой человек расплачивался деньгами с Ильясом после игры. Ей это было очень неприятно видеть, и она хотела подойти к ним. Но молодой человек неожиданно пожал Ильясу по взрослому руку, улыбнулся и, как ни в чём не бывало, вышел из бильярдной. Мать пошла следом за ним и, отойдя метров на сто от бильярдной, в душе осуждая себя за свой поступок, обратилась к молодому человеку:

– Извините, пожалуйста.

– Да, я Вас слушаю.

– Я – мама того мальчика, с которым Вы только что играли на бильярде.

Молодой человек приятно улыбнулся и представился:

– Артур. Мне очень приятно познакомиться с мамой моего юного друга.

– Как же это так? Он Ваш друг и Вы даёте ему деньги?

Артур посмотрел ей в глаза, затем взял её под руку и отвёл в сторону:

– Я думаю, мне не придётся Вам объяснять, что в наше тяжёлое время никто лишь бы так деньги не отдаёт.

– В таком случае, как Вы можете объяснить свой поступок?

– Он заработал эти деньги тяжёлым трудом.

– Разве это труд, играть в бильярд?

– Да, это труд, – уверенно сказал Артур, – но кроме труда, это ещё и талант.

– Вы хотите сказать, что у Ильяса есть талант в ... этой игре?

– Вот именно.

Они ещё долго говорили об Ильясе. Как-бы там не было, но матери приятно было слушать хорошие отзывы о своём сыне, а Артур с удовольствием нахваливал своего любимца. Расстались они хорошими друзьями. С тех пор мать немного успокоилась, но волнение за сына её до конца не оставило. Чутьё ей подсказывало, что там, где замешаны деньги – обязательно жди беду.

* * *

Осенью Азарт призвали в Армию, вернее во Флот на Север. В учебном экипаже, куда он попал на первых порах, Азарт завоевал определённое уважение среднего офицерского состава. Произошло это так. В расположении их части было одно единственное место развлечения на сотни километров – клуб офицеров. Матросов туда пускали исключительно по большим праздникам, да и то не дальше кинозала или библиотеки. Развлечения в клубе были стандартные: шахматы, шашки, домино, настольный теннис и ... «кайзер». Кто такой – «кайзер», Азарт не знал, да и не пытался узнать. Его это просто не интересовало. В этот период он старательно увлёкся восточным единоборством, освоение которого было положено по программе войск морского десанта. Как-то раз он получил наряд на уборку помещений клуба. После удаления пыли и натирания паркета осталось последнее помещение, запертое на замок. Дежурный матрос открыл ключом дверь, и Ильяс обомлел. Посреди комнаты стоял шикарный, украшенный резьбой красного дерева бильярдный стол. Это было великолепное трофейное чудо. «Так вот кто такой кайзер!» – подумал Азарт. Но это же не «кайзер», это «император»! Азарт любовно погладил зелёное сукно стола.

Когда-то в помещении клуба была зимняя дача командующего флотом. Любил он северную экзотику, русскую баньку. А кто же откажется после хорошей баньки и расслабляющей рюмочки раскатать пирамидку или американочку? Стол сюда

привезли в разобранном виде со склада трофеев. После того, как командующего и след простыл, стол перешёл в наследство к офицерам. Наличие стола тщательно скрывали от «верхушек». На такой лакомый кусочек нашлось бы много желающих адмиралов, обладающих всевозможными рангами и привилегиями.

Матросик заметил оторопевшее состояние Азарта и спросил:

– Ну, ты чё, зема, вылупился? – и покровительским тоном добавил, – за этим столом не едят. Это бильярд! Ну да чё тебе, блин, объяснять, всё равно не поймёшь. Вон там, в углу стоит пылесос. Пользоваться им умеешь или показать? Бери и работай. Сегодня здесь будет серьёзная игра между двумя давними партнёрами.

– А ты, сапог, хоть когда-нибудь играл в бильярд? – поинтересовался Азарт.

– Я? Эх ты, деревня! Да я, блин, даже с самым мичманом катал. А мичман у нас чемпион! – и огорчённо добавил: – Жаль, что ты не играешь. А то бы скатали пару партий.

От случайно появившейся возможности сыграть в бильярд, да ещё на таком столе, у Азарта даже перехватило дыхание. Поучительный тон салаги, да ещё вдобавок в присутствии «императора», Азарт простить не мог. И он решил наказать ничего не ведающего матросика. Пусть не наказать, но немного проучить. Причина для этого была, а повод он сам предоставил.

– Слушай, сапог! Покажи мне, как играть, и мы с тобой сыграем. Если выиграю – ты убираешь помещение. Если выигрываешь ты – получаешь вот эту штучку.

Азарт вытащил из кармана четырёхстержневую шариковую ручку. На каждой из четырёх сторон ручки были яркие, экзотические картинки женщин четырёх рас: белая, негритянка, китаянка и индианка. Азарт наклонил ручку вниз и одежда начала сползать с красавиц, обнажая их догола. Такие демонстрации Азарт уже проделывал в экипаже. Это вызывало восторг и вполне нормальный интерес матросов учебного отряда, надолго лишённых женского присутствия и внимания. За этой ручкой уже давно и упрямо охотился замполит. Но для Азарта спрятать ручку от его целеустремлённого желания было детской забавой. Уж очень разные школы жизни прошли они с замполитом.

Увидев такое чудо, бедный матросик оторопел. В голове у него замелькали сладкие мысли. А что мог видеть этот бедняга, призванный в армию из глубинки России? Разве что чёрно-белую фотографию одноклассницы Нюры, стибренную им по случаю. А уж представить её без юбок и платков – совсем нелепо. Бедняга аж вспотел!

– Играем, – произнёс матросик сдавленным голосом, не отрывая взгляда от заморского чуда.

Мысленно он уже владел ручкой. Даже представил себе, как он в отпуске у себя в деревне будет показывать такое чудо. От этого зрелища там не у одного дыхание сопрёт. Тут уж будет прямой повод небрежно сказать: «Когда мы заходили в Сингапур...». Толчком в грудь Азарт вернул его на землю от сладких мыслей.

– Эй, сапог, ты что, улетел? Давай, учи!

Матросик добросовестно начал показывать, как надо пользоваться кием, как бить по шарам, рассказывал о правилах игры.

– Всё, достаточно. Я понял, – сдерживая волнение, сказал Азарт, – играем!

Первую партию Азарт «кое-как, с трудом» выиграл и тут же предложил сыграть на натирку полов. Чувствуя, что желаемая игрушка от него немного удалилась, матросик поспешно согласился и начал расставлять шары.

– Слушай, сапог. Так не годится. Ты сначала почишь стол, потом продолжим игру, – сказал Азарт, следуя своей традиции. – Рассчитайся, и играем дальше.

Матросик и в мыслях не держал, что ему придётся заниматься приборкой, и запротестовал:

– Да ты чё, зема? Сначала играем, блин, потом рассчитываемся!

Азарт игриво перевернул красавиц с ног на голову и, спрятав опять ручку в карман, равнодушно бросил:

– Как хочешь. Но на других условиях я не играю. Иди на свой пост, бди. А я займусь делом. Я случайно выиграл, а ты уже замандражировал.

Такой категоричности бесхитростный, неискушённый матросик не ожидал и торопливо согласился:

– Хорошо, хорошо, зёма. Сейчас я быстренько почищу, а ты иди на пост, посмотри там, чтобы не было никого из посторонних.

– Быстро только воруют, – поучительно сказал Азарт, – чисть на совесть. Это – «император»! Конечно, не следовало бы твоим корявым рукам доверять это дело, да ладно уж... – отыграваясь, издевался Азарт.

Матросик включил пылесос и начал чистить стол. Азарт, развалившись на стуле, наблюдал за ним и начальственно подсказывал, где ещё почистить. За шумом пылесоса они не услышали, как открылась входная дверь клуба. Мирное их содружество нарушил удивлённый возглас с палубной интонацией:

– Это как же понимать? Что здесь происходит? Почему сквозит на посту?

Они оба вскочили и вытянулись по стойке «смирно». Бравый мичман с закругленными сверху усами изумлённо таращил на них глаза.

– Матрос Зангиев! Занимаюсь приборкой помещений, – быстро отрапортовал Азарт.

– А ты?

– Дежурный по клубу матрос Ложкин! Проводил проверку матроса Зангиева!

Мичманюга смотрел на них и ковырялся в своих мозгах в поисках наказания.

– А почему ты прибираешь, а он контролирует? – коварно поинтересовался мичман.

– Так ... ручка, – сконфужено пробормотал матросик.

– Какая ручка? Что ты, салага, мелешь?

– Разрешите, товарищ мичман? – вмешался Азарт, сделав шаг вперёд.

Азарт вытащил ручку из кармана и продемонстрировал её мичману. В отличие от матросика, тот имел нагрудный знак «За дальний поход» и кое-что из диковинок повидал на экзотических зарубежных базарах. С формулировкой в приказе «для передачи опыта и обучения молодых матросов, временно...», а на самом деле за перерасход спирта в море он был откомандирован в учебный экипаж. С ностальгической тоской о своём единственном дальнем заграничном походе он полюбовался ручкой.

– Да, – с грустью сказал он, – было время! Теперь я себе такую уже не куплю. Что хочешь за неё? – напрямую выпалил мичманюга.

Мичман был женат. Но имел твёрдое убеждение, что у настоящего моряка на одной жене свет клином не сошёлся. Данное вынужденное обстоятельство – служба в забытом Богом гарнизоне – рассматривал, как временно сложившуюся ситуацию и не терял надежды на перевод по службе к южным морям.

– Товарищ мичман! А Вы с ним сыграйте. Я у него эту штуку чуть не выиграл, да Ваш приход помешал, – прервал его мысли матросик.

Мичман представил себе, как он будет куражиться перед друзьями этой диковинкой и, нарушая устав, предложил:

– А что? Давай? На неё, – кивнул мичманюга на ручку.

Где кончается устав, там начинается фамильярность, а этого у Азарта в запасе было в излишке.

– А на что будете Вы играть? – нахально осведомился он.

От такого встречного вопроса бравый мичман, он же заведующий клубом, сконфузился. Действительно, на что? Потом хлопнул себя по лбу:

– Ты вот что! Сегодня первый раз в клубе в наряде?

– Да, первый раз. И вот увидел такое чудо, – кивнул он на стол.

– Человек утончённого чувства не может смотреть на него равнодушно. А ты, я вижу, именно тот человек.

Ильяс как бы сконфужено развёл руками, не смея возразить ничего мичману.

– Играю на пять нарядов в клубе, не считая выходных, – выпалил мичман.

В гарнизоне среди матросни считалось большой «шарой» получить наряд в клуб. Это – тепло, тишина, телевизор. А что может сравниться с библиотекой, в которой работает за стойкой библиотекарь Валюша – самая красивая женщина на многие сотни километров? Сидя за барьером в платье с глубоким вырезом на груди, она с пониманием разрешала мучиться матросским душам, давая разгул ихней молодой фантазии. И вот теперь такая «шара» сама плыла в руки Азарта. Да, он себе даже представить не мог – пять нарядов! Ожидал 2-3, а тут – целый отпуск. Вдобавок, стол-император. На который – просто приятно любоваться, не говоря уже об игре.

Мичман прослужил на флоте уже лет 10-12. Это вполне достаточный срок, чтобы овладеть бильярдом, как он его понимал. А понимал он его так: чем сильнее влупишь по шару, тем легче ему будет войти в лузу. Короче, действие иногда превышает противодействие. И если действие чуть-чуть увеличить, то оно легко преодолеет противодействие. Вот и весь принцип! Легко и просто. Надо отдать ему должное, что служба на флоте у него не прошла зря. И хотя он понятия не имел о «винтах», «боковиках», «накатах» и прочих бильiardных мудростях, удар у него был довольно сносный и играл он неплохо. Это давало ему право принадлежать к определённому кругу игроков гарнизона. В средних офицерских кругах считалось очень престижным, если ты преодолел первые две ступени, дающие право принадлежать к элитному званию «господа офицеры». Первая ступень – это бильiard. Вторая – преферанс. Мичман считал, что первую он уже одолел, а вторая «чертяка, уж больно мудрёная – не дается! Ну, да и одной достаточно».

Тут уже не сдерживая себя, Азарт накрыл ничего не подозревающего мичманюгу тремя партиями в течение получаса.

– Жаль, что у тебя нет звёздочек на погонах. Можно было бы сказать, что первую ступень ты преодолел, – сконфужено пробормотал мичман.

Азарт ничего не понял о ступени и о звёздочках. На радостях о предстоящих нарядах он протянул мичману заветную игрушку, как подарок. Всё равно хранить её у себя было уже опасно. Замполит обложил его вплотную. «Если уж попадать, то в крепкие мозолистые ручища мичманюги, а не в изнеженную куриную лапку замполита», – решил Азарт. Да и плата за такое удовольствие была копеечная.

Мичман благодарно пожал ему руку.

– Спасибо! В свою очередь я постараюсь для тебя что-нибудь сделать. Запомни! Хороший мичман на флоте сильнее адмирала. А я мичман хороший!

Они простились, почувствовав друг к другу симпатию. Свой свояка видит издалека – воистину так. Матросик, наблюдавший со стороны ошеломляющий дебют Азарта, не сводил с него восторженных глаз. Его игра и непринуждённые отношения с мичманом сразили его наповал так, что он даже забыл о потерянной навсегда ручке. Проходя мимо него, Ильяс дружески похлопал его по плечу и поучительно сказал:

– Пока, шнурок! За твой развязный тон, который ты допустил в разговоре со мной, я тебя уже наказал. Но, чтобы сгладить наши отношения, могу тебе предложить свой автограф. Со временем он будет дорого стоить.

– Ну ты, зёма, блин, даёшь – восхищённо пробормотал тот.

* * *

Аппетитный запах готового омлета наполнил кухню. Ильяс переложил омлет со сковородки в тарелку и принялся не спеша завтракать. Мысли вернули его снова назад, на Север.

Как-то через неделю после игры с бравым мичманюгой, Ильяс делал свою очередную приборку. Вытер пыль, пропылесосил стол, подготовил кии, мел и от нечего делать лениво гонял два шара по столу. Он давно уже задумал хитроумную ловушку для партнёров. Заключалась она в следующем. При серьёзной игре, если Азарту будет недоставать пяти очков (или один крест), он должен поставить «тигра» в лузу так, чтобы партнер не смог вывести его на игру и попасть по шару. Для этого «тигр» должен стоять в лузе прочно – «свесив ноги» – и иметь только одно направление для удара. Это было очень сложно выполнить, и Азарт терпеливо тренировался. Три-четыре раза из десяти ударов уже получалось. Но для исполнения необходимо было, как минимум, восемь-девять из десяти раз. Короче – нужен был «верняк».

В бильярдную забежал матросик и прошептал:

– Мичман идет. С ним капитан первого ранга.

Азарт окинул взглядом бильярдную и, вытянувшись по стойке «смирно», доложил по уставному:

– Товарищ капитан первого ранга! Товарищ мичман! «Кайзер» к игре готов!

– Отлично! Мы за этим и пришли, – капраз внимательно посмотрел на Азарта:

– Откуда призывались?

– Киевский райвоенкомат, товарищ капитан первого ранга!

– Где-то я Вас видел, – задумчиво произнёс капраз.

– Не могу знать, товарищ капитан первого ранга.

Капраз ещё раз окинул взглядом Азарта, и они с мичманом принялись за игру. Судя по их разговору между собой и репликам во время игры, у них были дружеские,

неуставные отношения. Каждый выложил из кармана пачку сигарет на маленький столик, находившийся под стенкой. Мичманюга «по забывчивости» налегал на капитанские «Mallboro», забывая курить свой «Дымок». Верное решение: кури сигареты партнёра – свои всегда успеешь, тем более, если это «Дымок». Азарт сварил кофе, вынул из серванта маленькие чашечки. Затем расставил их на подносе и занес в биллиардную.

Капраз удивлённо приподнял брови:

- Это что ещё? Такого сервиса я здесь что-то не припоминаю.
- Уникальный стол обязывает, товарищ капитан первого ранга, – учтиво без какой-либо тени подхалимства ответил Азарт.
- А Вы откуда знаете, что он уникальный?
- Пётр Сергеевич, – вмешался мичман, – Зангиев великолепный игрок. Сам проверял. Он вдул мне три такие партии, что я до сих пор не могу отойти.
- Постой, постой! – задумчиво произнёс капраз. – Я не мог Вас видеть в Киеве, в биллиардной клуба офицеров?
- Вполне возможно. Изредка я там играл, – осторожно произнёс Азарт.
- Ага! Так это Вы обыграли моих двух приятелей год назад?
- Так точно, – вспомнил Азарт, – только начало было другим, товарищ капитан первого ранга, – они меня хотели обыграть и сами предложили ставку. Просто я оказался сильнее их.
- Ну и поделом им, – сказал капраз, – я наблюдал за вашей игрой. Всё было честно, без всяких подстав и леваков. В нашем гарнизоне они вели себя тоже очень вызывающе.

Затем он обвёл взглядом биллиардную:

- То-то я вижу, что кии блестят и на них новые наклейки, мел на месте, протёртые шары. В Киеве я после этого случая часто наблюдал за Вашей игрой. Должен сказать, что Вы действительно играете умно и красиво.
- Петр Сергеевич, у меня есть хорошее предложение, – вмешался мичман. – Нам командующий завещал беречь стол. Учитывая ситуацию, не сможете ли вы рекомендовать матроса Зангиева на должность маркёра? – осторожно поинтересовался мичман.
- Ну, прямо-таки должность, – отмахнулся капраз. – За должность надо платить. А у матросов имеется своя зарплата. Вот закрепить его ответственным за биллиардное помещение, – это можно подумать.

Если бы Ильяс был в это время под открытым небом и поднял бы глаза вверх, то смог бы увидеть, как доброжелательно и весело подмигнула ему его счастливая звезда.

* * *

Приятные воспоминания о службе, игра на «кайзере», немного смягчили его настроение. Он с улыбкой вспомнил своего «первого учителя» – матросика, которого он тогда так проучил. Где он теперь? После той партии с ним и с бравым мичманом он всем рассказывал об Азарте чуть-ли не легенды. Слух о нём, как о классном биллиардисте, разошёлся по всему округу. Все офицеры, увлечённые биллиардом, уже знали его в лицо и с удовольствием приглашали его на игру. Игры были не на интерес, а любительские, и Азарт насыщался игрой на «кайзере».

Почти два года прошли безоблачно. Но счастье не может длиться слишком долго. На третий год службы через дверь бильярдной просунулась лисья мордочка замполита. Его посещение не предвещало ничего хорошего. Так оно и вышло. Последний год Азарт прослужил в грохочущем дизелями машинном отделении ракетноносца, подтверждая каторжным трудом свою морскую специальность – моториста 2-го класса. Но всё, даже плохое, когда-нибудь имеет свой конец. После демобилизации он вернулся назад, в свой родной город.

Азарт закончил завтрак и сложил посуду в мойку – до лучших времен. В ней ещё нашлось местечко для одной тарелки и чашки. Подумав немного, он решил всё-таки помыть посуду. Затворничество кончилось, и могли появиться неожиданные гости. Женщины, которые его иногда посещали, всякий раз норовили проявить инициативу: как-то убрать где-нибудь, помыть что-нибудь. Даже пробовали замахнуться на стирку белья. Но Азарт мужественно оберегал свою независимость, а потому все домашние операции делал сам. Правда, раз в месяц к нему приходила его многодетная соседка и за определённую плату наводила блеск по углам, куда не доходили его руки.

Остерегаясь забрызгаться, Ильяс одел на себя передник и принялся мыть посуду. Эта работа не требовала никакого мысленного напряжения. Но мозг-то всё равно не спит. И поневоле мысли из закоулков головы рисуют прошлые события. Некоторые даже и вспоминать не хочется. А как ты их забудешь? Как выбросить из памяти прошлое?

После службы на флоте друзья помогли ему с устройством на непыльную работу в один из многочисленных НИИ. В этом же году его «определили», не без помощи родственников, в институт на заочное отделение. НИИ радушно предложил ему должность и.о. инженера. На этом его гостеприимность закончилась, так как на зарплату рядового инженера можно было прожить максимум две недели. Благодаря тому, что Азарт теперь проигрывал редко, да и то, если это нужно было из тактических соображений, он мог позволить себе не особенно заострять внимание на своём материальном положении. Но бывало часто и такое, что утром он обшаривал свои карманы в поисках затерявшейся денежки. Потом огорчённо разводил руками – как пришли, так и ушли.

Первое время Ильясу нравилось приходить на работу. НИИ был переполнен смазливymi, модно одетыми порхающими бабочками. Никто толком не знал, какое у них здесь было предназначение. Да, собственно, никто над этим и не задумывался. Есть, ну и есть! Работа его абсолютно не интересовала, тем более – это был не его профиль. Ему было совсем непонятно, почему он должен высиживать весь рабочий день в лаборатории при полном отсутствии какого-либо дела. С гораздо большим удовольствием он проявлял интерес к многочисленному штату «порхающих бабочек». Со временем, перешагнув через нескольких, которые неосторожно, а может быть специально залетели к нему на огонёк в его уютную норку, он потерял всякий интерес к ним и попутно к своей работе, так и не поняв толком, в чем она заключалась. Вдобавок начались попытки посягательства на его свободное время, – привлечение к общественной деятельности.

Как-то раз он шёл по длинному институтскому коридору, задумавшись о своих тяготах и рутинных рабочих днях в осточертевшем ему институте. Вдруг он услышал:

– Heil! Wie geht?

– Danke, wie immer, gut – автоматически ответил Азарт, – Und Sie?

– Danke, auch gut. Sie sprechen sehr gut Deutsch, – извините, но дальше я уже буду говорить по-русски. Мой словарный запас очень скромный. А откуда Вы знаете немецкий? Причём, говорите Вы, почти, без акцента.

Азарт с удивлением посмотрел на своего неожиданного собеседника. Напротив него стоял коренастый, крепкого сложения мужчина отставной внешности.

– А откуда Вы знаете, что я его знаю? – не удержался он от своего обычного нахальства, отвечать на вопрос вопросом.

– Я исполняю обязанности зам директора по кадрам и внимательно ознакомился с Вашей анкетой. Вдобавок, я ещё и секретарь партийной организации института, – дружески протянув ему руку ответил тот.

– Очень приятно, но когда я поступал на работу, там был совсем другой человек.

– Всё верно. Я был в отпуске, и он меня замещал. Вы не ответили на мой вопрос – и, сглаживая официальность, поспешно добавил, – дело в том, что в анкетах многие пишут, что они владеют иностранным языком, а на самом деле ничего похожего нет. А вот, что касается Вас, то я убедился в том, что Вы действительно неплохо знаете немецкий язык.

Азарт улыбнулся неожиданному собеседнику:

– Моя бабушка была на фронте военным переводчиком. После войны она преподавала немецкий язык в школе и, естественно, занималась со мной языком. Когда появился результат, мы часто посещали кинотеатр «Дружба», где постоянно демонстрировали фильмы в помощь изучающим иностранные языки. Вот и весь секрет.

– А я служил в Германии в Западной Группе Войск.

Затем, с откровенностью старого вояки-полковника, он предложил ему подумать о вступлении в партию. Азарт представил себе, как с него, чего доброго, потребуют в партийный общак деньги в виде взносов с его биллиардных выигрышей и захихикал.

– Почему вы смеётесь? Это ответственный шаг в жизни. И если Вам это предлагают, то отнеситесь к этому со всей серьёзностью.

– Тырщ полковник! Однажды в юности я уже хотел поступить в комсомол. Но они, почему-то не захотели меня принять и только посмеялись надо мной.

– Ну, наверное, Вы тогда были недостойны этого.

– Тут я с Вами полностью согласен. Я тогда был совсем зелёный игрок. Сейчас другое дело. Вы что, действительно считаете, что партия нуждается в хороших биллиардных игроках?

Отставник оторопело слушал Азарта, не веря своим ушам. Его круглое румяное и холёное личико начало покрываться красными пятнами. Наверное, у него на антипартийные речи была аллергия. Потом, видимо, вспомнил о необходимости своей партийной толерантности и безнадёжно произнёс:

– Вы всё-таки подумайте над моим предложением. Для начала, Вы могли-бы поработать у себя в отделе в качестве политинформатора.

Азарт удивлённо посмотрел на него:

– Простите, но в политике я имею представление, как Остап Бендер в интернете.

После этого разговора при случайных встречах он здоровался с Азартом сквозь зубы, правда, от него уже больше не поступало никаких предложений и его оставили в покое.

Однажды Азарт стоял в конце коридора у открытого окна с сигаретой и страшно завидовал свободному полёту птиц. К нему подошёл сотрудник другого отдела. Разминая сигарету в пальцах, как бы невзначай бросил:

– Вам нравится ваша работа?

Они были почти незнакомы, и его неожиданный вопрос не оставил у Азарта времени для дипломатичного ответа:

– Абсолютно не нравится. Я не вижу себя, как будущего научного работника, и мне тесно сидеть в стенах лаборатории.

– Значит, я был прав в своих предположениях относительно Вас, – удовлетворенно заметил сотрудник, – Авдеев Иван Николаевич, – представился он.

– Зангиев Ильяс – шаркнул ножкой Азарт, ожидая от собеседника очередного общественного предложения.

– То, что вы не женаты и в ближайшем будущем этого не собираетесь делать, я знаю.

– Откуда?

– Эту печальную песенку поют все наши незамужние девочки в каждом углу.

– По-моему, они уже поют эту песню с некоторым добавлением – убеждённый холостяк, – подыграл Азарт.

– Ну, это как сказать. Просто вы ещё не встретили ту, без которой вы уже не человек. Сегодня так, а завтра уже по-другому.

– Встретил, но, к сожалению, потерял, – вспомнив с грустью Юлю, ответил Азарт.

– Не переживайте. Ещё встретитесь.

– Надеюсь. Если Вы уже исчерпали все вопросы в отношении любви, то мне пора идти дремать в лабораторию.

– Не надо злиться. На сердитых воду возят. Вы не возражаете зайти со мной в мой кабинетик? Выпьем по чашечке кофе и прибавим ещё по одной сигаретке? – дружелюбно предложил сотрудник.

При наличии кучи свободного времени трудно было отказаться от такого заманчивого предложения, тем более при таком глубокомысленном намёке.

– Это можно, – поменяв тон, ответил Азарт.

Помещение, куда завёл его Иван Николаевич, было заставлено большим кульманом и несколькими письменными столами.

– А где Ваши сотрудники?

– Они все работают. На выезде.

Азарт заинтересованно посмотрел на него. На столе появились маленькие чашечки и блестящая никелированная кофеварка.

– Когда-то я был в Италии. Там и приобрёл эту штуковину для заварки кофе особым методом. Сейчас попробуйте вкус настоящего кофе. Правда, она очень дорого стоила. Мои коллеги надо мной шутили, утверждая, что на эту сумму я мог бы купить джинсовый костюм. Но это – дело вкуса.

Через пять минут агрегат зашипел и выдал две маленькие чашечки густого чёрного напитка, покрытого сверху пенкой.

– Пейте, пока горячий.

– Спасибо.

– Итак, к делу. У меня в запасе очень мало времени. Вы не будете возражать, если я предложу Вам попробовать себя в одном деле?

Иван Николаевич изложил суть его деятельности. Последние колебания у Азарта исчезли после того, как тот сказал:

- Работа связана с постоянными командировками. Не далеко – города Украины.
- И Одесса тоже? – выдохнул Азарт.

Иван Николаевич внимательно посмотрел на Азарта:

- Одесса – чаще всего. Там находится наш экспериментальный завод.
- Я согласен.
- Погодите. Вы даже не спросили о зарплате.
- Думаю, что меньше, чем есть, не будет. Ведь я заочник. Оклад минимальный.
- Да, конечно. Будет даже больше. Учитывая прогрессивки и командировочные – значительно больше.

Получив согласие, Иван Николаевич выполнил кое-какие формальности, и уже через несколько дней Азарт с группой сотрудников выехал на объект.

В основном, работа была связана с частыми командировками, где они занимались пуском и наладкой оборудования. Такая работа его вполне устраивала. У Азарта появилось много свободного времени, которое он проводил в биллиардной. Свободное время порождала простая система: они выезжали на объект, выполняли запланированную на 10 дней работу за 4-6 дней, а остальное время были свободными. В конце назначенного срока командировки они покупали на вокзале у проводников билеты за нужное число. Всех это устраивало. Главным в этой карусели было не попадаться начальству на глаза. В свою очередь, начальство было прекрасно осведомлено об этих проделках, но делало вид, что ничего не знает. Да и что надо? Работа выполняется. Рекламации не поступают. Азарт не опасался попадаться на глаза начальству, так как НИИ был расположен на другом конце города. А туда, где обитал в свободное время Азарт, сотрудники дороги не знали. Ко всему прочему, он избавился от надоевшей должности, на которой он устал проводить рабочее время в полусне. Новая работа приносила ему довольно сносный твердый оклад плюс ежемесячную премию. Нельзя было сбрасывать со счетов и командировочные. Игровые деньги он доходом не считал. Да и какой это доход? После проигрыша платить надо всегда самому. А выигрыш – его в тот же день разбавляли приятели, которые слетались тут же, как осы на сладкое. На угощение Ильяс никогда не скупился. Он понимал, что щедрое застолье всегда приносит хорошие и полезные плоды. Это – и новые знакомства и упрочнение уже имеющихся связей.

* * *

Закончив мыть посуду, Азарт расставил её аккуратно по местам. На кухне был теперь образцовый порядок. Надев плащ, он остановился в прихожей, чувствуя, что что-то забыл. Похлопал себя по карманам: сигареты, зажигалка, портмоне, ключи – кажется, всё на месте. Махнул рукой и вышел в парадное. Спускаясь по лестнице, он попутно перечитал старые и новые надписи на стенках: кто кого любит, и кто кому чего желает. Подождал на лестничной клетке, пока два здоровенных амбала пропёрли мимо него громадный шкаф, и вышел на улицу.

Погода ему тут же напомнила о его забывчивости. Конечно-же, как всегда, забыл зонтик. Хорошо ещё, что оставил дома. Сколько этих зонтиков он позабывал в такси, метро, в биллиардной! Ничего, целее будет. Да и возвращаться – плохая примета. Пробежав несколько десятков метров, он спустился в подземный переход и зашёл в своё любимое кафе – хоть немного переждать непогоду. После холодного дождя здесь

было очень уютно. Заказал двойную порцию крепкого кофе. Затем подумал и добавил к заказу рюмку коньяку. Устроившись удобно за столиком в углу, он обвёл маленькое кафе взглядом. Людей было совсем мало. Из динамиков вырывался яростный хрип «непризнанных талантов», которые наконец-то, благодаря перестройке, дорвались до микрофонов. Внезапно грохот прекратился и из динамиков заструилась, как горный ручей альпийских лугов, очаровательная музыка оркестра Джеймса Ласта. Буфетчица Таня хорошо знала его вкус. Она посмотрела на Азарта вопросительно, подняв брови. Он тепло и дружески улыбнулся ей в ответ.

Таня давно уже обратила внимание на стройного и красивого молодого человека со смуглым лицом. Азарт чувствовал её симпатию и относился к ней взаимно. Однажды он зашёл сюда вечером после небольшой пирушки и попытался посягнуть на её свободное после работы время. Таня вежливо улыбнулась ему и ответила, что у неё нет никакого желания разрушать платоническую любовь к нему. И, вдобавок, ей совсем не хочет разбивать своё маленькое семейное гнездышко. Всё это она сказала так искренне и дружелюбно с оттенком печали, что Азарту стало даже неловко за свою мужланскую попытку. С тех пор он себе больше не позволял по отношению к Тане никаких фривольностей, цenia её чувство к себе. Тем более, что она ему-то нравилась так, скоком-ненароком.

Выпив рюмку коньяку, Азарт почувствовал в ответ от организма благодарную тёплую отдачу. Решив его ещё больше ублажить, он прикурил сигарету и глотнул горячий кофе. Теперь он почувствовал себя вполне комфортно. Приятная, журчащая музыка рисовала в его воображении далекие солнечные морские побережья, бархатную, теплую ночь, и жаркие объятия. Запах жареного кофе щекотал ноздри. Боже! Как человеку мало надо! Спустился на какие-то два метра под землю, чашка кофе, рюмка коньяку, любимая музыка – и весь мир кажется спокойным, прекрасным. Забываешь о голоде, войнах и смерти, особенно, когда тебя это не касается напрямую. Вот уж действительно правильно говорят: «Важно – не много иметь, а уметь довольствоваться малым». Азарт полез в карман за платком и вместе с ним вытащил кусочек мела. Он молча смотрел на этот предмет, этот молчаливый свидетель его поражения.

* * *

В тот вечер он зашёл в биллиардную просто потолкаться, кое с кем встретиться, узнать новости. Если повезёт – так и должок кое с кого скачать. Были такие у него. Играть сегодня он уже больше не намеревался. В тот день он уже отыграл четыре часа и снял неплохой куш. Это позволяло ему в ближайшее время чувствовать достаточный экономический запас прочности. От безделья пару раз вошёл в долю с играющими, кое-где поставил. И надо же! Везде выигрывал. Деньги к деньгам идут.

Сидящий рядом с ним мужичок, средних лет в застиранных галифе, заправленных в стоптанные офицерские сапоги. В прокуренных до коричневого оттенка пальцах у него дымилась сигарета, издавая смрадный запах окурка, подобранного на мокром асфальте. Он жалко посмотрел на Азарта глазами бродячей собаки, которую все обижают, и тихо спросил:

– Сами Вы не играете? Только ставите?

Азарту совсем не хотелось вступать с ним в разговор, и он небрежно ответил:

- Дядя, я ценю Вашу наблюдательность. Но сегодня я уже играл достаточно.
- Что так? Не повезло? Или устали? – не унимался тот.

– Что Вы так сыпете вопросами? Пора уже и мне задать. Вы хотите играть? – Азарт с жалостью посмотрел на мужичка. Уж очень он не вписывался в категорию биллиардиста и, чтобы отбить у него всякое желание продолжать разговор, ответил:

– Усталость моя не причём. Я не прочь продлить сегодняшний день, но при определённых условиях.

Мужичок порылся во внутреннем кармане пиджачка, достал старый, истертый по углам бумажник и заискивающе пролепетал:

– Я наблюдал за Вашей игрой. На мой взгляд, Вы являетесь первоклассным игроком. Вдобавок, у Вас очень хороший удар.

Ах, лесть, лесть, как она нас губит. Да ещё в таком возрасте, как Азарт. Слова немолодого человека, признающего его превосходство. Удочки размотаны, на крючке наживка – вкусная, жирная. Ешь – это для тебя. И слова сладкие, как патока, и взгляд приниженный, перед которым чувствуешь себя таким сильным. Это всё для тебя. Ешь – ничего не жалко. Мужичок прекрасно знал, что сладкая лесть является, мощнейшим средством достижения цели. И если давать её постепенно, небольшими порциями, то люди, хорошо владеющие этим оружием, очень многое достигают, вернее сказать – ухитряются получить. Соблазнительный же на сладкое и отравляющее душу снадобье, со временем раскрывает наконец-то глаза и чувствует себя отвратительно. Омерзительное состояние последствий лести очень долго и тяжело смывается, травмируя психику. Вкус сладкого пряника долго отдаёт горечью. Но откуда это было знать Азарту, только-только вступившему на длинную дорогу мужества?

– Не согласились бы Вы, – продолжал мужичок мягким голосочком, – пару партишек? Просто так, для развлечения.

– Дядя, я действительно, немного устал, и играть с Вами на «время» ну, ей Богу, нет никакого желания. Бесплатный урок мы проведём как-нибудь в другой раз.

Ага, сегодня сладенькое уже было, не идём. Так, попробуем немножечко жирненького, с подливочкой. От этого уж точно редко кто отказывается.

– Ну, что Вы! Я же понимаю. Вы – птица высокого полёта. Вначале мне было даже неловко Вам предлагать играть со мной. Но, в целях моего обучения, я себя, так сказать, переборол, – не переставая говорить с тихой лаской, он раскрыл свой задрипанный бумажник, набитый всякими справками и старыми пожелтевшими фотографиями. До Азарта даже донёсся их прелый запах. Порывшись в бумажнике, мужичок откуда-то из между старых справок вытащил денежку, на вид поразительной схожести с её хозяином.

– Вот смотрите. Достаточно?

После всей этой мужичковской тирады, у Азарта остался какой-то гадкий осадок на душе, а в желудке было ощущение съеденной жабы. Сказать по правде, Азарт согласился с ним играть из жалости. Никакого подозрения у него к мужичку не возникло, хотя какие-то лживые нотки в его разговоре он уловил. Ну, не влезал этот мужичок со своим портяночным бумажником в категорию игрока! Хоть убей!

– Ладно! Давай, дядя, скатаем пару партий – не больше.

– Да у меня на больше и денег-то не хватит. Тут вот жена дала мне списочек для покупки в магазине. Смотрите, – и он протянул Азарту какую-то бумажку.

– Дядя, думаю, что нет смысла подключать моё внимание на изучение гастрономических потребностей вашей жены. Всё равно, за невыполнение порученного задания отвечать придётся Вам. Пожалуйста, не грузите меня своими будущими неприятностями.

– Сынок, – как-то уж совсем принижено сказал мужичок, – набрось мне фору пару «крестов»? А? Так сказать, скидку на старость.

Жирненькое со сладким сиропом залепили глаза Азарту так, что они слиплись и не рассмотрели под мягкой шкуркой котёночка грозного хищника.

– Ну ладно, два креста получишь, – вальяжно ответил Азарт.

Всё! Клиент созрел. Теперь дело техники. Игру Азарт провёл разухабисто. Если бы он был повнимательней, то увидел бы, что мужичок был совсем не прост. Боковички применял грамотно. «Тигр» не носился по всей посуде, как собака по двору на хорошую погоду, а аккуратно слушался его кия и всегда останавливался возле короткого борта. Да, и правила придерживался – «мели кий до удара». А это уже что-то да значило. Партию, конечно, Азарт проиграл. Это было наказание за небрежную игру и за ослабление контроля над партнёром. «Ладно, – подумал Азарт, – Всё равно вечер пропал. Теперь придётся играть ещё две партии. Не терять же деньги!» С другой стороны, свой проигрыш он оправдывал жалостью к мужичку, который из-за любви к бильярду идет на обострение отношений с женой, поставив на кон часть семейного бюджета. Вторую партию Азарт играл внимательно, контролировал ситуацию и уже держал «тигра» в узде. Он уже не гонял шары «через всю посуду», а выжидал наверняка. Мужичок от напряжения сопел. Снял свой пиджачок, подозрительно оглянулся вокруг себя и переложил свой портяночный бумажник в глубокий карман галифе. Под пиджачком оказался застиранный джемперок, через вырез которого выглядывали две засаленные подтяжки. «Видно, дома он их носит на голое тело» – подумал Азарт.

Как ни старался Азарт, но вторую партию он тоже проиграл, правда, в последнем шаре. Да и то, мужичку повезло с ударом. (Как же, повезло!). Такой шар можно было забить только теоретически. Практически это мог сделать только исполнитель. Забив этот шар, мужичок запрыгал от радости. Его изумлению не было предела. Один раз даже кием задел светильник и тот начал угрожающе раскачиваться под потолком. Зрители, обступившие стол, как это всегда заведено, когда идет серьезная игра, изумлённо качали головами. Азарт, выдавив из себя вежливую улыбку, делал вид, что рад его успеху. Игроком он его упорно не хотел признавать.

– Сынок, это всё благодаря тебе. Вот что значит играть с игроком высокого класса! – опять полилось сладенькое.

Расставляя пирамиду для третьей партии, Азарт вдруг ощутил где-то внутри потерю уверенности. «Ну, проиграл две партии, – успокаивал он себя, – в конце концов, деньги не уйдут на пропой салонному льву. Смотришь, его жена добрым словом одарит. Может, выделит деньги на новые подтяжки. Впрочем, что я себя хороню заранее? Ещё ничего не ясно. Игра ещё продолжается».

Азарт склонился над мужичком и тихо предложил:

– Как вы смотрите на то, если эту партию мы украсим двойной ставкой. На отмазку!

– Сынок, я вижу класс твоей игры. А у меня, просто, везение. Мне хотелось бы сегодня остаться при своих деньгах. Но, если ты настаиваешь на увеличении, то я согласен при одном условии.

– Каком?

– Ещё один «крест» – выпалил мужичок и даже вспотел от своей наглости.

Пришло время объяснять, что же такое «крест»? В бильiardной игре «пирамида» необходимо забить количество шаров на общую сумму цифрового обозначения –

семьдесят один. Кто раньше набирает необходимые семьдесят одно очко, тот и выигрывает партию. Каждый шар обозначается своей цифрой. И так – от одного до пятнадцати. Исключение – шар под номером один. Это одиннадцать. Остальные шары соответствуют своей цифре. Форa «крест» означает, что игрок даёт своему партнеру пять очков форы и записывает об этом на грифельной доске – ставит крест. А у игрока, дающего фору, снимается пять очков из общей суммы.

– Дядя, три «креста» не многовато ли даже для нищего?

На какую-то долю секунды в глазах мужичка сверкнула злая молния, проскользнула его истинная, хищная натура. Но ампула несчастенького, так прочно вжившееся, быстро взяло верх, и Азарт ничего не заметил.

– Сынок, ведь если ты выиграешь, я же тебя отпускаю. Твоя партия – и всё назад. Даже мои семейные. Мне потом домой хоть не возвращайся. Жена даст развод.

Ласковый, убаюкивающий тон и жалость к мужичку опять усыпили Азарта, и он добавил ещё один «крест» на грифельной доске.

– Ладно, пусть это будет прихоть богатого.

– С вашего позволения, давайте наши новые условия засвидетельствуем у маркёра, – прошептал мужичок.

Как ни старались они говорить тихо, но все слова были услышаны другими игроками. По залу зашептались. Ставки тотализатора увеличивались. Лихорадочно раскуривались глубокими затяжками сигареты. Народу прибавилось. Несколько человек знакомых вошли в долю Азарта. С удивлением он заметил, что мужичок успел поставить на себя с несколькими зрителями. Сумму, правда, он не расслышал, но судя по тем людям, с кем было заключено пари, она была немалая.

Игры на других столах прекратились. Все окружили стол, за которым играли Азарт и мужичок. В зале стояла тишина, как на вступительных экзаменах.

Тонким касанием «тигра» мужичок еле задел пирамиду и поставил его на противоположный короткий борт. Азарту пришлось начинать партию от короткого борта через весь стол. Для игрока его класса это не было большим препятствием. После его удара от пирамиды отделилось два шара и остановились возле угловой лузы. «Тигр» послушно занял место в пяти сантиметрах от короткого борта. В принципе, за стол можно было быть спокойным. Оба шара, которые отошли от пирамиды, просматривались. Но бить их было опасно. В случае неудачи разбивалась вся пирамида и предоставлялась противнику возможность для игры. Мужичок долго смотрел на шары, а потом обречённо махнул рукой:

– Была не была! Кто не рискует, – тот не пьёт...

Последнее слово он произнёс уже тогда, когда шар под номером четырнадцать с резким щелком исчез в лузе, как и добренькая улыбочка мужичка. Его лицо стало вдруг жёстким и безжалостным. Глаза сузились и хищно следили за «тигром». «Тигр», бешено вращаясь вокруг своей оси под правильным нижним боковином, полностью раздолбил пирамиду

– ... шампанского! – выдохнул он.

«А ведь верно говорят, – подумал Азарт, – фраер долго скрываться не может». В этот раз мужичок не проявлял восторга. Азарт понял, на кого он нарвался. И тот последний шар в предыдущей партии тоже был не случайным. Это был исполнитель! Жадный, хитрый, коварный исполнитель, натянувший на себя маску убогого. Окинув взглядом стол, который был похож на поле, где разбрелось стадо баранов, Азарт понял, что он

обречён. На лбу и подмышками защекотало влагой. Те, кто ставил на Азарта, огорчённо махнули рукой, прощаясь с выигрышем. А кто ставил на мужичка, нервно дёргались, предвкушая прибыль.

С одного удара мужичок забил десятку, затем пятнадцатый. Азарт смешал шары на столе, давая понять, что партию он проиграл. Рассчитываясь с мужичком, он пристально смотрел в его глаза:

- Дядя, ты случайно не записан в книгу Гиннеса? – поинтересовался Азарт
- Что ты, сынок! Я пенсионер, – простодушно ответил тот.
- Я имею в виду – под ширмой?
- Ты мне с кем-то путаешь, – сверкнул глазами уже не мужичок, а хищник, – приходи ещё. Я здесь иногда бываю. Если жена посылает меня за продуктами, – добавил он с язвительным смехом.

Деньги он спрятал в глубокий карман, а старенькую денежку разгладил и всунул между справок в свой задрипанный бумажник. Азарт молча смотрел на него, не имея даже права на обиду. Ему хотелось одного – узнать, сколько лет лежит эта денежка в бумажнике. Она могла бы рассказать очень многое. У него было ощущение, как у бродячей собаки, заманенной куском колбасы и затем избитой – взамен подачки. Ему было стыдно перед своими друзьями, которые с укоризной бросали на него взгляды. Проигранная сумма его не огорчала – к этому он, как игрок, всегда был готов. Да и проиграл он совсем немного, благодаря «примазке» болельщиков. Его огорчал сам факт крючка, на который он попался. Это была главная причина его переживаний. Поражением это нельзя назвать. Слишком громко было бы сказано. Тут вполне можно ограничиться жаргоном игрока – попал.

Азарт, углублённый в свои мысли, наверное, что-то сказал вслух. Из глубокого пике его вывело прикосновение к голове чей-то тёплой, мягкой руки. Он поднял глаза и встретился с озабоченным взглядом Тани. Она стояла рядом с ним, а он даже не заметил, как она подошла.

- Ильюша, что с тобой? Ты болен? Голова вроде не горячая, но ты какой-то весь бледный. Что-то случилось? Ты разговаривал.
- Всё в порядке, Танечка. Уже прошло. Твоё прикосновение исцелило меня. Бывает, найдёт такое, что даже люди пугаются.
- Ты и меня напугал. А людей сейчас никого нет. У тебя неприятности?
- А у кого их нет? Неприятности – это такая штука, что если их даже нет, то можно легко придумать. То, что я сейчас себе надумал, совсем не стоит твоего внимания и переживаний. Я уверен, что скоро сам во всём разберусь. Тем более, что это касается только меня одного.
- Ну, хорошо! Успокоил. Налить тебе ещё рюмочку? У меня есть рижский бальзам.
- Нет, спасибо. Я же не пью. А то выпью, да опять начну к тебе заигрывать, как тогда. Помнишь?
- А, может, я на это и рассчитываю?
- Неужели ты согласна изменить своим принципам?
- Ну, нет, что ты. Я пошутила. Тебе бы жениться надо, – убежденно сказала она.
- Надо бы, да всё никак никто не подхватит.
- А что мешает самому подхватить? – кокетливо задала она вопрос.
- Такие, как ты, все прихвачены, – в тон ей ответил, – а другую я не хочу.
- Ну, уж и все. Ты не там ищешь.
- Вот тут ты права. Там, где я бываю, такие не водятся.
- Поменяй место.
- Да, уж очень я там привык. Можно сказать, корни пустил.

– Дурачок, – ласково сказала она, – ну, я пойду работать. Вон уже постукивают о прилавок. Пока. Заходи.
– Спасибо, Танечка! Зайду обязательно.

* * *

Азарт поднялся на улицу. Рюмка коньяку и сердечное сочувствие Тани прибавили ему сил и решительности, и он направился в сторону биллиардной. Дождь прекратился. Бурные потоки воды уже просочились сквозь канализационные решётки, оставив лужи на сером асфальте, в которых радостно купались голуби и воробьи, прекрасно уживаясь друг с другом.

Вскоре он добрался до внушительного здания, в котором располагалась биллиардная. Это было одно из красивейших зданий в городе, построенных ещё до революции 1917 года талантливым архитектором Городецким. В гардеробе за прилавком, уютно устроившись за маленьким столиком, сидели гардеробщица тётя Поля и Артур. Они пили чай и мирно беседовали, поглядывая на входную дверь. Артур уволился (а может быть, уволили) из своей «связи» и теперь работал заведующим хозяйством клуба. Увидев Азарта, он радостно протянул ему руку и засыпал вопросами:

– Что случилось? Где ты пропадал? Я тебя вызваниваю уже третий день. Ты, наверное, уезжал по работе? А может, гастроли?
– Ни то, ни другое и ни третье. Просто напалз обвал на душу. Сидел в своей берлоге и зализывал раны.

Отставной майор понимающе посочувствовал.

– Я так понимаю, пришёл только посмотреть, провести. С игрой покончено и, вообще, продаю кий?
– И только. Без вариантов.
– Ты не думаешь, что это твоё решение немного поспешное? Поле боя так бесследно никто не оставляет.
– Вот я и буду первым.
– Ну, ну! Я тебя понимаю, – серьёзно сказал Артур.

Затем положил ему дружески руку на плечо и предложил:

– Слушай, Ильяс. В зале всё равно никого нет. Не зайти ли нам в мою норку и пошептаться?
– Если ты предложишь мне стакан твоего фирменного чаю, то с удовольствием.
– Даже сухого шампанского, по пятьдесят грамм – не больше.

Хотя Артур последние несколько лет пристрастился к выпивке, но сохранил ещё свою, видимо, врождённую элегантность и в одежде, и в общении. Даже несмотря на количество выпитого. Но класс игры, которым Азарт всегда любовался и восхищался, к сожалению, был потерян. Он был уже одним из тех, кто сошёл с дистанции игрока и только в душе оставил любовь к биллиарду. Это не помешало ему немножко прикармливаться, ставя на игроков. Чаще всего – на Азарта. И не только потому, что Азарт играл хорошо. Иногда он огорчал Артура, оставляя его не только без денег, а даже с долгами. Артур, просто, любил Азарта ещё с тех его далёких детских лет.

Ильяс последовал за Артуром в его маленький кабинет, расположенный на том же этаже в углу здания. Артур засунул руку в глубину шкафа и вытащил оттуда початую бутылку «Столичной» и немудрёную закуску.

– Не буду брать грех на душу и предлагать тебе. А сам выпью. Что-то я немного простыл. Сегодня погода, что называется «умри, но выпей».

– Артур, – осуждающе посмотрел на него Ильяс, – я ещё ни разу не слышал, чтобы ты пил без причины.

– Вот тут ты правильно подметил. Кто пьёт без причины – тот уже алкаш. А я всегда имею причины. Они у меня, как деньги в банке, лежат в голове на полке. Вот захотел выпить – беру с полки причину и выпиваю. Но заметь, я никогда не пытался все причины использовать сразу. Расходовать их экономно – это тоже надо уметь.

Артур налил себе половину стаканчика, выпил. Как положено – аккуратно и старательно понюхал корочку черного хлеба. Затем выждал паузу, прикрыв глаза. Азарт понимал его и не мешал волшебному процессу акклиматизации. Когда водочка, где-то там внутри Артура, нашла себе удобное местечко, он открыл глаза:

– Всё. Устроилась, нашла себе приют.

Затем он закусил бутербродиком с копчёной колбаской и поёрзал задом в старом кресле, устраиваясь поудобнее.

– Артур, ты так аппетитно пьёшь, что мне тоже захотелось. Вы вдвоем с маркёром дядей Пашей могли бы организовать факультет по дегустации алкоголя. Вам бы цены не было. И конкурс был бы больше, чем в Институт Народного хозяйства. Наладили бы выпуск классных специалистов.

– Ильюша, ты же знаешь, что я раньше вообще не пил. Так, время от времени выпивал. Нам всегда спецы твердили, что от выпивки теряется координация движений, притупляются чувства, глазомер. Мы обходили выпивку десятой дорогой. Потом, когда-то в компании пришлось выпить, и ты знаешь, наоборот – всё улучшилось. И на утро чувствовал себя прекрасно. Вот, думаю, фаршировали нас ещё одним враньём. После этого я уже не обходил застолья десятой дорогой. Да и модные они были тогда. Сам Генеральный питал к ним слабость. Вот и споили народ. А теперь – попробуй, брось, если тебе известны все прелести, особенно начального периода, опьянения. Взять так просто и лишиться себя этого удовольствия? А что же останется?

– Вообще-то ты где-то прав. Я просто делаю слабую попытку уговорить тебя, чтобы ты много не пил, – слабо возразил Ильяс.

– Ты знаешь, бывает так: пить совсем не хочется, а обстановка такая, что вынужден. Вот она войдёт в тебя, ищет, ищет себе место и не находит. Затем ложится камнем в желудке и не подаёт никаких призывов к удовольствию. После этого я хоть литр выпью, а кайфа никакого. Только тяжесть в желудке, а наутро посторонние шорохи в голове. Я уверен, что это просто перевод продукта. А вот так, как сейчас, – это благо!

– Ну, ты действительно теоретик алкогольного потребления!

Азарт вытащил сигареты из кармана и протянул их Артуру.

– Спасибо, я привык к своему «Беломоркэмэлу».

Артур прикурил папиросу от красивой, позолоченной зажигалки, когда-то подаренной ему в день рождения Ильясом, и выдохнул сизый клубок дыма:

– После того, как я так удобно устроился, мне хотелось бы послушать твою душещипательную историю, из-за которой ты уже два дня тут не появляешься. Телефон, кстати, тоже не отвечал. Я звонил по несколько раз в день. Хотел уже обратиться к однокашникам в розыск.

– Да так, ничего. Просто хандра. Книги, телевизор.

– Не пытайся сделать из меня старую учительницу. Я к этой роли не подхожу. У меня, просто, не хватит терпения выпытывать у тебя и вытягивать по чайной ложке причину твоих переживаний и страданий.

Ильясу совсем не хотелось загружать друга своими неприятностями, и он сидел молча, опустив голову.

– Так не пойдёт. Или ты честно рассказываешь мне всё, или займись делом и не наводи на людей тоску всем своим постным видом. А я останусь убеждённым, что ты мне не доверишь. И после этого на нашей дружбе можешь поставить крест.

После такого категорического требования, Ильясу ничего не оставалось, как подробно рассказать Артуру о своём душевном стрессе после той игры. Артур слушал его, не перебивая. Лишь изредка покачивал головой или вопросительно поднимал на него глаза. С каждой высказанной фразой Азарт ощущал какое-то облегчение. Это было что-то похожее на исповедь. Как важно иметь рядом с собой такого друга, который может тебя терпеливо выслушать, не перебивая. Друга, который старше тебя, опытней тебя. Друга, присутствие которого уже вселяет в тебя чувство защищённости и надёжности. Друга, сила которого как бы передается тебе, и ты ощущаешь, как этой силой наполняется душа и появляется чувство уверенности.

– Так вот, что я тебе скажу, Ильюша. Ты – совсем ещё молодой человек. Хотя игрок – уже со стажем. У тебя хороший глаз и хороший удар. И всё это дополняет умеренная горячность. Это является достаточным условием для игрока. Но возьми, – продолжал Артур, – твоё последнее выступление. Ты полностью оправдал своё прозвище – Азарт...

– Да нет же, Артур, – слабо возразил Ильяс.

– Не перебивай. Ветерок подул и партию продул, – не обращая внимания на его возражения, продолжал Артур, – ты увлекся своими выигрышами так, что твой кураж стал заметным. Кураж нужен на арене, на сцене. А в бильярде лучше всего быть «тёмной лошадкой». Салонные львы – это дармовые партнёры и встречаются очень редко. А вдобавок, после первого же попадания с них слетает салонная пыль, и они превращаются в покорных дворняжек.

Артур открыл бутылку. Азарт придвинул и свой стаканчик.

– Давай и мне. Сегодня всё равно играть не буду.

– Выпей, – согласился Артур, – сегодня это тебе не повредит.

Азарт посмотрел, как Артур аппетитно повторил процесс и тоже опрокинул стаканчик вовнутрь.

– Ильюша, я тебя понимаю. В данном случае тебя погубил не твой азарт.

– Артур, конечно же, нет! – горячо поддержал Ильяс, радуясь, что друг его понял. – У него и денег то было – одна несчастная измятая купюра.

– А вот тут ты грубо ошибся! Игрок такого класса не приходит в зал, а тем более не вступает в игру с одной денежкой. Эта денежка у него, как затравка, приманка для жалостливых. Да и гардеробчик его, с которым он уже сжился, тоже камуфляж.

– Он мне напоминал нашего школьного завхоза. Тот всем своим видом тоже всегда вызывал к себе жалость, но злющий был, как собака.

– Так вот, Ильяс. Ты же знаешь наши порядки. Если играют два партнёра, мы не можем давать какие-то сведения о них кому бы то ни было. Это противоречит этике игрока, – Артур опять брызнул себе в стаканчик, выпил и поморщился:

– Вот, пожалуйста, уже идёт не так, как раньше. Делаем паузу, – проворчал он. Затем прикурил новую папиросу и неожиданно для Азарта рассмеялся.

– Тот мужичок, твой недавний партнёр – играет на такие суммы, что ставка переходит из рук в руки не номиналом, а записями. А в конце игры деньги не помещаются в карманах. Весь его камуфляж – это тонкий расчёт. Он даже лапти бы одел, да в таком одеянии я его сюда не пущу. И его везение – это туфта. А удар в последней партии –

касанием по всей пирамиде с карамболом? Это тоже везение? Нет! Это верняк! А в предыдущей партии, когда он забил исполнительский шар последний в игре? Да это же на уровне игрока экстра-класса! Такой удар «эффе» может выполнить только Игрок.

Ильяс слушал Артура, не перебивая.

– Ты на меня не обижайся, но я ставил против тебя. Я хорошо знаю твой кураж. Вот только беда, я пришёл в бильярдную, когда ты уже играл. Предупредить тебя уже было поздно, и я решил извлечь из твоего попадания пользу. Должен тебе сказать, что она получилась внушительная.

– Артур, я должен его прихватить, во что бы ни стало.

– О! Вот это я понимаю. А то «брошу играть, продам кий»! Разрыдался, как гимназистка у офицера на груди. Игра, Азарт, это – болезнь. Но болезнь особая. Она превращается в муки у тех, кому это не дано. А вокруг тебя всё светится.

– Да ладно, Артур. Ты уже из меня делаешь святого, – запротестовал Азарт.

– Отнюдь, там, где замешаны деньги, святых не бывает. Ты ещё не игрок, но уже просматриваешься над многими. Твоя болезнь ведёт тебя к залётам и выигрышам. И верю, что чаще к выигрышам. Я давно уже наблюдаю за твоей игрой.

– Помню, – мели кий до удара, – усмехнулся Азарт.

– ... но учти, – продолжал Артур, – хорошо играть, это ещё не всё. Надо быть хорошим психологом. Все хорошие игроки являются хорошими психологами. Ты должен уметь заглянуть партнёру вовнутрь. В эту игру играют многие, но лучше всего играет только один. Я тебе начал говорить о «темной лошадке», и ты меня перебил.

– Извини, пожалуйста.

– Так вот, – Артур отпил глоток и закурил. Затем направился к столику в угол. – Сейчас заварю чаёк.

– Так вот! – продолжил он, – Ты должен играть, как «тёмная лошадка», уверенно, никаких пушечных и прицельных «клапшtosов». Категорически запрещено закладывать три шара подряд в лузу. Проигрыш первой партии является почти всегда обязательным, второй на усмотрение. Но своим проигрышем надо дать партнёру прочувствовать его перевес над тобой. Он должен ощутить выигрыш. Дай ему пощупать твои деньги. Третья партия необходима. Это контра. Тут уже ставка увеличивается вдвое. Но выиграть её ты должен с минимальным преимуществом. Тянуть до последнего шара. И даже помоги партнёру своими ошибками; как-то: вывод «тигра» на удар по шару, но не крупного и не двойного шара. Или сделай удар с выбросом «тигра» за борт и дай партнёру заработать пять штрафных очков и т.д. Думаю, что у тебя такие заморочки в запасе есть. Короче, ты должен дать понять партнёру, что способен на ошибки, и он потом будет от тебя их ожидать. При «ошибках» не очень заламывай руки, иначе при неудачной мине твоя левая игра мгновенно засветится. «Ошибки» должны выглядеть естественными и не вызывать подозрения. Ну, и решающая игра – это уже твоя лебединая песня. Если хочешь сорвать банк – надо попотеть. Не забывай – с деньгами тот, кто лучше всех играет.

Артур в возбуждении, пытаясь закурить свой «Беломоркэмэл», раздавил его в пальцах и вытащил из пачки новую папиросу.

Ильяс сконфуженно поднял глаза и растерянно произнёс:

– Он был таким жалким. У него, по-моему, не было денег даже на хорошее мыло. Не зря же от него пахло какой-то ванидлой.

– От ассенизатора тоже пахнет, когда он работает. А могилы копать и делать памятники – так вообще не каждый пойдёт. Или возьми, например, мясника. Ещё лет десять-пятнадцать назад это было позорной профессией. А сейчас – пойдёшь устройсся!

- Да, я бы и сейчас не пошёл. Всё-таки престиж профессии для меня что-то да значит.
- Это мы уже слышали. Когда-то в 60-е годы физики с лириками собирались по квартирам, всю ночь напролёт глушили красную «портянку» и спорили до хрипоты, кто из них значительнее. А так ни к чему и не пришли. А почему?!
- Наверное, значимость их была равнозначной.
- Да потому, что спор был беспредметным. От безделья и брожения умов. Вдобавок, на голодный желудок, раздражённый дешёвым портвейном. А представь себе: сошлись бы в споре мясники, официанты, могильщики и т.д. Я уже не хочу вмешивать в эту компанию таких, как кладовщики, директора магазинов и завбазами – торговую элиту. Да, они бы эту тему даже не подняли. А своей значимостью в обществе они переполнены, как бочка водой под водостоком. Ведь все они не имели доступа к государственной кормушке, а желание жрать и пить вкусно было – хоть отбавляй. Мы сами же их и породили, хотя и презирали.
- Артур, ну что ты мне такие примеры тычешь под нос? У меня таких знакомых полно. Но я считаю наоборот: я их подкармливаю. За всё приходится переплачивать.
- Ну, когда можно что-то купить с переплатой – это ещё не трагедия. Гораздо хуже, когда просто купить нечего.
- Артур, да мы с тобой перешли на политику. А это уже изжёвано и неинтересно.
- Ты прав.

Артур снял с чайника подушечку. Затем налил чай в чашку и вылил его обратно в чайник, добавив при этом:

- Чтоб чаёк был крепче, его надо «женить».
- Я всегда с удовольствием пью твой чай. Ты его завариваешь удивительно вкусным.
- А теперь по чашкам. Полные наливать не надо. Он не должен остывать, – Артур придвинул к Ильясу сахарницу с мелко наколотыми кусочками сахара. – Пей! Помню на службе, все моряки – заядлые чаёвщики. Редко какой вечер обходился без круто заваренного чая.
- Ага, зэки пьют ещё круче. На кружку воды чуть-ли не пачку чая.
- Это уже не чай, а снадобье. Хорошо заваренный чай много заварки не требует, а получается такой, что его за вечер семья в четыре человека выпивает ведёрный самовар.
- Это я слышал – с полотенцами на шеях.
- Особенно чай хорош при первых признаках простуды.
- Вот видишь, – вставил Ильяс, – можно обойтись и без водки.
- Обходиться можно много без чего, да вот – стоит ли? Я понимаю так, что если душа просит, то зачем держать её в чёрном теле? Помню, на учёбе, нас забросили в тайгу на две недели, для выживания в естественных условиях. Скитались мы по буреломам, питаясь чем попало. На десятые сутки случайно наткнулись на селение староверов. Приняли они нас нормально. Накормили, правда – из нашей посуды. Свою они не дают. Напоили каким-то отваром. Утром встали мы свежие, как огурчики. Попросили у них чайку попить. А они нам снова этот отвар предлагают. Ну, подумали мы, откуда у них чай? До ближайшего магазина не менее сто-сто пятьдесят километров. А как оказалось позже, они чай совсем не пьют.
- Наверное, чай у них, как валюта, только по большим праздникам?
- Да нет. По ихней вере, когда распяли Христа, то всё замерло, и только один чай расцвёл. Вот они его и не пьют.
- Вера есть вера. Каждый должен нести свой крест, как бы он не был тяжёл, – щегольнул Азарт где-то прочитанной фразой.

Артур удивлённо посмотрел на него:

– Старичок, если ты уже знаешь примеры из теологии, то примени этот пример к себе. Ты сейчас тоже имеешь свой крест, вот и неси его достойно.

– Если б я ещё знал, как?

– Вот ты решил заканчивать с игрой? Ну, дело твоё. Не скрою, я часто прикармливался от твоей игры, на ставках. Но поверь, что дело было не в деньгах. Деньги – это мусор. Я просто верил в тебя всегда. Даже когда ты куражился и давал партнёру немыслимую фору, я всё равно верил в твой выигрыш. А всё потому, что твою игру я вёл сам мысленно. То, что мне Бог дал в билиарде, я пропил, но знание и понимание игры у меня, наоборот, осталось. Как-то раз я прочитал в газете письмо под рубрикой «Спрашивают – отвечаем». Одна дама, посмотрелась по телевизору фигурное катание и решила, что она уже знает все его тонкости. Спрашивает: могла бы я быть судьёй по фигурному катанию? Я ставлю фигуристам точно такие же оценки, как и судьи. Ответ она получила, на мой взгляд, очень остроумный: «Да, смогли бы. Но если бы Вы родились заново и начали заниматься фигурным катанием с 4-х лет, то по достижению вашего нынешнего возраста Вы смогли бы даже возглавлять судейскую коллегию мирового чемпионата». Так и у меня. Я уже не смогу играть так, как ты. Но в отличие от этой радио-дуры, я почти всю свою жизнь за столом. Если измерить расстояние, исхоженное мною вокруг стола, то это – кругосветное путешествие. – Артур налил водку и сам выпил. – Я лучше тебя знаю, какой шар ты будешь бить, куда поставишь «тигра». Иногда мне кажется, когда я наблюдаю за твоей игрой, что ты играешь моей головой, моими мыслями, и ты полностью подвластен моей тактике, моей воле. Просто, потом ты применяешь свои снайперские удары, свою постоянную кладку, и партия наша. Я говорю «наша», так как тайно принимаю в ней участие, даже больше, чем ты.

– В твоих словах есть что-то. Всегда, когда играю, и ты находишься рядом, я постоянно это ощущаю. Это мне придаёт какую-то уверенность в себе.

– Азарт! Ты должен побороть в себе чувство поражения. Ты «попал»? Да, ты «попал», но не проиграл. Честно говоря, мужичок играет не хуже тебя. Но ты же дал ему три «креста» форы! Он играет ради денег – ты же, кроме денег, погружён в страстную любовь к билиарду. И я хочу верить, что твоё решение – больше не играю – как обыкновенное депрессивное состояние, которое благодаря твоему возрасту и характеру скоро пройдет. Поверь мне, ты только набираешь силу для восхождения на высшую ступень пьедестала. Год-полтора упорной работы, и моя вера в тебя полностью подтвердится. Помни, что на твоём пути будет ещё много встреч с подобными мужичками. Они умеют ещё и не так маскироваться. Но ты должен их видеть, чувствовать их камуфляж своей задницей, и ни в коем случае не показывать им этого. Они должны быть уверены, что их роль не раскрыта, и тогда бери их со всей их оболочкой, из потайных недр которой посыплются на тебя деньги. Выигранные деньги вдвое слаще заработанных, потому что легко их тратить. Но чтобы выиграть их, нужны порох и мозги. И поверь мне, что пороха у тебя в избытке, а мозгов маловато.

Азарт протестующе поднял руку.

– Успокойся, – сказал Артур. – У меня и в мыслях нет тебя обижать. Ты очень доверчивый. А это качество свойственно только женщине, которая потеряла все шансы выйти замуж.

– И последнее, – добавил Артур. – Если замешаны деньги – добрым быть не получится. Добрых бьют первыми и забирают куш.

Выслушав монологи слегка пьяненького Артура, Ильяс многое узнал для себя полезного. Как ни странно, но проникновенные речи Артура подействовали на него положительно. Его проигрыш уже не казался ему таким чудовищным.

– Артур, тебе бы психологом быть.

– За свою службу «связиста» я прошёл через многих психологов. И поверь мне, некоторые из них могли многое сделать из человека. Правда, были и такие, которые только отрабатывали свой хлеб, но они надолго у нас не задерживались.

– И куда же они девались?

– В лучшем случае продолжали свою серую деятельность в поликлиниках.

– А в худшем?

– Худших случаев, просто, никто не знает. Ну, достаточно развивать эту тему. Кстати, тобой интересовалась одна особа. Азарт почувствовал, как у него бешено заколотилось сердце.

– Кто? – делая невероятное усилие внешне оставаться спокойным, спросил Азарт.

– Юлька. Она обещала как-то заехать ко мне, проездом из Москвы.

– Москвы? При чём тут Москва? – глупо спросил Азарт, так как его мысли бежали совсем в другом направлении.

– У неё там, что-то типа гастролей.

Азарт готов был расцеловать Артура. Сколько раз он ожидал от него этого разговора. Каждый раз при встрече с ним он надеялся что-то узнать о Юле. Но не решался спрашивать – и вот теперь Артур сам вышел на этот разговор.

– Да, расслабься ты. Я же знаю, что ты её любишь до сих пор. Первое время я думал, что это детское увлечение у тебя уже выветрилось из головы. А теперь вижу, что ошибался. И как я, старый дурак, не догадался. Она тоже хорошая штучка; всё время спрашивает о тебе, да так, как бы – между прочим. А у самой глазищи горят, как у кошки в темную ночь. Ну, ничего! Теперь я уверен, что вы просто должны встретиться и выяснить ваши отношения.

– Артур, – смущаясь, тихо сказал Азарт – да у нас и не было ничего такого. Просто детская дружба.

– Значит будут. Иначе, почему тебя так колотят воспоминания о детской дружбе?

– Хорошо. Я тебе скажу то, чего я никому не говорил. Я её люблю. Но она этого не знает. У нас никогда об этом не было разговора. Да, собственно, и виделись мы с ней всего три раза.

– Думаю, что мне в ваших отношениях уготована роль свахи.

Артур положил руку на плечо Азарта:

– Пойдём, Азартик. Уже поздно. Мне пора закрывать. Главное, что вы любите друг друга и испытали свою любовь временем. Даст Бог, встретитесь. Да и иначе быть не может! – уверенно сказал он, – Ну давай ещё, по последней, «на коня» и за вашу будущую, долгожданную встречу.

Посидев ещё часок, они вышли из парадного на улицу. Ночь уже окутала спящий город, и только тусклые фонари жёлтым светом освещали сквозь иглы дождя небольшие участки асфальта. Редкие в этот поздний час автомобили помогали им своими фарами.

Увлечённые беседой на общую тему, они направлялись вдоль улицы, не замечая дождя. На перекрёстке под светофором Артур простился с Азартом:

– Азартик, я человек дисциплинированный и приучен к порядку. Здесь я перейду на другую сторону. Там остановка моего трамвая.

– Спасибо тебе, Артур, за сегодняшний вечер. Ты снял с моей души напряжение лучше всякого психолога.

– Благодарить будешь тогда, когда будет результат.

* * *

Мелкий, холодный дождь, начавшийся с вечера, поливал дома, деревья, асфальт, заполняя его неровности водой. Рваные, низкие облака, подчиняясь распоясавшемуся ветру, быстро неслись, наталкиваясь друг на друга. Своими резкими, упругими порывами он раскачивал сонные фонари, срывал пожелтевшие листья с деревьев и, как злопамятный разбойник, мстил за те несколько последних, погожих, солнечных дней уходящего лета. Оборванный с одной стороны, рекламный щит глухо хлопал по стене дома, пытаясь разбудить уснувших жильцов, чтобы они оказали ему помощь. Но кто в такую погоду выйдет из тёплой квартиры, где уютно светится телевизор и не чувствуются злобные порывы ветра-разбойника? Уличные фонари уже давно в целях экономии освещали город символически, как церковная лампада. Деревья под порывами ветра возмущённо роптали своей листвой и, пытаясь откупиться от его яростных порывов, платили ему дань падающими листьями. Сухие ветки, звонко отламываясь, сыпались барабанной дробью на асфальт и на крыши припаркованных на обочине автомобилей. Изредка, из рваных облаков выскакивала удивлённая рожа луны. Скупое бросало своё бледное отражение, как напоминание о себе, и снова исчезала за облаками.

В такую погоду засидевшиеся гости обычно вызывают такси или остаются ночевать у гостеприимных друзей, где их застала ночь. Решительные и отчаянные, легкомысленно надеясь на свою силу, пренебрегают услугами такси и гостеприимства. Они даже не предполагают, что кому-то взбредёт в голову напасть на них. Такая глупая переоценка своих сил и возможностей очень помогала им находить неприятности на свою голову. Безденежные рассуждали: «Ну что у меня возьмёшь? Мелочь в кармане?» Рассуждая так, они забывали о том, что, кроме денег, человек имеет главное: свою личность, своё я, которые можно легко и почти безнаказанно растоптать, унижить, обидеть. Да мало ли что придёт в голову насильнику с куриными мозгами? А если они, вдобавок, разбавлены крепким соусом алкоголя или одурманены наркотиком, то каждый одинокий прохожий в такую годину для них является потенциальной жертвой. Воспитанные в страхе и жестокости, они хорошо знают, как эти качества лишают человека воли над собой, делая их покорными и безропотными.

Тёмная пасть подворотни, скрытая за газетным киоском, открылась как-то внезапно. Ещё не доходя до киоска два-три метра, Азарт кожей ощутил опасность, исходящую из её мрачного чрева. Волосы на затылке зашевелились, кожа покрылась гусиной сыпью. Ноги в коленях стали ватными. Парализующая волна враждебности, неизвестно откуда появившаяся, молнией прошла сквозь него, оставив и теле чёрный след. Так бывает всегда, когда появляется внезапное чувство страха и человек ещё не осознаёт, откуда исходит опасность. Страх и трепет входит в его кровь и мгновенно разносит панику по всему телу. Хочется сесть прямо на мокрый асфальт.

Это жуткое состояние, хоть однажды, испытал каждый человек. Свой родной, так горячо любимый организм, с которым он сжился за столько лет, организм, выдерживающий постоянные отравления табаком, пищей, алкоголем, тяжелой работой, нервными срывами, и, несмотря ни на какие издевательства над ним, служит всегда исправно. К этому как-то привыкаешь. И на дежурный вопрос знакомых: «Как здоровье?» – всегда недоуменно пожимаешь плечами. А почему, собственно, у него не должно быть здоровье хорошим. И вот сейчас – эта, казалось бы, надёжная машина перестала тебе служить и подчиняться. Какой-то паралич! Пелена страха окутывает человека, липкой паутиной сковывает его движения.

Из оцепенения Азарт вывела лужа на асфальте, которую он не заметил и влез обеими ногами. Ощущение холодной воды вернуло ему самообладание. Страха уже не было. Он исчез так же быстро, как и появился. Но какой вечностью были эти секунды! До его слуха донёсся городской звук скрежещущих на повороте колёс трамвая. Ветер, как-бы приводя его в чувство, сыпанул брызгами в лицо. Азарт внутренне уже был готов к встрече с опасностью. Он уже был собран и спокоен.

* * *

За многие годы, проведенные в бильярдной, ему приходилось сталкиваться с разными людьми и в разных ситуациях. Партнёры-караси не всегда после проигрыша бывают покорными овечками. С проигрышем, особенно крупным, не каждый торопится расстаться. Приходилось периодически прикармливать возле себя быков. Они обходились недёшево, зато он мог спокойно играть. А при игре спокойствие в тылу очень необходимо. Всякого рода оружие Азарт, как правило, не признавал. Да и как-то трудно представить себе игрока в бильярд – человека элегантного, с манерами салонного льва – и, вдруг с ножом или пистолетом. Правда, в последнее время бильярдные залы почему-то снискали о себе дурную славу. Впрочем, чего греха таить? Всякое там бывало, и всякие там бывают. Даже в закрытые для случайных посетителей клубы просачиваются всякие вонючки, которые своими хамскими ухватками и поведением наносят трудно смываемый слой грязи на эту благородную, элитную игру.

Когда-то принято было на бильярде играть во фраке. В те далёкие времена в перерыве, а то и во время игры, можно было ублажать себя пивком или запотевшей от холода рюмочкой анисовой, закусить изящным бутербродиком. Усталый игрок требует поддержки и восстановления физических сил. Слишком много он их теряет. К концу дня бильярдные шары мелькают в глазах. Нервишки тоже требуют выжимки. Необходима разрядка. Теперь такие порядки в бильярдных остались лишь в памяти старых игроков, которым уже тяжело играть, и они только наблюдают и делают ставки в игре.

Нынешние бильярдные стали проходными дворами. Игроки время от времени подкрепляют свои организмы и нервы напротив в молочном кафе – украдкой, в уголке. Нет в бильярдных и уютного покоя, где тишину нарушает лишь щелканье шаров. Естественно, вследствие дурной славы, сюда заглядывает милицейский патруль. При наличии какого-либо оружия можно было напороться на крупные неприятности. Маленький перочинный ножик, которым он пользовался для зачистки мела, не в счёт. Азарт прекрасно знал, что каждое оружие рано или поздно спровоцирует человека применить его в деле. Было бы оружие, а причина применить его всегда найдётся. Поэтому, когда ему предложили купить газовый пистолет, он отказался. Хотя игрушка выглядела очень изящно и заманчиво. Да и стоила совсем не дорого. Но, всё-таки, Азарт подавил этот соблазн.

Как-то год назад играл он с одним заезжим гастролёром. Наверное, у себя дома где-то в районном клубе, он демонстрировал чудеса кладки. Воодушевленный успехом, паренёк решил замахнуться на романтические гастролы. По слухам, даже успел кое-кого прихватить. Удар и кладка у него действительно были поставлены неплохо. Но дорогу от хорошего удара до умной, элегантной игры многие проходят всю свою жизнь. Некоторые достигают, а остальные безнадежно отстают на коварных ухабах этого безжалостного пути. Так и остаются средними игроками. Проиграв Азарту всю свою наличность, гастролёр предложил в залог какую-то неказистую на вид цепочку.

Как правило, Азарт на заклад не играл. Разве что, уж очень ему понравится какая-то безделушка, или клиент давит чрезмерно, как пресс. Пытаясь открутиться от ненавязчивого предложения партнёра, Азарт повертел цепочку в руках и задумчиво произнёс:

– Если вы сумели так тщательно замаскировать золото или платину под железо, то я перед Вами снимаю шляпу. Засветите, пожалуйста, мне пробу этого драгоценного металла, и я должным образом оценю ваше изделие. Заранее предупреждаю – на большую сумму не рассчитывайте. Я не пункт приёма сомнительного по своим качествам товара и понятия не имею о расценках.

– Здесь нет никакой пробы. Да и быть не может. Это изделие кустарное, – сконфужено произнёс гастролёр.

Азарт удивленно посмотрел на него:

– Неужели я Вам своим видом напоминаю утильщика?

Приезжий успокаивающе поднял руки:

– Уважаемый, старая, как мир, пословица подходит здесь, как нигде: «Не всё то золото, что блестит».

Азарт ещё раз внимательно рассмотрел цепочку и снисходительно произнёс:

– Впрочем, я мог бы подарить её одной знакомой даме. У неё как раз для этой штуки есть подходящий карликовый пудель. Но изделие потребует демаскировки, так сказать снятия чёрной шкурки с благородного тела. Между прочим, на это потребуются дополнительные затраты. Как вы на это смотрите? – произнёс Азарт, стараясь вложить в свои слова максимум спокойствия и интеллигентности.

– Конечно, если Вы хотите эту, как Вы сказали, благородную вещь применить к пуделю, то я могу только сожалеть, что Ваша дама не имеет породистого ньюфаундленда или быка – так же спокойно ответил приезжий.

– Что Вы попытались вложить в вашу фразу? – начал заводиться Азарт, сверкнув глазами.

Проезжий ничего не ответил, только обвёл взглядом зал и, видимо, не найдя того, что искал, предложил зайти к маркёру.

* * *

Маркёр Павел Александрович, которого по давней привычке за его огромных размеров живот все называли уважительно дядя Пава, был когда-то классным игроком на бильярде. Но он обладал одним прекрасным качеством – отзывчивостью – всегда охотно отзывался на приглашение к выпивке. За многие годы «отзывчивости» он приобрёл в этом колоссальный опыт. Даже в дешёвом «Портвейне» умел обнаружить своеобразный букет и выпивал его слаще «Мадеры». Как-то он хвастался, что его даже приглашали работать на должность дегустатора. В это никто не поверил, но дружно предложили ему другую, не менее важную должность – рекламировать денатурат. Правда, дядя Пава гордо отказался.

Привычная «отзывчивость» за много лет чрезмерно разбавила его организм спиртным, в результате чего тот начал ревниво бойкотировать его игру. Затем она взяла дядю Паву за белые руки и усадила в маркёрную, как памятник. Здесь «отзывчивости» было очень удобно заниматься своим прямым делом, тем более что дядя Пава великодушно на это соглашался. Но не упомянуть ещё одно важнейшее качество дяди Пavy было бы крайне несправедливо. По всеобщему признанию, он был незаменимым третейским судьёй в решении возникающих иногда споров во время

игры между игроками. Его решение было всегда объективным и не подлежало никаким сомнениям. За это он пользовался у всех без исключения игроков большим авторитетом. Дядя Пава восседал на своём кресле и, закрыв глаза, вкушал пиво под экзотическим названием «Таёжное».

Азарт абсолютно не понимал, какая может быть связь между законным судейством дяди Павы и клиента. Вопрос-то не был спорным. Хочу – возьму цепь, не хочу – не возьму. Игра ведь не на цепь, а на деньги. Нет денег – не играй.

Они зашли к маркёру. Приезжий поздоровался и вежливо осведомился о самочувствии дяди Павы – как племянник, болезненно переживающий за здоровье своего богатого дяди, который сегодня за обедом съел слишком много острого. Дядя Пава медленно поднял свои виевские веки, вышел из углубленного транса воздействия «Таёжного» на внутренности, и не менее вежливо поблагодарил приезжего за чуткое внимание к его величественной персоне. После его пробуждения, Азарту и гастролёру пришлось терпеливо выслушать длинную тираду о положительном воздействии пива, привезенного ему в подарок из какого-то сибирского городка под названием Тайга, с неприязненным названием «Таёжное». По-видимому, местные пивовары затратили слишком много энергии на создание рецептуры пива, и на более оригинальное название уже не хватило фантазии. Недолго думая, они решили названием пива увековечить и возвеличить свой городок. Качество пива действительно было великолепным. Вода из чистых, горных источников. Само пиво, настоящее на таёжных, медоносных травах альпийских лугов, уже только своим ароматом кружило голову. А вкус его! Стоило сделать хотя бы один глоток и оно, обласкивая нёбо, устремлялось по всему пищеводу, разнося во все его удалённые уголки живительную бодрость и свежесть раннего, морозного утра. Неудивительно, что стоит только человеческому организму попробовать такой бальзам, и он требует ещё и ещё. Он начинает проявлять какую-то неутолимую жажду. Дядя Пава не привык отказывать ему ни в чём, как любимому дитяти. Поэтому через некоторое время веки его, отяжелевшие как у Вия, опускались, закрывая обзор. Кое-кто называл это алкоголизмом. Но дядя Пава считал, что суть не в названии, а в ощущении. И если такое ощущение приятно его дитяте, то пусть оно тешится.

Приезжий кинул взгляд на опустевшую бутылку, стоящую на столе и радостно сказал, показывая пальцем на бутылку:

- Какой сюрприз! Не ожидал встретить здесь своего земляка!
- Если ваши родители дали вам начало в Виннице, то назовите их фамилию. Наверняка я их знаю, – пробормотал дядя Пава.
- К моему сожалению, я не имею никакого отношения к этому прекрасному городу, за исключением двухнедельной работы в одном из его биллиардных залов. Если город также прекрасен, как зал, то я согласен быть там губернатором.
- Тогда мне непонятна суть нашего землячества, – веки дяди Павы, потерявшего интерес к собеседнику, готовы уже были опуститься.
- Я как раз родом из Тайги, – торопливо сказал приезжий, показывая пальцем на бутылочную этикетку.
- Надо же? – заинтересовался дядя Пава, приподняв веки.
- Должен вам сказать, что я полностью разделяю ваши чувства и взгляды на это великолепное изделие, – кивнул гастролёр на пиво. – У нас, в городе Тайга, имеется небольшой пивной заводик, который приносит всем нам радость. Даже нашим жёнам. Именно это пиво Вы потребляете в данный момент.
- Да, достопримечательность действительно стоящая, – восторгнулся дядя Пава, – а жёны что? Тоже его потребляют?

– Есть исключение. Но дело не в этом. По статистике района там самый низкий процент разводов в области. И во всём виновато пиво. Даже на почки оно действует, как бальзам.

– Вы мне открыли ещё одно его достоинство. Объясните, пожалуйста, подробнее. Что-то я начинаю очень интересоваться вашим городишком.

– Дело в том, что две бутылки пива по своей крепости заменяют полстакана водки, а стоят в три раза дешевле. Семейный бюджет не страдает, и жёны спокойны за целостность зарплаты своих мужей.

Дядя Пава заинтересовался и даже приподнялся с кресла:

– А как там у вас на счёт прописки и биллиарда? И заодно скажите мне также – сколько у вас в году солнечных дней?

– Сибиряки – народ гостеприимный. С пропиской проблем не будет. А солнечных дней у нас так много, что мы их даже не считаем. Особенно в сильные морозы.

– А вот насчёт биллиарда я могу сказать, – вступил Азарт. – Если судить по его игре, – кивнул он в сторону гастролёра, – то всё в порядке.

Из-за уважения к приезжему и его игре, дядя Пава пообещал приберечь оставшееся пиво и пользоваться его только в исключительном случае, так сказать, полироваться. В ответ гастролёр поблагодарил дядю Паву за искреннее понимание изделия его родного города и пообещал при случае пополнить его запасы. После выполненных ритуалов, дядя Пава поинтересовался вопросом, который их привёл к нему.

– При посещении Вашего офиса я обратил внимание на сейф.

– И чем-же он Вас заинтересовал? – подозрительно произнёс дядя Пава.

– Не волнуйтесь, уважаемый. Меня интересует только его вес – успокоил его гастролёр и попробовал пошатать сейф.

Тот даже не шелохнулся.

– Вполне подходит – пробормотал он.

Сейф, килограммов под сто, стоял серой глыбой в углу маркёрной. Он применялся, в основном, для складирования бутылок, приподнесённых дяде Паве благодарными игроками после удачной игры. Эти запасы регулярно пополнялись, вернее обновлялись. Текучку заполнения сейфа можно было сравнить с предприятием с тяжёлыми условиями труда и малой зарплатой. В течение дня постоянно кто-то забегал к дяде Паве: то ли настроение испортила жена, то ли начальник на работе паразит (среди игроков были даже такие, которые работали) – да и мало ли от чего необходима разрядка человеку с такой нервной работой, как игра на биллиарде. Естественно, запасы таяли, но и постоянно обновлялись. В принципе, сейф служил, как склад хорошо потребляемой продукции.

Дядя Пава с трудом вытащил себя из своего продавленного кожаного кресла. Говорят, что это кресло принадлежало когда-то ещё, до революции, главному нотариусу и уютно обволакивало его задницу. Раскрыв сейф, он с улыбкой предложил гостю содержимое на выбор. Но тот вежливо отказался от предложенного, мотивируя тем, что надеется сегодня ещё поиграть. Дядя Пава недоумённо развёл руками:

– В таком случае я не понимаю, – зачем он Вам понадобился? Ага! Вы хотите оставить заклад?

Между прочим, сейф имел ещё одно своё прямое назначение: бывают случаи, когда ставки в игре очень высокие, и игроки доверяли их третьему лицу. Чем больше сумма, тем меньше доверия друг к другу. Вот тут и выступает дядя Пава, как доверенное лицо. Ощущая всю ответственность, он принимал у игроков или болельщиков ставки,

тщательно пересчитывал деньги и торжественно прятал их в сейф. За это, независимо от результата игры, он имел свой процент дохода, так сказать – небольшой навар.

– Ваш великолепный сейф мне нужен только в качестве груза для рекламы вот этого изделия, – сказал приезжий, показывая цепочку дяде Паве. – Так сказать, испытание на открытом полигоне.

– А зачем это Вам надо? – пожал плечами дядя Пава.

– Чтобы уничтожить сомнения моего юного друга в её прочности.

Он пропустил цепочку под сейфом. Затем оба её конца обмотал полотенцами.

– Это для нашей безопасности, – объяснил он ничего не понимающим дяде Паве и Азарту, которые стояли и с любопытством наблюдали за его действиями. Приезжий взялся за один конец цепочки, а за второй предложил взяться Азарту. Дядю Паву он попросил придерживать сейф спереди, страхуя от падения.

– Теперь мы с Вами, – сказал он Азарту, – попробуем приподнять сейф.

Азарт неуверенно запротестовал:

– Я давно уже тяжелее шара ничего не поднимал.

– Смелее! Мы только попробуем. В конце концов, Вы – заинтересованное лицо.

– Азартик, пусти меня. Я всё-таки посильнее тебя. Бутылка с пивом будет потяжелее биллиардного шара, – проявил заботу дядя Пава.

Азарт слабо запротестовал, стараясь не очень переубеждать дядю Паву, чтобы тот, не дай Бог, не отказался.

Дядя Пава нагнулся, уложив свой живот между ног, и намотал цепочку на руку. Приезжий взялся с другой стороны. Они поднатужились и попробовали поднять сейф. Но, по-видимому, пожалели свои силы, и сейф остался неподвижным.

В маркёрную уже набилось человек десять любопытных. Некоторые азартные уже заключали пари: поднимут – не поднимут; выдержит цепочка – не выдержит. Игроки есть игроки.

– Так не выйдет! – сказал приезжий. – Или мы его поднимем или распишемся в собственном бессилии.

Кто-то из болельщиков высказал свежую мысль:

– Давайте сначала выпьем всё то, что там есть внутри. Он сразу станет легче. Сразу появились протестующие:

– Поднимать надо всё с начинкой! Пить будем потом за победу!

Некоторые высказали сомнение в физических возможностях дяди Павы. Всё-таки, возраст не обманешь. Критику в свой адрес он принял, как допинг.

– Это кто же засомневался во мне? А ну бери! – крикнул он партнёру.

Воодушевленные порывом они схватились за концы цепочки. Лицо дяди Павы наполнилось выпитым возмущенным пивом и стало пунцовым, как кубанский помидор. Сейф стал нехотя поддаваться и угрожающе наклонился на Азарта. Тот навалился на него плечом, стараясь удержать его равновесие. Внутри сейфа зазвенели бутылки и что-то внутри его упало. Тишину нарушил треск порвавшейся ткани, а затем резкий характерный звук, типичный при перенапряжении переполненного желудка. Из сейфа потекла жидкость с разбитой бутылки, распространяя по маркёрной запах спиртного. Неожиданно к нему прибавился ещё один, мягко говоря, запах давно съеденной и плохо переваренной по причине плохого качества закуски. При этом дядя Пава как-то внезапно, сконфужено сник.

– Ну что я говорил? – восторженно закричал приезжий. – Цепочка отлично выдержала испытание! Этому металлу цены нет.

Азарт с интересом рассматривал цепочку. Победа над сейфом поддала кураж приезжему, и он покровительственно похлопал Азарта по плечу:

– Не надо её так рассматривать. Всё равно ваших институтских знаний предмета «Технологии металлов» недостаточно, чтобы определить структуру её металла.

Цепочка пошла по рукам. Все удивлённо её рассматривали. Только дядя Пава резво куда-то заторопился, прикрываясь сзади полотенцем. Народ сморщил носы и с пониманием провожал его взглядами. Тяжёлая работа даётся нелегко. В горячке дядя Пава забыл о своём возрасте, о своём огромном животе, перенапрягся и полностью дважды испортил свои брюки, которые годились теперь только для того, чтобы их выбросить.

После такого строгого испытания цепочки, да ещё и в память о конфузе дяди Павы, Азарт согласился взять её в залог. Вдобавок, гастролёр показал ему, как с помощью этой цепочки можно обезопасить себя от нападения злоумышленника. Поздно вечером, после ужина они дружески расстались. Гастролёр пообещал в ближайшее время посетить бильярдную и вернуть залог за оставленную цепочку, так как она ему дорога, как память о его друге.

Но ни на следующий день, ни в последующие дни, по неизвестной причине, гастролёр в бильярдной не появился. А цепочка нашла себе уютное местечко в кармане Артура и там затаилась, как змея. Иногда, чтобы подразнить дядю Паву памятным событием, он вынимал её из кармана и вертел на пальце у него перед глазами.

* * *

В подворотне стояли двое, освещая свои носы затяжками сигарет. Поравнявшись с ними, Азарт нагнулся и начал стряхивать воду с брюк, наблюдая за ними боковым зрением. Затем выпрямился и посмотрел на них, как на старых знакомых, которых не рассчитывал тут встретить. Их волчий расчёт на страх прохожего не оправдался.

– Мужик, дай закурить, – просипел один из них пропитым голосом, не вынимая изо рта окурков.

– Это можно, – добродушно ответил Азарт. – Пока я буду искать для вас сигареты, – вы поройтесь в своих карманах в поисках сухих носков для меня. Я совсем промочил ноги и боюсь простудиться. У вас как раз есть время для этого. Да и свои окурки успеете досмолить.

– Крах, он чё – пудрит нам мозги? – удивлённо спросил второй.

– Как я могу пудрить то, чего нет? – наивно спросил Азарт. – Кстати, вы можете задать мне ещё один ваш стандартный вопрос: «Который час?» У вас это очень модно – ночью у прохожих интересоваться временем.

– Вот я щас посмотрю, что у него в голове, – прохрипел Крах простуженным голосом и занёс зажатый кулак с чем-то тяжёлым.

Не дожидаясь удара, Азарт быстрым движением руки выхватил цепочку из кармана. Она, как змея одним концом плотно обвила его кисть руки и начал описывать вторым концом в воздухе восьмёрки, как его научил приезжий и приблизился к Краху. Цепочка, набрав обороты, начала издавать угрожающий свист. Азарт молниеносно хлестнул Краха по поднятой руке. Затем сделал шаг в сторону и резко дёрнул за цепочку. Громкий крик и матерщина Краха были прямым доказательством того, что цепочка

достигла цели и полностью оправдала себя. Теперь Азарт стоял за спиной Краха, крепко удерживая его перед собой. Цепочка плотно обмотала завернутую за спину руку Краха. Из руки выпал со стуком не то кастет, не то камень – в темноте не разберёшь. Вторым концом цепочки Азарт подтянул руку к шее. Услышав сдавленный хрип Краха, Азарт немного ослабил затяжку.

Второй урка, втянув голову в плечи, начал петлять как заяц, пытаясь зайти к нему в тыл. Азарт прикрывался Крахом, как щитом. Но, тот уже еле держался на ногах и начал потихоньку обвисать, лишая Азарта подвижности и маневра. В руках урки блеснул длинный, тонкий нож.

– Щас попробуем тебя достать писочкой. Она своё дело знает, – сверкнул металлическими зубами урка.

Дело принимало опасный оборот. Пора было делать ноги-ноги. Азарт толкнул бесполезного, обмякшего Краха на урку, пытаясь освободить себе дорогу к свободе. Урка отскочил в сторону, и Крах упал на асфальт. Цепочку пришлось оставить на шее у Краха, так плотно она держалась на нём. Второй урка прыгнул на Азарта, как кошка. Азарт почувствовал, как что-то теплое, липкое потекло по шее за рубашку. Последнее, что он увидел, были мелькающие в прыжке ноги неизвестно откуда появившегося Артура и перекошенное от боли лицо бандита. Он ещё успел сказать наклонившемуся к нему Артуру:

– Сними с его руки цепочку, – и погрузился в темноту.

Артур содрал с себя рубашку и туго перевязал рану на лице Азарта. Затем достал из бокового кармана куртки какую-то коробочку, вынул из неё шприц и сделал Ильясу укол. Быстрым, профессиональным взглядом оценил обстановку. Один бандит лежал в луже, не подавая признаков жизни. Он пощупал его пульс. Живой. Артур снял цепочку с его руки и спрятал её в карман. Второй бандит сидел под стеной дома и мотал головой, приходя в сознание. Для надёжности Артур вытащил у него ремень и его же ножом разрезал ему сзади брюки, вырезав длинную полосу. Ремнём крепко связал руки за спиной, а полосой завязал ему рот. Затем выскочил на дорогу, высматривая такси. Поняв, что это бесполезно, он осмотрелся по сторонам. Улица была по-прежнему пустынной. На обочине стоял старый «Москвич, засыпанный опавшими листьями. Артур подошёл к нему, поковырялся перочинным ножиком в замке. Открыв дверь, он точно таким же методом со второй попытки запустил мотор. Затем ещё раз внимательно осмотрел улицу. Всё было тихо и спокойно, если не считать хлопанья оборванной вывески об стенку дома. Дождь, как добросовестный дворник, очищал асфальт от крови его друга. Артур уложил Ильяса на заднее сиденье и положил ему под голову свою куртку. Тот тихо застонал. Артур сел за руль и дал газ. Он ехал, стараясь не нарушать правила. Выбирал дорогу как можно короче. Опасаясь нарваться на патруль, он всё-таки съехал с главной дороги и по тихим улицам и переулкам, пустынным в этот час, вскоре добрался до дома, где жил его бывший сослуживец-врач.

* * *

Голова Ильяса была заполнена каким-то липким туманом, внутри которого ощущалось тепло. Это тепло постепенно расширялось по всему телу, мягко окутывая его, придавая ему невесомость, и снимало боль. Затем он почувствовал, что его тело медленно поднимается вверх и парит над землёй. Где-то внизу мелькнуло улыбающееся лицо Юли и исчезло. Появилось изображение дяди Павы с выпученными, как у рыбы, выброшенной на сушу, глазами. Земля начала постепенно

удаляться от него. Внизу под ним остались беспорядочно нагромождённые друг на друга торосы облаков. В просвете между ними просматривалась земная поверхность. Чем выше он от неё удалялся, тем меньше ощущал боль. Как прекрасно чувство свободного полёта! «Сейчас я взлечу выше. Там есть ещё облака, на которых уже боль совсем не ощущается. Мне очень хочется покататься на них, расслабиться и полежать. Но я не должен делать резких движений. При невесомости это очень опасно. Приятное состояние, но к нему необходимо привыкнуть. Юля, где же ты? Ты же видишь, я стараюсь аккуратно летать, чтобы далеко от тебя не отрываться. Мы и так были слишком долго оторваны друг от друга». Вдруг, откуда-то снизу он почувствовал какой-то запах, который как магнит начал его притягивать к земле. «Юленька! Я скоро вернусь. Я только слетаю на запах и вернусь к тебе. Подожди, не исчезай. Не оставляй меня. Я совсем один».

– Потерпи, милый, потерпи ещё немного, – сказала Юля почему-то мужским голосом.

– Юля, что с тобой? Что с твоим голосом?

– Ну, давай братишка, возвращайся, – сказала Юля, не отвечая на его вопрос.

Азарт ничего не мог с собой сделать. Его упрямо тянуло на запах. Он почувствовал, как он начал снижаться. Внизу под ним быстро проносились земля, какие-то поля и огороды. Он на полном ходу врезался в заросли бесконечного кукурузного поля. Почему кукурузного? Потому, что он ясно услышал шорох кукурузных стеблей и прикосновение их к его телу. Перед глазами стоял белый туман. Он постоянно слышал какой-то ритмический напев с непонятными словами – «... переба, переба». Из белого тумана показались глаза, затем губы. По еле доносившимся к нему звукам и по губам он понял, что ему что-то говорят.

– Ну, вот и с приездом, вернее, с прилётом – сказали ему губы, и глаза весело заискрились. – Потерпи немного, всё плохое уже позади.

«Наоборот, – подумал Азарт, – Всё хорошее осталось позади. Я хочу туда назад. Там было так легко и свободно». Он попытался опять подняться в воздух, но кукурузные стебли опутали его тело, не давая возможности взлететь. Они опутали его, как водоросли тонущего в запущенном водоёме. «Сейчас я их порву и снова взлечу» – подумал он и начал разрывать их руками. Резкая боль вернула его в сознание. Кукурузными стеблями оказался обычный целлофан, в который он был обвёрнут, чтобы не испачкать кровью простыню на которой он лежал. Азарт хотел попросить склонившееся над ним лицо, вернуть его назад, на мягкие облака. Туда, где нет боли, где легко и свободно. Но слова застревали где-то в горле. Душа его рвалась туда, назад, но что-то ему подсказывало о невозможности возвращения, и он заплакал от собственного бессилия.

– Потерпи, тебе нельзя говорить, – сказали губы.

– Азарт, лежи спокойно, не разговаривай, – знакомый голос.

Азарт понял, что если он будет лежать спокойно, ему опять разрешат полетать, и он уснул.

– Ну, вот и всё. Рану я зашил, но он потерял много крови. Необходимо сделать переливание. Посиди возле него, а я позвоню в клинику, распоряжусь. Ты ему что-нибудь делал?

– Дал противошоковый укол и перевязал.

– Отлично. Я ему уколол морфий и он уснул.

– Ты бы и мне что-нибудь дал. Для встряски, – попросил Артур.

– Налей себе из этой колбочки. Вода в графине, – и доктор вышел.

Артур налил себе в мензурку спирт и, не разбавляя его водой, выпил.

- Ну что, пошло? На, я тебе яблочко принёс.
- А ты выпьешь? – спросил Артур.
- Вот отвезём его, сдадим – тогда можно.
- Слушай, корабельный лекарь, машина твоя на ходу?
- Ты же привёз на машине?
- Моя, да не совсем моя.
- Ясно. Попутная?
- Вернее сказать – первая подвернувшаяся. Думаю, что её уже ищут.
- Что вы за народ, спецназы – такое впечатление, что для вас нет преград.
- Особенно тогда, когда надо выручать друга, – подтвердил Артур. – Друзей становится с каждым днем все меньше и меньше.
- Это твой друг?
- Это мой младший брат и мой друг.
- Ясно. Ну, поехали. Там уже всё готово.

* * *

Рана на лице оказалась более серьёзной, чем с первого взгляда определил врач. Был задет какой-то важный нерв и врачи опасались, что одна половина лица будет неподвижной.

На следующий день Артур явился в палату, держа в руках бутылки с соком и минеральной водой.

- Как самочувствие? – заботливо поинтересовался он.
- Вся половина лица, как онемела, – пробормотал невнятно из-под бинтов Ильяс, – Артур, как ты там оказался? С неба слетел, что ли?
- Я тебе всё расскажу, но при одном условии – ты должен молчать. Тебе нельзя разговаривать. У тебя на щеке швы. Я шёл по другой стороне улицы к остановке трамвая. Затем подошёл трамвай. Я удобно устроился и, думаю, подремлю до дома. На повороте трамвай открыл глаза и увидел твою «встречу». Нюхом почувствовал недоброе, рванул аварийное открытие двери и быстро выскочил из трамвая. Перебежать через дорогу – это пара секунд. И, кажется, я успел вовремя. Ещё немного, и он разрезал бы тебе горло от уха до уха.
- Ногами ты мелькал знатно. Во всяком случае, для «связиста» совсем не плохо.
- Всё-таки заметил. Связистам тоже ведь приходится бывать в разных ситуациях. Вот и научили. Даже ярлык приклеили – специальное назначение.
- Артур, ты цепочку снял?
- Снял, снял. Я же тебя просил молчать. На, вот она – в тумбочке. Знатная штука. Гастролёр не обманул. Недаром дядя Пава тогда от натуги наложил в штаны, а цепочке хоть-бы что. Я заставил его раскошелиться на две упаковки дезодоранта для помещения. – Артур достал цепочку и начал перебирать её как чётки: – Отличная вещица. И главное, придраться не к чему. Хотя, – рассудительно добавил, – при желании можно расценить, как удушающее оружие особой прочности.
- Не сгущай краски. Я её купил для будущей собаки. Всё нет времени завести подходящую.
- Ну, да! Сейчас модно покупать костюм к галстуку, цепочку к будущей собаке. Раньше было наоборот и было лучше.
- «Не говори, что раньше было лучше, ибо не от мудрости своей говоришь ты» – продемонстрировал своё знание Библии Ильяс, – кстати, а что с урками?
- Да ты же одному кисть на руке чуть не обрезал своим «галстуком». Вдобавок он был наполовину задушенный. Ничего, в луже отойдёт. А второй тоже живой, только

немного повреждённый. Упал и ударился. Я их там так и оставил. Тебя надо было спасать. Ты был еле живой, потерял много крови.

– Спасибо, Артур.

– Благодарить будешь потом. А сейчас поправляйся. Да, кстати, это тебе на память о вчерашнем, – Артур вытащил из бокового кармана нож и положил его на тумбочку, – сделаю тебе чехол, и повесишь его у себя на стенке. Ещё одна-две секунды и он лишил бы тебя жизни, а меня друга. Скажи спасибо, что нарвался не на настоящих бандитов, а так «жуки-пуки, чики-брики».

– Какие бандиты Артур? Бандиты в такое время в кабаках деньги палят.

– Ну, ладно. Поправляйся. Я буду к тебе заглядывать.

* * *

Три месяца понадобилось Азарту упорных тренировок, чтобы хоть немного развить окаменевшие мускулы на лице. Дело продвигалось очень медленно. Чувствительность лица понемногу возвращалась. Врач был доволен результатом и еженедельно рекомендовал всё новые и новые нагрузки и упражнения. Заставлял его чаще улыбаться, применял вибромассаж. Одним из обязательных упражнений было – стоять напротив зеркала и корчить рожи. Это способствовало разработке окаменевших лицевых мускулов. Азарт с отвращением смотрел на себя в зеркало:

– Ну и рожа! Впору самому в темную ночь становиться в подворотню. Где-то я вычитал, что мужчине шрамы украшают. Интересно, почему косметологи не возьмут это на вооружение? Неплохой бизнес. Может заняться? Отбоя от клиентов не было бы.

На улицу Азарт выходил только в случае крайней необходимости. Хорошо, что было холодно и он, чтобы не пугать людей своим видом, заматывался в широкий шарф, только одни глаза было видно. Постепенно он стал привыкать к своему новому лицу. Поганое, но своё – куда денешься. В дверь позвонили. Азарт открыл. На пороге стоял Артур, нагруженный соками и различными пакетами.

– Привет! Ну и рожа!

– Привет! Только что я себе сказал то же самое.

– Азартик, не переживай так сильно. Теперь ты стал похож на воина.

– Ты только на счёт шрамов, которые украшают мужчину, ничего не говори.

– Почему?

– Потому, что это тоже себе уже сказал.

– Я вижу – ты тут не скучал. Было с кем поговорить.

Они вошли в комнату, сели за маленький столик друг против друга. Артур вытащил из кармана свой неизменный «Беломоркемел», закурил и начал пристально рассматривать Азарта:

– Что ты меня рассматриваешь, как понравившуюся картину на аукционе?

– У меня появилась хорошая мысль, за которую мы обязательно должны выпить.

– Если есть, то давай. Сейчас я что-нибудь организую.

Мгновенно на столике оказался кружочками нарезанный лимон, плиточный шоколад, маленькие рюмки и бутылка армянского коньяка.

Артур аккуратно разлил его по маленьким рюмочкам. Они чокнулись и выпили. Затем выдержали паузу, способствующую продукту уютно устроиться в желудке, и слегка поморщились под лимончиком. Азарт вопросительно посмотрел на Артура.

– Что, заинтриговал я тебя? – спросил Артур.

- Говори, не томи. Рассказывай, какую ты придумал авантюру?
- Хорошо. У нас в «связи», если кому-то портили фейс, а это было не так уже редко, то он отпускал бороду. Попробуем?

Через две недели плотная, черная щетина покрыла лицо Азарта, хотя на шраме волосы упорно не росли. К концу осени Азарт зарос густой черной бородой. Волосы, нависая на шрам, закрыли его. Опытный парикмахер привел бороду в порядок, выбрал подходящую стрижку, маскирующую шрам, и Азарт мог теперь спокойно ходить по городу, не думая о том, что он кого-то пугает. Борода очень сильно изменила его внешность, и когда он пришёл первый раз в биллиардную, его никто не узнал. Все равнодушно скользили взглядами по чужому человеку и занимались своим делом.

Дядя Пава, как всегда, сидел в знаменитом кресле и испытывал на своем желудке и печени какую-то очередную, спиртную гадость. Увидев Азарта, он поднял свои ивиевские веки и изумлённо проворчал:

- Сынок, тебе что, другую голову пришили? Чем та была хуже? Хотя, если в этой голове тоже есть что-то, то не стоит переживать о потерянной.
- Здравствуй, дядя Пава, дорогой! – радостно поприветствовал его Азарт. – Врач дал гарантию, что моя новая голова раньше принадлежала далеко не глупому человеку.
- Тогда я тебя поздравляю от всей души!

Они искренне обнялись. У дяди Павы даже глаза увлажнились. Правда, он утверждал, что это от большого количества выпитого пива.

- Что слышно, дядя Пава?
- Да так. Всё по-старому. Артур тебе не говорил? Твой мужичок тут пару раз появлялся. Недавно он здесь двух крутых прихватил. Хороший куш снял. А те дурики на следующий день опять прибежали.
- Ну и правильно. Надо же отмазываться.
- Да где ты такое видел? Добавили в два раза больше. Ну, что для них – эта сумма? Ещё и довольны игрой остались. Жали ему руку, благодарили.
- Дядя Пава, у меня до сих пор ёрш сидит в заднице от прошлого попадания. Это же надо – так меня облизал.
- Так я же и говорю, что он хороший куш снял. Думаю, что это – не последняя его игра с ними. Он всё время им даёт затравку. Выигрывает, как правило, в последнем шаре. Эти дураки всё надеются, что отмажутся. Помню, в детстве на экранах шёл какой-то фильм, забыл название. Там девушка приходит на озеро купаться. Осталось ей уже только снять с себя последнюю одежду и ... тут идёт поезд и всё закрывает.
- Не понимаю, какая связь мужичка и поезда с этой дамой?
- Ты не понимаешь? Мой один знакомый тоже не мог понять и ходил на этот фильм раз двадцать. Всё думал, что поезд или опоздает или пройдёт раньше. А тот, видишь, всё по расписанию. Так и у мужичка – всё расписано и изучено. Клиент очень сложный, требуется терпеливая обстоятельная его обработка.

Дверь отворилась и в маркёрную ввалился возбуждённый Артур:

- Привет всем! Хорошо, что я вас обоих нашёл. У меня есть грандиозный план!
- Привет! – радостно пожал ему руку Ильяс, – У тебя, как всегда, в запасе что-то имеется. Тебя-бы да в Верховную Раду. Там бы тебе цены не было.

Дядя Пава, услышав слово «запас», поелозил толстым задом в бывшем судейском кресле и придвинулся поближе к столу:

- Давай, сынок, сначала выкладывай свой запас, а потом план.

Артур вынул из кармана бутылку коньяка и какие-то свёртки:

– Вот это и есть запас, так сказать прелюдия, аперитив, перед тем, как я вам изложу свою идею.

Все втроем исполнили прелюдию со всеми её ритуалами, как положено. Затем закрепили ещё по одной рюмке. Артур закурил свою очередную папиросу:

– Дядя Пава, сегодня, когда пришёл Азарт, ты его сразу узнал?

– Я-то узнал, да остальные не узнали.

– Вот в этом и заключается моя идея! Мужичок-то теперь тебя совсем не узнает. Начнёшь катать шарики – он к тебе и подползёт. Ну, а дальше – дело техники!

– Так я уже и начал ему об этом толковать, да тут ты появился, – поддержал его дядя Пава, – Только, я так думаю, что Азартик слегка замандражировал.

– Не боюсь я его, дядя Пава, – загорелся Азарт, – ведь я его уже раскусил. И «крестов» он от меня больше не получит.

– Без «крестов» он с тобой не будет играть. Хотя, слушай! – дядя Пава хлопнул себя по лбу, – Да он тебя теперь действительно не узнаёт. Это же твой большой козырь!

– Мало того, для остальных ты тоже – неизвестно кто, – добавил Артур, – все будут мазать на мужичка, его уже здесь хорошо знают.

– А мы с Артуром, замажем на тебя, – завёлся дядя Пава, – хороший куш снимем.

– Ты как, в форме?

– Ну, не рылом же играть, а руками.

– Всё-таки, сынок, я думаю, что тебе пару месяцев ещё надо где-то в норке шарики покатать, поработать, а потом – на свободную охоту. А этот, – махнул он рукой, – никуда не денется. Пусть играет, выигрывает, фаршируется бабками. Он ведь, сам того не зная, делает за тебя чёрную работу. Ты потом его прихватишь и заберёшь весь куш, как яйца из-под наседки.

– Я думаю съездить куда-нибудь южнее, погреться, отдохнуть.

– Это не помешает. Хотя, слушай! Зачем тебе куда-то ехать? Есть у меня один знакомый писатель. Живёт почти круглый год на даче. Там себе биллиардную отгрохал. Для него биллиард это – хлеб и вода. Могу тебя к нему пристроить.

– Неудобно как-то.

– Он тебя знает и будет очень рад. Сегодня я с ним свяжусь, и затем поговорим конкретно. А сейчас иди домой. Не мозоль глаза. Мужичка я здесь прикормлю. Ты, Азартик, не торопись. Время играет на тебя. Здесь все думают, что ты уехал в командировку за рубеж на год. Он, по-моему, тебя уже забыл. Во всяком случае, не вспоминает. Вот ты и будешь для него «тёмной лошадкой». А мы уж с Артуром при твоей игре с ним кое-кому тоже карманчики повыворачиваем, – затем обратился к Артуру, – а вот теперь давай закрепим нашу с тобой идею.

* * *

На следующее утро Азарта разбудил частый телефонный звонок. Ему совсем не хотелось вставать с тёплой постели и начинать день с неожиданностей. Но по настырным продолжительным звонкам он понял, что это междугородняя линия. «Может, это Юля?», – мелькнула мысль. Он мигом сорвался с постели:

– Я уже не сплю и слушаю Вас внимательно.

– Простите, ради Бога, я думал, что Вы уже не спите. Меня зовут Евсеев Андрей Захарович. Можно, просто, Андрей.

– Доброе утро, Андрей.

– Вчера мы с дядей Павой говорили о Вас. Я буду искренне рад видеть Вас у себя. Приезжайте хоть сегодня. Это в пятидесяти километрах от города. Не задетый

цивилизацией уголок природы. Лес, чистый и прозрачный воздух. А главное – тишина. Вы здесь отлично отдохнёте. Скучать не придётся. Здесь всё в меру.

Азарт никак не ожидал такой прыти от неповоротливого на вид дяди Павы и был совсем не готов к отъезду. Но дружеский, приветливый тон Андрея его тронул, и ему захотелось принять его предложение.

– Я Вам очень признателен за приглашение, но я так сразу не могу ничего конкретного сказать. Это так неожиданно для меня. В принципе, я собирался погреть спинку под южным солнышком, – слабо запротестовал он.

– Вы, наверное, шутите. За окном скоро декабрь. А у меня от печки и камина тепло и уютно. Вдобавок, почти новый бильярдный стол.

– Ваши последние слова меня убедили. Сегодня я закончу кое-какие дела и завтра смогу выехать.

– Отлично, на станции я Вас встречу. Записывайте адрес.

Азарт заварил кофе и, прихлёбывая горячий, ароматный напиток, неторопливо совершил ритуал первой, самой вкусной сигареты. Особых дел на сегодня не было. Зайти на работу и оформить отпуск – это 2-3 часа. Оплатить счета за телефон, квартиру. После обеда необходимо провести мать. В последнее время она начала что-то хворать. Ничего серьёзного, но все же – возраст, есть возраст. Набросав в голове примерный план на сегодня, он стал одеваться и собирать всё необходимое к отъезду.

* * *

Мать открыла дверь сразу же после звонка, вроде как ждала его под дверью.

– Ильюша, это ты? – она удивленно рассматривала его бороду.

– Я, мама, я. Только мне, как сказал дядя Пава, пришили другую голову. Решил отпустить бороду, чтобы не пугать людей шрамом.

– А тебе с бородой даже лучше. Ты стал ещё больше похож на своего дедушку Мусу и на папу, такой же стройный и красивый.

– Как они там поживают?

– Вот, думала, летом съездить к ним, но там сейчас творится непонятно что. Может, ты тоже поедешь со мной, а то я одна побаиваюсь? – с надеждой в голосе спросила мама.

– Мамулечка, конечно же. Но до лета ещё целая зима и весна.

– Они пролетят быстро. Кстати, я получила письмо от дедушки Мусы, но оно, почему-то, написано на чеченском языке и я не смогла прочитать, – мать порылась в шкафчике и вытащила письмо, – на, прочитай и Расскажи мне, о чём он пишет.

Азарт распечатал конверт и углубился в чтение. То, что он прочитал его поразило. Он закурил сигарету и ещё раз перечитал письмо.

Его никогда не интересовала политика и он почти не читал газет. У него была твёрдая уверенность в том, что газеты всегда преподносят читателям искажённую информацию, а зачастую и ложь. Краем уха до него доходили новости из телепередач, но там тоже всё было непонятно. Говорили о каких-то чеченских группировках и бандитах, орудующих в горах. Но, если это были группировки, а тем более банды, то почему против них выступает регулярная армия, а не милиция? И ещё непонятно: почему армия, так прекрасно вооружённая новейшим оружием и одними из лучших в мире вертолётами с ракетами на борту, не может победить эти группировки? Значит,

это не группировки! Но, даже не читая газет, Азарт знал, что Чечня входит в состав России. Значит получается, что это – Гражданская война!

Дедушка Муса сообщал, что его два брата – Искандер и Саламбек – ушли со своими сыновьями в горы ещё в позапрошлом году, и до сих пор от них нет никаких сведений. Старший сын дедушки Мусы, Шамиль, погиб в прошлом году. Его дети – трое сыновей ушли в горы мстить за отца. Двое из них, Рустам и Аслан, были ранены, но уже поправились и опять ушли в горы. Дальше он описывал, как жестоко ведут себя солдаты во время, так называемых, зачисток. Получить пулю – ничего не стоит. В деревнях и аулах всё хозяйство разрушено и разграблено, поля опустели. И никто не может сказать – когда это всё закончится.

- Ильюша! Что ты там застрял?
 - Я здесь курю, мама.
 - Ты уже прочитал письмо?
 - Да, мама.
 - Ну и что он там пишет? Я слышала, что там идёт настоящая война.
 - Да, мама, но война идёт в другом районе, туда ближе к Дагестану. А у них всё спокойно. Все тебе передают большой привет и кланяются.
 - Ну, слава Богу!
 - Мама, дедушка Муса пишет, что в этом году к ним очень сложно приехать. Самолёты не летают, а железная дорога имеет много повреждений и работает не регулярно – не выдерживается график движения поездов.
 - Так мы же не едем сейчас, а до лета всё наладится.
 - Дай-то, Бог!
- Мать зашла на кухню:
- Ой, Ильюша, ну что – ты так много куришь? Прямо, дышать нечем.
 - Это очень слабые сигареты. У них двойной фильтр.

Азарт выложил продукты из сумки на стол, затем начал укладывать их в холодильник.

- Ты всегда, Ильюша, мне приносишь так много и всё такое оригинальное. Где ты это покупаешь? У тебя появились большие знакомства в торговле?
- Нет, мама. Просто, сегодня у нас в бильярдной давали пайки.
- Всё – такой же несерьёзный. Когда ты уже станешь взрослым?
- Мамулечка, от серьёзности мозги сохнут, а мне необходимо беречь мою новую голову. В ней есть хорошие идеи. Врач сказал, что такая голова у него была последняя.

Посидев у матери часа два, он выслушал все последние новости о её соседях (которых он в глаза никогда не видел, но знал о них буквально всё) и начал собираться.

- Мамуля, ты особенно не переживай. Я тут собрался поехать на пару месяцев к одному знакомому. Но я буду тебя навещать и звонить. На всякий случай оставлю тебе его телефон.
- Я уже привыкла к твоим неожиданным отъездам. Когда ты уже поменяешь работу и перестанешь разъезжать?
- Скоро, мама, скоро, а пока что мне уже надо бежать.
- Иди и будь умницей. Звони мне почаще.

Простившись с матерью, он вышел на улицу и направился к подземному переходу, через который был вход в метро. В переходе жизнь была ключом. Торговцы, музыканты, художники, нищие, бомжи, зеваки и, просто спешащие по своим неотложным делам – всё это скопище вынужденных бездельников сплелось в один

клубок и перекашивалось в сигаретном дыму, перемешанном с запахом кофе. Пару раз в этом клубке он встретил знакомых, но, скользнув равнодушным взглядом по его лицу, они продолжали своё движение в людском водовороте. «По-моему я уже начинаю приобретать образ «тёмной лошадки». Вадик Чиж проскочил мимо, ну понятное дело – должен мне уже два месяца, при встрече морда – лопатой. Но Жанна, с её потугами на совместную жизнь – и спокойно пройти мимо! Это уже – что-то с чем-то! Может быть, в словах Артура и дяди Павы есть смысл». Новое амплуа невидимки развеселило его, и он решил ещё немного побродить по переходу, или как его называли в народе – «труба». Остановился возле газетного киоска и купил сразу три газеты. Затем зашёл в кафе, уселся за столик и принялся за чтение. Одну из них он выбросил сразу, так как на двух листах вперемешку с рецептами от ожирения был шабаш ведьм и ясновидящих, суливших своим клиентам полное исцеление от всех существующих болезней, а также всевозможные предсказания. Следующая страница давала успокаивающие ответы на вопросы мальчиков, занимающихся онанизмом, а на обороте было напечатано множество советов для девочек, что делать в случае нежелательной беременности и как её избежать. Завершали дивную газету брачные объявления и распродажа залежавшегося на чердаках и подвалаххлама.

Зато, в другой газете он нашёл некоторые ответы на свои вопросы. Теперь ему стало понятно, что над Чечнёй дует ветер идеи радикальных перемен. Который, набирая силу в течение 200 лет, делал воздух плотным и напряжённым. Это была идея национальной независимости, и в первую очередь – независимости от России. Чеченский геноцид, выраженный в массовых истреблениях и депортации народа, судьбу чеченцев можно было сравнить, разве что, с судьбою евреев. Но если евреям, в своей тысячелетней борьбе за выживание, удалось вызвать в мире сочувственную и болезненную реакцию на любое проявление антисемитизма, то чеченцам этого пока не удалось. Мир ничего не знал о них и, мало того, совершенно не интересовался судьбою этого маленького, мужественного народа. Исчезнувшая цивилизация инков, египетские пирамиды и даже исчезновение какого-либо вида животных – вызывали больше эмоций, чем трагедия чеченского народа, продлившаяся на 200 лет.

Чеченцы – прирождённые воины. Они до сих пор ещё сохранили средневековые черты благородства мужества и храбрости в военном искусстве, наряду с безграничной жестокостью. Такие воины под воздействием религиозного фанатизма способны на любое самопожертвование. Бывшие Советы, будучи откровенно расистским и шовинистским государством, не испытывало особенного уважения к своим национальным меньшинствам, часто называя их – чёрножопые и чечмеки. Они вспоминали о них только тогда, когда надо было пролить кровь этих нацменьшинств за империю.

И вот теперь ветер идеи независимости от России перерос в безрассудный шторм, так как ни один лидер Чечни не может ответить на главный вопрос: – как они будут жить, обретя независимость, не имея ни промышленности, ни выхода к морю, ни даже судоходной реки. У них было только одно – желание избавиться от ига России. Желание было настолько огромным, что вся Чечня сгруппировалась в мощный кулак против России и был объявлен Газават – Священная война.

В полном трансе от полученной информации Азарт вышел из кафе. Затем возле киоска выпил ещё одну чашечку вкусного кофе, постоял и послушал музыку в исполнении вполне профессиональных музыкантов и, в знак признательности их таланта, положил в раскрытый футляр гитары купюру, позволяющую всем им выпить

такой же вкусный кофе. Взглянув на часы, он заторопился и направился к входу в метро.

Артур

Шёл 1979 год. Первый снег в этом году выпал уже в конце сентября. Обычно зима в этом северном крае начиналась рано. Так или иначе, жители гарнизонного городка уже давно были готовы к наступлению холодов. Во второй половине сентября небо затянулось тёмными, свинцовыми тучами. Тяжёлые, затяжные дожди смывали с асфальта остатки короткой осени. Подули холодные осенние ветры. Погода резко изменилась. И вот уже во второй раз земля покрылась снегом. Дети, забросив все школьные проблемы, сразу же после окончания уроков орущей толпой вывалились во двор осваивать снежные горки. Маленький морозец, полное безветрие и лучи заходящего солнца ярко украшали их лица здоровым румянцем. Было очень весело. Артур резвился, как щенок, выпущенный на свободу после длительного заточения. Причин для радости было много. Во-первых, сегодня – суббота, самый лучший день недели. Во вторых, удачно отвертелся от ответа на уроке алгебры. А в третьих – сегодня возвращаются домой папа и мама.

Родители Артура год назад были срочно откомандированы в Афганистан, ещё в начале разразившейся войны. Отец был пилот-вертолетчик, а мама – врач-офтальмолог. Сегодня вечером они ждали их прибытия из Афганистана в отпуск. Бабушка Софья Аркадиевна, на чьё попечение был оставлен Артур, уже второй день что-то колдует на кухне. Все пребывали в приятном ожидании. Наконец-то Артур получит свой долгожданный подарок – джинсовый костюм. Это была его заслуженная награда за окончание десятого класса без троек. Таковы были условия его родителей. Скотившись последний раз с горки, он подхватил свой портфель и помчался домой.

При подходе к дому, в котором они жили, он увидел, как к их парадному подкатил штабной газик-вездеход, на котором обычно ездил командир эскадрильи – Лев Николаевич, близкий друг папы ещё с лётного училища. Артур радостно бросился к нему навстречу, но тот сдержанно с ним поздоровался за руку, как со взрослым, посмотрел на него как-то серьёзно, не улыбаясь, и спросил:

– Бабушка дома?

– Бабуля дома, она печёт пироги. Я здесь во дворе встречаю папу и маму. Они сегодня должны вернуться. А вы к нам в гости?

Командир, как-то странно отвел глаза в сторону и сказал:

– Пойдем в дом.

Из машины вышли ещё два летчика, имен которых он не знал. Командир и Артур направился к двери, двое последовали за ним. Они медленно поднимались по лестнице. Почему-то никто из них не улыбался, не шутил. Перед дверью они остановились и слишком старательно и долго чистили обувь. Дверь в квартиру открылась внезапно, даже звонок не успел отзвенеть. В двери стояла бабушка и напряженно смотрела на них. Затем она, не здороваясь, отошла к стенке и обвела взглядом гостей. Военные вошли в коридор, старательно отводя глаза в сторону, и начали снимать верхнюю одежду.

– Лев Николаевич, говори, что случилось? – еле прошептала бабушка.

– Софья Аркадиевна, как близкий друг Саши и Марины, и как непосредственный начальник Саши я пришёл сообщить Вам, что...

– Они живы?

– Самолет, выполнявший вчера рейс из Кабула, вскоре после взлёта, был обстрелян ракетами моджахедов. Одна из них взорвалась вблизи самолета, и он был вынужден совершить аварийную посадку, – уклончиво ответил командир.

Хотя и он, и все летчики прекрасно знали, что если вблизи самолета взрывается ракета, то о какой посадке может идти речь. Да ещё, если внизу сплошные горы.

У бабушки, как-то вяло подогнулись ноги, и она бы упала, если бы командир не подхватил её под руки. Он помог ей зайти в комнату и уложил на диван. Один из военных, видимо – врач, мгновенно извлек из сумочки шприц и сделал ей в руку укол. Через некоторое время она открыла глаза и обвела всех присутствующих непонимающим взглядом. Врач сидел возле неё на стуле, держал за пульс и следил за часами.

– За время войны я привыкла к гибели чужих и своих. У меня в шкафу лежат, как память, две похоронки с фронта – мужа и моего старшего брата. Отец вернулся с фронта на инвалидной коляске. Но это была война. А сейчас – что это? Ведь у нас мирное время и вот... Нет сына и невестки. Сироты – мы теперь, что мы будем дальше делать? Как дальше жить? А ведь чуяло мое сердце несчастье. Пирог сгорел. Второй раз испекла, да вместо сахара соли насыпала. Видно Господь Бог подсказывал, что он не пригодится. Ночью всё уснуть не могла. А потом приснились они мне такие молодые и радостные, да всё рукой машут. Видимо, прощались.

Бабушка обняла Артура и разразилась безудержными слезами. Один из офицеров направился к ним, но врач остановил его:

– Пусть выплачется. Это облегчит ее страдания.

* * *

Только через неделю зеленый армейский грузовик привез два запаянных цинковых гроба. Похоронили их с воинскими почестями на гарнизонном кладбище.

На сороковой день поминовения, по обычаю, пришли к ним многие сослуживцы и друзья родителей. Выпили не чокаясь, молча глядя на стоявшие два блюдечка с рюмками водки накрытые кусочками хлеба. Когда все разошлись, Лев Николаевич, старый друг отца, его командир спросил Артура

– Что будешь делать дальше? Хочешь быть, как твой отец, военным?

– Конечно, – с готовностью ответил юноша, ожидая от офицера приглашения, чуть ли не завтра, летать на самолётах. Ну, в худшем случае быть сыном полка.

– Хорошо, – ответил командир, – но для этого необходимо многое знать. А чтобы знать, надо учиться. Софья Аркадиевна, – повернулся он к бабушке, – Я так думаю, что Вам здесь оставаться с Артуром не стоит.

– Куда же нам теперь? – растерянно сказала бабушка, – В Одессе живёт ещё одна моя дочь, Таня. Вы, наверное, помните её. Она приезжала на похороны.

– Конечно помню. Красивая брюнетка, лет двадцать пять. Это сестра Марины?

– Да. Но у неё судьба сложилась трагически. Её муж работал китобоем и погиб в рейсе в результате несчастного случая. Она осталась одна с ребёнком. Сейчас Юлечке всего пять лет. Этим летом я хотела их навестить, а теперь даже не знаю...

– Софья Аркадиевна, – сказал Лев Николаевич, – Я могу предложить Вам другой вариант. Мой отец, генерал-лейтенант в отставке, служил в Киевском военном округе. Вчера я с ним разговаривал. А до этого у меня была беседа в отношении Вашей семьи в Министерстве Обороны. Мне обещали помочь Вам, как вдове погибшего в Отечественную войну и как семье погибших в Афганистане. Отец тоже обещал

похлопотать. Округ заверил меня, что в ближайшее время обеспечит вашу семью жильем. И Вам и детям там будет лучше. Юг, столица, фрукты. Да и горизонт для будущей учёбы Артура гораздо шире, чем здесь. Всё-таки, это столица.

– Как же я оставлю могилу моих детей? – встревожено спросила она.

– Об этом не беспокойтесь. За могилой присмотрит гарнизон. А вы будете приезжать, да и нас заодно проведаете.

– Что ж, раз Вы советуете сделать так, то я согласна. Всё равно, рано или поздно ребёнку отсюда надо уезжать. Не останусь же я здесь одна. Вот только не ясно, что с квартирой, мебелью?

– Думаю, что с квартирой мы поступим следующим образом: передадим её на баланс, а взамен этой получите там другую. Всё прокрутим через Министерство. Да и отец поможет, надо только поторопиться, пока его там ещё хорошо помнят, а то без его помощи и нажима Вас бюрократы загрызут. Мебель переправим контейнером. Да, кстати, – добавил Лев Николаевич, – Артур там сможет поступить в военное училище. Он уже дал согласие, – хитро улыбаясь, посмотрел он на Артура. – Рекомендацией от полка я обеспечу.

Мечта Артура о завтрашних самолётах, как прилетела, так и улетела, но курсант, в красивой военной форме – тоже не плохо.

– Конечно, я дал согласие, – важно произнёс Артур.

Тут же на маленьком семейном совете решили, Что Артуру нельзя прерывать учёбу в последнем классе, поэтому зиму и весну они проживут в гарнизоне. За это время Лев Николаевич похлопочет о пенсии и тогда они тронутся в путь.

* * *

В июле – августе Артур прошёл строгую медицинскую комиссию и сдал все необходимые экзамены в военное училище связи. Желających поступить было очень много, но во время конкурса важную роль сыграла рекомендация, выданная командиром полка, да ещё и утверждённая Министерством Обороны.

В конце сентября Артур уже получил увольнительную и, идя по улице, во все глаза высматривал военных, чтобы не забыть отдать честь. Так и закружилась военная карусель: казарма, классы, спортзал, летние лагеря, библиотека и новое увлечение – бильярд.

После военного училища он был направлен на продолжение учёбы в Высшее училище связи. Закончив его, он был откомандирован в один из отрядов Спецназа на должность командира роты. К счастью, боевые действия в Афганистане к этому времени уже закончились. Родина зализывала свои раны самой же себе и нанесённые. В принципе, подразделение, в котором служил Артур, готовили к действиям в Афганистане. И тут вдруг внезапно они перестали быть кому-либо нужны. Ситуация сложилась неопределённая. Снабжение ухудшилось, да и то поступало не регулярно. Финансирование резко сократилось. К ним, как бы, пропал интерес. Ходили слухи, что даже знаменитая «Альфа» потеряла свою элитность. Поговаривали о расформировании. Зато прекратились изматывающие тело тренировки. Всякие перспективы сошли на ноль.

Появилась масса свободного времени, которым мало кто знал, как можно распорядиться, и многие потекли, как ток – по пути наименьшего сопротивления. Дороги молодых офицеров начали сходиться в бильярдной или за карточным

столом, в центре которого, в окружении бутербродов, стояла неизменная «Матильда». Без водки уже не обходился ни один вечер.

К этому времени Артур был женат. К сожалению, своей жене, кроме звания «офицерская», он так и не смог дать больше ничего и она, недолго думая, оставила его одного в маленькой комнатухе гарнизонного общежития, предоставив ему одному слушать завывание вьюги и вскакивать ночью по тревоге. Теперь Артур мог спокойно заполнять своё свободное время любимым делом – биллиардом.

Это увлечение, слегка разбавленное алкоголем, немного снимало боль разлуки с женой. Но, оставаясь наедине со своими чувствами, он испытывал такую душевную боль, что хотелось подпевать вьюге вторым голосом. Общение с такими-же офицерами, как и он, приносило кое-какое облегчение. Некоторые из них были женаты. Некоторые, как и он, уже успели обжечься. Таких друзей по несчастью он сторонился. Ему совсем не хотелось выслушивать потоки грязи, которую они выливали на своих бывших жён, обвиняя их во всех грехах, но себя считая незапятнанными.

К своей бывшей жене Артур претензий не имел. Он справедливо считал, что каждый человек сам волен выбирать себе дорогу. И если она совершила ошибку, выйдя за него замуж, то он был ей благодарен за то, что она вовремя её исправила. Он верил в то, что если женщина любит, то она идёт за мужем до конца. А если не любит, то чем раньше сойдёт с дистанции, тем лучше для обоих.

Хуже было с другим – он её по прежнему очень любил, и теперь ему приходилось с трудом переживать это состояние. Когда он был дома, ему казалось, что вот сейчас провернётся ключ в замке, она войдёт и начнёт снимать в коридоре валенки. Иногда он опасался уходить из дому. Одно время даже оставлял записки, где он находится. Часто, возвращаясь домой, представлял себе, что жена уже дома принимает душ, из кухни доносятся вкусные запахи, по комнате разбросаны вещи, которые она ещё не успела сложить на место. Затем она выйдет из ванной и, как ни в чём не бывало, спросит его, почему он так поздно, что случилось. Эти мысли сладким ядом заливали сердце, просачивались в его нутро и растекались горячими ручейками по всему телу. Он подходил к дому, с замирающим сердцем открывал дверь, и его встречала пустота и оставленная на столе, на самом видном месте, его же записка. Артур пил чай на кухне, даже не сняв шинель, и уходил допоздна в биллиардную. Постепенно он перестал уже на что-то надеяться. Только на время – этот самый лучший доктор. Надо было перетерпеть эту душевную боль, пережить её. И он терпел, как мог.

* * *

В гарнизоне всё чаще начали ходить упорные слухи о расформировании. Артур связался со Львом Николаевичем, который к этому времени перебрался служить в Киев, и попросил посодействовать о переводе его туда. Уже через месяц он собрал своих друзей-однополчан справить отвальную и через три дня уже был в Киеве.

Особой разницы в службе не было. Такие же проблемы. Такая же незанятость. Тот же бешеный рост цен. Смотавшись пару раз по горячим точкам, Артур понял, что всё это – не для него. Не дожидаясь худшего (быть направленным на умиротворяющие акции), Артур подал рапорт об отставке. Начальники отнеслись к рапорту недоброжелательно, но всё же через некоторое время он добился того, что спрятал мундир с погонами

майора в шкаф и начал привыкать к штатскому костюму, в котором он чувствовал себя поначалу не совсем уютно.

Ещё когда Артур учился в военном училище, его увлекла игра на бильярде. Там был маленький бильярдный зал на шесть столов среднего размера. Считалось, что бильярд был необходим для будущих офицеров в плане развития дальногомера и аналитики. Наверное, при этом была учтена и традиция русского офицерства, элитной касты. После нескольких лет тренировок Артур успешно овладел игрой и стал на каникулах, а иногда и в увольнении, наведываться в городские бильярдные павильоны.

Много времени, особенно после ухода жены, он отдавал бильярду во время службы в военном гарнизоне. Первое время, после перевода в Киевский Военный Округ, свободное время поубавилось. Пришлось старательно осваивать новое место службы, хотя она ему уже до чёртиков надоела. Спустя некоторое время, освоившись, он опять начал посещать бильярдную. Шкурка романтической, бессеребряной игры постепенно сползла, и он начал играть на интерес. Но в этом его желание, особенно, не проявлялось. Ему просто нравилось играть. Нравилось ощущать полированную поверхность кия, нравилось бросаться на фантастические шары, которые забиваются лишь теоретически, нравилось играть дуплеты. Со временем, он стал одним из лучших игроков в зале. С ним уже начали считаться, почтительно здороваться. Теперь, когда он играл, его стол был окружен плотным кольцом болельщиков и тех, кто играл в ставки. После игры зрители расходились, шумно спорили и обсуждали игру. Артур был общепризнанным любимцем.

Всегда элегантно одет, выдержан, он никогда не проявлял излишнюю эмоциональность в игре, не дразнил и не раздражал партнёра. К деньгам он относился безразлично и никогда не мелочился при расчетах. Партнёры у него, как правило, были постоянные. Бывало, что играл с гастролёрами. После первой же партии они прекращали свои «левые» фокусы и уже не скрывали своего профессионализма. В нём они сразу распознавали серьёзного соперника.

Артур уже давно обратил внимание на стройного, смуглого мальчика, подпирающего стены в бильярдной. Мальчишка жадным взглядом следил за каждой его игрой, не пропускал ни одного удара. В бильярдной как-то не принято кого-либо обучать. Это – не «кузница кадров». Каждый учился и перенимал опыт, как мог. Преданные бильярду и терпеливые обучались игре, остальные отсиживались. Учеба происходила длительное время, и поэтому «текучка» была большая. Но, к этому мальчишке он расположился, как младшему брату. Как-то раз Артур увидел, как он играл со своими сверстниками, старательно копируя его. Тогда Артур небрежно бросил ему замечание насчет мела и кия. Часто во время игры он видел его возле стола, внимательно наблюдающим за его игрой. Видел также его откровенный восторг и досаду после результатов игры. Но, как он мог мальчишке объяснить, что не всегда проигрыш есть поражение, что из тактических соображений иногда проигрыш больше необходим, чем выигрыш.

Однажды к Артуру приехала из Одессы его сестра Таня и оставила ему на две недели свою дочь Юлю. Он вначале попытался отвертеться от воспитательных функций и присмотра за четырнадцатилетней племянницей, которая, как казалось ему, могла создать большие проблемы в его вольной, холостяцкой жизни. Но Юля на удивление оказалась доброй и покладистой девочкой. С манерой взрослой женщины, наверное, подражая маме, она взялась за наведение порядка в его холостяцкой норке и

полностью избавила Артура от ведения домашнего хозяйства. С веселым щебетом она с утра носилась по квартире, переставляя все по-своему. Как-то, возвратившись домой, Артур подумал, что он ошибся адресом. В квартире все блестело, на столе стояли цветы, а из кухни доносился запах сваренной молодой картошки, посыпанной укропом. Как и каждый ребенок, Юля четко оценила отношение Артура к себе и приняла с ним покровительственный тон. Теперь уже Артур не завтракал в кафе напротив, а наслаждался манной кашей и запивая кофе. Юля с удовольствием сопровождала его везде и откровенно очень задавалась своим спутником. Все эти её завтраки, уборка и сопровождение у неё получались очень комично, как и у каждой девочки, которая подражает взрослым и считает, что так оно должно быть, но Артуру это нравилось, и он полностью сдался Юле в плен. Вот и сегодня она уцепилась за руку, и он вынужден был взять её с собой в биллиардную. Там она впервые встретила и познакомилась с Ильясом.

* * *

Сегодняшний, свой первый гражданский вечер Артур решил отметить ужином в ресторане или кафе. На душе было двойственное чувство. С одной стороны, он был рад, что наконец-то закончились все бюрократические армейские преграды, которые ему пришлось преодолеть при оформлении отставки. Ему, как человеку, отдавшему Армии более десяти лет своей жизни, трудно было с этим расстаться. Так уж сложились обстоятельства, что не довелось продлить дело отца. И не его в этом вина. Лев Николаевич, после длительных и душещипательных бесед о патриотизме, высказал своё недовольство желанию Артура об отставке. Но после откровенного разговора, скрепя сердце, помог ему. Спустя два года Артур пытался его разыскать, но в кадрах ему сказали, что его отправили в отставку и он, обиженный, уехал с женой в её родные места.

Офицер есть всегда офицер, где бы не проходила его служба. Что бы о них не клепали злые языки, но офицер, воспитанный Армией, коллективом приобретал понятие чести на всю жизнь. Офицерская честь – это не слова из современных пошлых песенок. Для офицера слово честь не является пустым звуком. Это – преданность человеческой души клятве, данной раз и навсегда. И тот, кто произносил слова клятвы, тот до конца жизни останется преданным своему братству, своему делу, которому он служит. Офицера никогда не пугает слово «смерть». Но слова «суд чести офицера» и «клятвоотступник» – для них являются смыслом жизни. Кому-то эти слова покажутся высокопарными, но для офицера это – гордость, это – соблюдение всех традиций, это – способность его на самопожертвование делу, которому дал он клятву.

С другой стороны, Артуру давили на психику мысли о том, что это – самое святое в жизни офицера – уже дважды поругано властью имущими, которым он давал клятву, отдал свои лучшие, молодые годы и свои силы и, в конце концов, остался ни с чем.

От их элитной части – наследников знаменитой «Альфы» – не осталось и следа. Дисциплина упала. Среди начальства началась перетасовка, текучка. Офицеры занимались чем угодно, только не своим делом. Процветало пьянство. Многие переметнулись на заманчивое предложение в охрану, а некоторые даже имели связь с криминальными структурами. Ни первое, ни второе Артура не устраивало. Специальности, способной прокормить на гражданке у него не было. Тем, чему его научили, он заниматься не хотел. Всплыл извечный вопрос без ответа: «Что делать?»

С такой резкой колебательной амплитудой в душе он зашел в ближайшее частное кафе. Сняв с себя еще новенькую кожаную куртку, он положил её на прилавок гардероба.

Из-за вешалок к нему вынырнул гардеробщик. Взглянув на него, Артур еле сдержал удивление и восторг; «да это же мой бывший командир роты, воспитатель, ещё с военного училища – капитан Скворцов. Как же его зовут?» В голове завертелось его имя, до боли знакомое и известное. – «Ну, конечно же – Фёдор Михайлович! Бабушка ещё тогда называла его по имени-отчеству, хотя он всегда настаивал называть его только по имени. Но бабушка сказала, что ей приятно лишний раз произнести имя-отчество своего любимого писателя Фёдора Михайловича Достоевского.

– Товарищ капитан! Вы меня не узнаете? – восторженно спросил Артур.

Бывший капитан, посмотрел на Артура, засуетился с привычной угодливостью гардеробщика и уже готов был воскликнуть дежурную фразу: «Как же! Как же! Какие люди! Милости просим!» Но потом взглянул на посетителя более пристально, и лицо его преобразилось. В один момент исчезла маска угодливости, и лицо приобрело прежний знакомый облик.

– Постой, постой. Так. Подойди к свету. Повернись. Сашка! Вылитый Сашка! Хотя губы и подбородок Марины. Артур! Ты ли это?

– Я, товарищ капитан.

– Последний раз мы виделись на твоём выпускном балу в училище. Сколько же это лет уже прошло?

– Больше десять лет, товарищ капитан.

– Боже мой, как идут годы. Вот теперь я тебя уже ни с кем не спутаю. Глаза, понимаешь, стали подводить, – виновато пробормотал он, стесняясь своей должности перед бывшим воспитанником. – Ты как сюда, попал? В командировке или отпуск?

– Ни то, ни другое. Я здесь живу. Вот решил сегодня отметить перемену в своей жизни.

– Женился, что ли? Так вроде ты уже не такой юный. Впрочем, теперь все по-другому.

– Нет, товарищ капитан. Такую полосу препятствия, как женитьба, я уже преодолел, вернее будет сказано – переболел.

Сказав это, Артур почувствовал в груди холодок. «Нет, – подумал он, ещё не переболел. Сам себя обманываю. А ведь прошло уже пять лет».

В кафе вошли посетители и направились к гардеробу. Капитан, как бы не желая предстать перед Артуром в своей новой роли, позвал официантку:

– Катюша, усади моего племянника и накрой столик для двоих, – затем, обращаясь к Артуру, добавил, через полчаса сменяюсь. Иди, пока выпей кофе, а я потом сяду к тебе.

Артур, сопровождаемый Катей, вошёл в зал. Она усадила его за столик, стоящий в углу под каким-то красивым, южным растением.

– Можно я Вам принесу кофе? У нас настоящий бразильский кофе.

– С удовольствием. Но настоящий кофе это эфиопский.

– ?!

– Да, да. Как ни странно, первыми кофе стали употреблять эфиопы. Он у них растёт на горе Каффа. Отсюда и его название.

– Первый раз слышу, – удивлённо ответила Катя, – думаю, что пока он дошел до Бразилии, то свое качество по дороге не утратил?

– Охотно верю и буду ждать с нетерпением свой кофе и ... Вас.

Катя ушла выполнять заказ, старательно, но в меру покачивая своим далеко неплохим станом. Артур залюбовался ею. Даже почувствовал, как внутри включился моторчик, набирая забытые обороты. «А что? Это – тоже одно из лекарств от любви. Клины клином вышибают. «Новая встреча, лучшее средство от одиночества» – вспомнил он свою когда-то любимую песню ансамбля «Машина времени».

Спустя пять минут Катя уже несла маленький подносик, на котором стояли чашечка кофе, сливки и сахар.

«Захват» – дал себе команду Артур.

– Катя, а можно мне немножко покапризничать?

Катя улыбнулась и удивленно посмотрела на него своими глазами-фарами. Иначе такие глаза Артур назвать не мог.

– Только я сначала попробую кофе. Если он хороший, то мне и капризничать не придётся.

– Вы, наверное, очень долго где-то отсутствовали, и теперь как-бы отстали от жизни. В частном кафе всё дорого, но зато качество неоспоримо! Мы своих посетителей за их деньги хорошо и вкусно кормим. Наш заработок напрямую зависит от оборота товара.

– Да, вы правы. Кофе действительно имеет прекрасный вкус.

– Я очень рада. На той неделе мы получили из Италии новую машину для заварки кофе. В ней кофе заваривается проходящим через него насыщенным паром, имеющим температуру, выше температуры кипения воды. После его прохождения через слой кофе, в чашку уже медленно стекает конденсат, вобравший в себя все вкусовые качества кофе. Второе, не менее важное условие – чашечка должна иметь толстые стенки и быть горячеей. После этого кофе дольше сохраняет свою температуру и вкусовые качества.

Пришёл черед удивляться Артуру:

– Ого! Вы мне прочитали целую лекцию с применением технической терминологии. Чтобы одолеть всю эту терминологию, мы должны, для начала, несколько вечеров провести вместе. Откуда вы знаете это? Конденсат, насыщенный пар?

– Я по профессии инженер-теплотехник.

Артур удивленно посмотрел на Катю.

– Ваше удивление лишний раз подтверждает, что вы давно оторваны от жизни.

– Вы правильно подметили. Сегодня мой первый день второго рождения.

К столику подошёл одетый в строгий, вечерний костюм Фёдор Иванович. В его внешнем облике просматривалась военная косточка, неистребимая даже на гражданке.

– О, я вижу, вы уже познакомились, – улыбнулся он.

– Наше знакомство одностороннее. Я потороплюсь это исправить. Артур, – представился он.

– Какое у Вас редкое имя.

– Сейчас оно не такое уже и редкое. Вот когда его так называли, оно было действительно редким, – сказал Фёдор Иванович.

– Вас называли в честь боевика-революционера, сына священника, более известного под псевдонимом «Овод»? – иронично спросила Катя.

– Нет, тут другое, – ответил за Артура капитан. – Его дед был моряк и участвовал в битве при Порт-Артуре. Он хотел этим именем назвать своего сына, но родня по

материнской линии воспротивилась. А вот его отцу это удалось. Вот так ему и досталось это имя.

Артур уже второй раз за этот вечер, удивлённо посмотрел на капитана.

– А у Вас дети есть? – спросила Катя кокетливо.

– К сожалению, нет, – ответил Артур.

– Вот когда у Вас родится сын – Вы должны назвать его Порт.

– Порт? – удивился Артур, – почему именно Порт?

– Потому что он будет тогда Порт Артурович и усилит память о вашем героическом дедушке.

От неожиданного остроумного предложения Кати все весело рассмеялись.

– Ну, что? Перейдем к делу? – продолжая улыбаться, спросил капитан, – Артур, ты мне доверяешь сделать заказ?

– Ещё бы!

– Начнем.

– Таня с готовностью вытащила блокнотик и ручку и приготовилась записывать.

– А начнем мы с главного. Бутылочка холодного «Абсолюта». Огурчики, помидорчики целенькие с петрушкой. Туда же и редисочку. А вот грибочки отдельно и чтобы обязательно маленькие и беленькие. Затем, Танюша, я сегодня видел, как Костя-повар что-то колдовал над синенькими баклажанами. Так вот их тоже. Но это будет неполная компания, если сюда не прибавить отварной говяжий язык с хреном. А потом, – прямо с жару, украинский борщ с пампушками. Цыплята же «табака» пусть Костик сделает на грузинский лад, украсит их зеленью и собственноручно приготовленной приправой. Огонь во рту будем гасить пивком «Оболонское». Вот, детка, и всё.

– Будьте спок, дядя Федя. Всё будет в лучшем виде, – Катя развернулась на каблуках и, уже не соблюдая стиль, побежала на кухню. Перед тем, как выпорхнуть из зала она все-таки оглянулась и заметила взгляд Артура. Кокетливо улыбнувшись ему, она скрылась за тяжёлой шторой.

– Понравилась? Хорошая девочка. Умница, трудолюбивая и очень быстро разобралась в настоящей обстановке. В общем – начинающий капиталист нашего молодого времени. Это – кафе её отца, моего однополчанина. Но у него со здоровьем совсем неважно. Был ликвидатором на Чернобыльской аварии. Теперь – два-три раза в год госпиталь. Кафе маленькое – шесть столиков. Штат – четыре человека. Она тянет на себе все администраторские обязанности плюс обслуживание.

– Кому-то досталась хорошая жена.

– Между прочим, я заметил, она на тебя обратила внимание. А мужа у неё нет.

Появление Кати прервало их беседу:

– Ну, вот и я.

Она быстро украсила стол закусками и водрузила напитки в центре. После этого стол начал выглядеть, как натюрморт.

– Приятного аппетита!

Они разлили водку по рюмкам, отчего те сразу запотели и стали похожими на белые гроздья винограда, налившегося солнечным светом.

– Ну, давай, за встречу!

После легкой закуски они выпили ещё по одной грозди и принялись основательно за обед. Утолив первый голод, расслабленно откинулись на удобных креслах.

- Товарищ капитан, а как Вы здесь оказались?
- Если коротко то: отставка, нудное пенсионное, ни чем не заполненное время. Затем – поиски применения себя на трудовой ниве, новая, неудачная работа, а потом уже сюда. И вот теперь я здесь, – сконфужено кивнул он на гардероб.
- Это надо понимать, как понижение после новой работы?
- Смотря, как расценивать, – загадочно сказал капитан. – После моей отставки военкомат предложил мне попробовать себя в кадрах на одном из небольших заводов. Но меня опередил какой-то КГБшник. Ты же знаешь, их – хлебом не корми, а дай поковыряться в человеке. А на кадровой работе этого добра – хоть отбавляй.
- Кто на что учился, – подтвердил Артур.
- Это ты правильно подметил! В общем, когда эту вакансию заняли, то мне предложили другую работу – в снабжении при одном ресторане. Я понятия не имел, что это такое. Так, знал со службы, что интендантов всегда за чубы таскают: то того не привезут, то другое вовремя не поставят. И всегда удивлялся их терпеливости к этим разносам. Сколько их не пинали, а ни один из них добровольно не уходил со своего места. Бывало, прижмут крепко, а он покрутится, да и назад возвращается, или смотришь – всплыл где-то в другом месте, при складе. Ну вот, решил и я себя попробовать на этом поприще. Задание у меня было, проще некуда – заказать и снабдить ресторан необходимыми продуктами. Работал у меня шофёром на грузовике один парнишка, доставлял продукты с базы. Начали на него поступать жалобы, мол, привозит недовес, подворовывает. Вызвал я паренька, поговорил с ним, предупредил его. Тот клянётся-божится, что нет его здесь вины. После очередного рейса лично иду смотреть приёмку груза. Взвешивают, проверяют – не хватает. Немного, но факт налицо.
- Это же просто. При приемке груза мальчишка прозевал, и его обвесили.
- Я тоже был такой умный. Давай ещё по одной.

Они выпили, закурили.

– Во! Пошла хорошо. Да, в следующий раз, – продолжал капитан, – я еду с пареньком на базу за товаром. Вывозят с холодильных камер товар. Взвешивают – всё как надо. Приезжаем, сдаем – не хватает.

Пришёл домой расстроенный. Поужинал, вышел во двор постучать костяшками с такими же, как я. На душе – порох палёный. Те меня спрашивают:

- Ты чего, Фёдор, сегодня такой потерянный?
- Вкратце рассказал я им свою проблему, а они зубоскалят. Тут один старичок, с которым я и общался-то мало, говорит мне:
- Федюша, а не посидеть ли нам с тобой где-нибудь вдвоем?
- Так, мы и сидим, – отвечаю.
- Какой ты непонятливый! Я хочу тебе помочь. Возьми коньячишка, и мы обговорим твою проблему. Смотришь, что-то вырешим.
- Какой вопрос? Это я мигом, – ответил я ему с готовностью.

Пошли мы с ним в кафе, взяли, что положено, выпили. А он мне говорит:

- Ты хорошо смотрел за кладовщиком?
- А, что за ним смотреть? – спрашиваю, – человек, как человек, на жулика не похож. С виду – такой солидный.
- Человек-то он человек. А в чем он был одет?

Ну, думаю, старый хрен. Вцепился, как репей в собачий хвост.

- В халате, разумеется.
- А что у него в карманах халата, Федюша, как ты думаешь?

– Дед, да я что – ясновидящий какой-то? Откуда я знаю, что он держит в карманах? Сигареты, наверное, спички, ключи, гирьки маленькие.
– Вот именно, гирьки! – поднял свой длинный палец дед.
– Да, что тут такого удивительного. Прячет, чтобы не украли.
– А вот ты попробуй подменить у него эту гирьку, которой он будет тебе взвешивать и принеси мне, посмотреть. А на подмену я тебе дам другую.

Через некоторое время еду я опять с шофёром на базу за товаром. В кармане гирька, которую мне дал дед. С шофёром заранее договорились, чтобы он на какой-то миг отвлек внимание кладовщика. Вывозят со склада баранину. Кладовщик ходит, в кармане халата гирьками играет. Начал взвешивать. Шофёр отвлек его внимание, а я – раз и подменил гирьку на весах. Приезжаем домой, взвешиваем продукцию – грамм в грамм. Приношу я гирьки деду Петровичу, показываю. Водрузил он очки на нос. Вдобавок, вооружился лупой. Посмотрел и говорит:
– Ясно. Вот и подпись твоего друга.

Взял шило и ковырнул в одном месте. Выкрошилось местечко, обнаружив тонко просверленное отверстие.

– Вот это местечко набирает несколько граммчиков с одного килограмма. А гирек несколько. Клиентов за день много и килограммов тоже. Теперь ясно, почему у твоего паренька всегда не хватало? Видать, кладовщик совсем новенький. Иначе он не действовал бы таким примитивным способом. Есть методы гораздо сложнее.

– А куда же девается этот накопившийся от обвеса товар? – удивленно спрашиваю я,
– Ведь там охрана, ворота?

– Для этого есть своя, отдельная клиентура. А охрана, ворота – это уже разговор из другой оперы.

– Ну и что Вы предприняли? – спросил Артур.

Ответить капитан не успел. Катя установила на столике кастрюльку и, открыв крышку, начала разливать борщ по тарелкам. По маленькому залу разнесся аппетитный запах. Своим изделием, приготовленным с навару свиных рёбрышек и мозговой говяжьей косточки, сваренных с сельдереем, луком, красной свеклой, молодой капустой, заправленным острым томатным соусом и помидорами и ещё всякими пряностями, повар Костя мог гордиться особо. Редкий посетитель уходил из кафе, не попробовав борщ.

– Ну, что Артурчик, под борщик с пампушечками ещё по одной?

– Разливайте. Так чем закончилась Ваша история с гирьками?

– А закончилась тем, что я пошёл к своему директору.

– Жаловаться, что ли?

– Не перебивай. Директором ресторана был мой давний сослуживец, интендант. Вышел в отставку в звании и стал работать директором ресторана, по профилю, так сказать. Выслушал он меня и говорит:

– Фёдор, ты, наверное, думаешь, что открыл для меня Америку? Это всё старо, как мир. На этом вся торговля стоит и мно-о-огих кормит.

– Так что мне делать? – спрашиваю.

– Думаю, что тебе стоит поменять посуду, – говорит.

– Как это?

– А так, что ты сел не в свою тарелку. Тебе здесь работать нельзя. Ты не в силах всё это поменять. А ведь есть ещё сотни методов, как сделать деньги, о которых ты и представления не имеешь. Зайди ко мне завтра в это же время. Я что-нибудь для тебя подыщу, где тебе не придётся мучить свою совесть.

На следующий день я зашёл к нему, и он предложил мне работу в этом кафе. Вначале я даже обиделся. Но он меня успокоил и сказал, что если мне не понравится, то он придумает ещё что-нибудь.

– Вот так я тут уже два года исполняю обязанности гардеробщика, швейцара, администратора, слесаря и ещё Бог знает кого. Люди работают здесь хорошие. Продуктами кормят качественными.

– А с кладовщиком как?

– Тут своя статья. Я до сих пор получаю удовольствие, что сразу он не обнаружит подмены и будет думать, что у него по-прежнему имеются накопления товара. Излишки будут уходить налево. А при ревизии у него обнаружится недостача. Ну а дальше уже дело ревизионной комиссии. А затем, наверное, опять высверлит дырочки в новых гирьках и всё пойдёт по новому кольцу.

Артур от души посмеялся над методом капитана в борьбе с воровством.

– Товарищ капитан, давайте еще по одной.

– Давай.

– Разрешите мне задать Вам вопрос, который меня мучает целый вечер.

– Да, ради Бога.

– Сегодня, во время нашей встречи, Вы сказали, что я похож на своего отца и мать. Откуда Вы их знаете?

– А ты и не должен был этого знать. Так хотел твой отец. Мы с ним были однокашниками, затем вместе служили. Вот он мне и рассказал всё о вашей семье. Отец хотел, чтобы ты стал настоящим офицером.

Обед они закончили румяными, хрустящими жареными цыплятами, запивая молодым вином. Благодаря прекрасному качеству пищи, они не ощущали тяжести в желудке и оба получили прекрасное удовольствие от обеда.

– Артур, мы всё обо мне, да обо мне. А как ты?

Артур рассказал свою историю. Выложил всё от начала до конца, ничего не скрывая, что его мучило. Бывший капитан внимательно слушал его, понимающе кивал головой и не перебивал его вопросами. Затем ответил:

– Ты мне сейчас рассказал всё то, через что я сам прошёл. Тяжело было расставаться с Армией и привязываться к гражданке. Раньше, для таких, как мы, было полно всяких должностей. Это и кадры, завхоз, учитель в школе по военному делу, инструктор тира. Военкоматы старались нас трудоустроить. Теперь, дорогой Артур, все по-другому.

– Мне предлагали идти в личную охрану, да я отказался.

– В правительственную? – изумленно спросил Фёдор Михайлович.

– Если бы. А то какого-то крупного дельца. Даже деньги предлагали неплохие. Но душа у меня не лежит к этим скороспелкам.

– Слушай, Артур. Хочешь, я за тебя замолвлю словечко в клубе офицеров? Там работает мой хороший знакомый. Будешь с ним в паре на гардеробе.

– Спасибо, товарищ капитан. Но я ещё не созрел для такого дела. Хочу немного присмотреться. Я буду иметь в виду Ваше предложение.

– Ну, ну. Как хочешь, – пробасил обиженно отставной капитан.

– Фёдор Михайлович, – как можно мягче сказал Артур, – не обижайтесь. Я, действительно, ещё не знаю, что мне делать. Ведь я сегодня только первый день на гражданке. Даже к гражданскому платью ещё не привык, а на улице при встрече с военным рука прыгает к виску.

Тепло простившись с бывшим командиром и другом своего отца, Артур обменялся с ним телефонными номерами и пообещал навещать его. Тем более, что появилась ещё одна причина чаще появляться здесь – Катя.

Помаявшись пару месяцев без работы, Артур заметил, что несмотря даже на его небольшие доходы с биллиарда, сбережения заметно уменьшились. С работой ничего не получалось. Резко возросли цены. Кризис набирал обороты. Вся шваль, которая раньше пряталась на дне общества, вздулась от гнилья и поднялась на поверхность, прикрываясь – кто лозунгами, кто «феней». Артур, привыкший с детства к армейской дисциплине, тяжело вживался и вписывался в этот жизненный омут. Единственное, что его спасало от депрессии и сплошного пьянства – это множество знакомых и друзей, с которыми он дружил ещё во время учёбы в училище, да и в биллиардном мире их было достаточно. Работа, которую ему предлагали друзья, его не устраивала по тем или иным причинам, а то, чего он хотел – того не было. При очередной встрече с Фёдором Михайловичем он попросил узнать его об обещанной работе. Тот провернул дело споро, и уже через неделю Артур занял свою вахту за стойкой гардероба, смущаясь по первой своего назначения. Через год заведующий хозяйством ушёл на пенсию, и Артура назначили на его место. Наконец-то он получил то, что хотел. Была твёрдая зарплата и, самое главное, в подвальном помещении было три биллиардных зала с великолепными современными столами. Впору воскликнуть: – Жизнь продолжается. Да здравствует жизнь!

* * *

Как-то раз Артур в биллиардном клубе встретил своих бывших однокашников, и они решили отметить встречу в ресторане. За разговорами, воспоминаниями время потекло быстро. Все трое, перебивая друг друга, как мальчишки, вспоминали свои курсантские похождения, товарищей. Волею офицерской судьбы все они побывали в различных горячих точках, которые не обошли их и наградами и ранениями. Конечно же, была затронута болезненная армейская тема и все недовольства, связанные с тем, что в последние годы произошло в Армии. Выпито было много, но старая гвардия умела грузиться. Разогретые выпитым и разговорами, они вышли на террасу, обращенную к Днепру, подышать свежим воздухом.

Прохладный вечерний ветерок доносил запах днепровской воды. Внизу террасы простирался до горизонта и сиял разноцветными огнями реклам один из старейших, а сейчас и один из красивейших районов города. Он весь утопал в зелени красивых деревьев, над которыми возвышались высотные, современные и старые, заботливо реставрированные дома. Среди них просматривались маковки и кресты обновленных церквей. Шум района сюда не долетал. Были видны только прямые, как стрелы, центральные улицы с движущимися по ним огоньками транспорта. Крупными извилинами тянулись от них маленькие улочки и переулки. Медленной сороконожкой полз вверх освещённый фуникулёр. На Речном вокзале стояли пришвартованные к причалам, празднично убранные круизные лайнеры. А на другом берегу Днепра тянулись до горизонта огни новых жилых массивов. Глядя на всю эту красивую панораму, они ощущали чувство полета.

Подышав свежим воздухом, они вернулись в зал. К своему большому удивлению, друзья обнаружили за их столиком еще два стула, на которых нагло развалились два типа. Один был явный наркоман. Глаза его возбужденно блестели расширенными зрачками. Второй был в элегантном костюме, в дымчатых очках. На левой руке

безымянного пальца бугрился массивный золотой перстень. Бывшие однокашники Артура Володя и Гриша удивленно переглянулись и спросили Артура:

– Это твои знакомые?

– Да я их первый раз вижу, – пожимая плечами, сказал Артур.

– Мужики, да вы присаживайтесь, – нагло пригласил их «перстень», – мы здесь все свои.

– Может вы, по своей природной доброте предложите нам угощаться нашей едой и нашими напитками? – ехидно спросил Артур, еле сдерживая ярость.

– Мы вас тут немного сдвинули. За вашим столом было одно свободное место. А где одно, там и два, – нагло улыбнулся «перстень».

– ... три, четыре, пять, а ну-ка, козлики, идите дальше погулять – продолжил считалку Артур.

– Кент, он, что хочет нас выгнать? – спросил «наркоша» у «перстня».

На шум к ним подошел угодливый официант и, прижав руки к груди, испуганно прошептал Артуру на ухо:

– Пожалуйста, не связывайтесь с ними. Это же «Кент». За ним стоят большие люди. Если вы с ними свяжетесь, то у вас могут быть проблемы.

– Это с каких же пор офицеры спецназа должны сидеть за одним столом с бандитами и дрожать от страха? – удивленно спросил Артур. – В общем – так, шваль камерная, даю вам одну минуту для расчета с официантом и освобождения мест за нашим столиком, иначе будете зализывать свои раны где-нибудь в вашем вонючем подвале. Счёт пошёл!

– Хорошо, хорошо. Мы уходим, – пробормотал «перстень» и тронул ослепевшего «наркошу» за рукав, – пойдём, нас тут не любят. Мы с ними скоро увидимся и профильтруем наш базар.

После такого мелкого, но неприятного инцидента пить уже совсем не хотелось.

– Вот такая дрянь может испортить весь вечер – начал разговор Володя.

– Артур, надо бы подготовиться. Они нас обещали встретить, – сказал Гриша.

– Да я ребятки, к этому всегда готов, как пионер. Ну, давай, наливай за встречу. Не пропадать же добру.

Около полуночи они покинули ресторан. Вышли, осмотрелись, кругом не было ни одной живой души.

– Пойдемте, ребятки, я вас провожу до гостиницы. Вы же, все-таки, мои гости, – предложил Артур.

Они спустились вниз на Крещатик и около гостиницы простились. Артур вошёл в подземный переход и вышел на другую сторону Крещатика. Оглянувшись, он ничего подозрительного не заметил, но засек на углу припаркованную красную «девятку». Она не вызвала бы у него никакого подозрения, если бы в салоне не сидели двое. Лиц он не рассмотрел. Артур пошел прямо через площадь к остановке троллейбуса. «Девятка» осталась на месте.

К остановке подъехал сонный троллейбус и устало вздохнул воздушными тормозами. В салон вместе с Артуром поднялась небольшая весёлая компания и парочка, которая сразу уединилась на заднем сидении. Артур откинулся на сиденье и прикрыл глаза. Троллейбус ещё пару раз вздохнул и тронулся по маршруту. При подъезде к площади Артур оглянулся и через окно увидел метрах в двадцати эту же красную «девятку». Артур даже улыбнулся. Все-таки он их не пропустил. «Все ясно. Едут за мной. Выжидают подходящий случай. Придётся им помочь», – подумал он, воображая, как

бы это сделать получше. Пошарил в карманах. Ничего подходящего. «Что же, обойдемся древним способом», – решил он и начал в кармане пальцами разрывать папиросы. Подъехав к своей остановке, Артур вышел из троллейбуса и, не вынимая рук из карманов, пошёл в обратном направлении. Троллейбус, мигнув на прощание габаритными огнями, исчез за поворотом. «Девятка» стояла метрах в двадцати от остановки. Боковое стекло опустилось:

– Эй, фраерок, – услышал Артур голос из машины, – подойди сюда!

Бандиты, видно, хотели прикончить его, не выходя из машины. Быстро сообразив, Артур вынул руки из кармана и, не доходя до бокового переднего окна, резко сыпанул табак в лицо «перстня». Послышался сдавленный крик. Знакомо хрюкнул пистолет с глушителем. Пуля ударила в стенку дома и, взвизгнув, рикошетом ушла вверх. Дверь со стороны водителя начала открываться. Артур перепрыгнул через капот и ногой резко ударил по двери. Нога «перстня», которую он высунул, пытаясь выйти из машины, хрустнула под дверью. Артур быстро открыл дверь и заломил руку, держащую пистолет. Одно движение, и рука плетью обвисла вдоль туловища. Артур обратил внимание, что второй, «наркоша», сидит, уронив голову на грудь. Страховочные ремни сдерживали его тело от падения. Его лицо и грудь было залито кровью.

– Паскуда, ты же убил его, – зарычал Артур.

Тот мотал головой и пытался единственной здоровой рукой протереть глаза, засыпанные табаком. Артур вытащил у него из брюк ремень и, не обращая внимание на покалеченную руку, связал их за сидением. Затем взял пистолет носовым платком и засунул под сидение. Всё это заняло две минуты. Закрыв машину, он подбежал к телефону. Какое счастье, телефон работал! Соединившись с милицией, Артур закрыв рот платком, пробормотал в трубку:

– Угол Артема и Полтавской, стоит «девятка» красного цвета. В машине труп. Рядом стреноженный – убийца. Пушка с его «пальчиками» под сиденьем.

Артур протер телефонную трубку и ручку на двери. Подошёл к машине и рассыпал остатки табака вокруг, затем быстро перешёл на другую сторону улицы и скрылся в проходном дворе. Выйдя через него на другую улицу, он вернулся по ней назад и исчез в подъезде своего дома. Поднявшись на свой этаж без лифта, он зашёл в квартиру. Не зажигая свет, он аккуратно сквозь щёлку в занавеске выглянул в окно.

Машина стояла там же. «Ракушка» подъехала через десять минут. Патрульные вышли, с опаской приближаясь к машине. Затем посветили вовнутрь фонариком, открыли дверь машины, и один побежал назад к «ракушке» вызывать по рации группу.

Как и предполагал Артур, «наркоша» был мертв. Видимо, «перстень», ослеплённый табаком, стреляя, попал в него. Вскоре приехала «скорая» и еще один рафик. Труп «наркоши» уложили на носилки и увезли на рафике. «Перстню» одели наручники и увезли на скорой помощи в сопровождении двух милиционеров.

Дальше уже стало неинтересно. Артур пошёл в ванную и стал под душ. «Напрасно, – подумал он, – я жалею на свою военную судьбу. Сегодня я оказался на волосок от своей смерти. А если бы на моём месте оказался обыкновенный, необученный и совсем неподготовленный к данной ситуации прохожий? Ведь этим бандитам убить человека – что прихлопнуть комара».

Успокоив себя окончательно под душем, Артур выкурил ещё одну папиросу и пошёл спать.

Юля

Непонятно по какой причине, но к всеобщей радости и удовольствию участников концерта, репетицию завтра отменили. Об этом Юле сообщил вечером по телефону молоденький помреж – обаяшка. Юля радостно и свободно вздохнула, предвкушая завтрашнее «окно». В принципе, завтра вечером у неё было занято всего два часа, но зато сегодня вечер и завтра целый день – свободный, о чём она даже и не мечтала. Последнее время она совсем закрутилась. Концерты, занятия, репетиции, а вдобавок – кружок в Доме пионеров, её совсем измотали. Какое счастье! Целый день можно спокойно заняться своими делами. Никаких звонков, никаких гостей и встреч! Можно не торопясь привести квартиру в порядок, что-то приготовить и хотя бы часа два погулять в лесу, который находился в пятнадцати минутах езды на автобусе, а ещё лучше велосипедом. Сегодня она решила весь вечер, вытянув ноги, просидеть у телевизора. Дотянувшись рукой до выключателя, она включила его и удобно устроилась в кресле. Но, как всегда, по телевизору транслировали встречи с кандидатами в депутаты. Их заверения и обещания надоели уже всем до чёртиков. Просидев десять минут и понаблюдав за новорожденными демократами, у которых слева на груди пиджаки ещё сохранили выпуклость от постоянного ношения партбилетов, выключила телевизор и решила – лучше заняться делом. Всё же – на завтра останется меньше. Юля нацепила передник и принялась за кухню. В первую очередь необходимо избавиться от пустой посуды и старых, увядших букетов. Сложив три газеты вместе (для прочности), она завернула в них букеты и выбросила в мусоропровод. Избавившись от них, она сполоснула вазы и принялась за бутылки, которых собралось от посещений гостей бесчисленное множество. Вынесла их в парадное и оставила у соседа под дверь. Это добро не пропадёт. Он всегда с удовольствием относил их в приемный пункт. Учитывая частые посещения гостей, сосед имел неплохой приработок. Как-то раз Юля попросила его, помочь ей вынести с кухни и балкона посуду, он радостно согласился. С тех пор он приходил всегда в конце недели и освобождал её от этого ненужного хлама.

Но однажды он пришёл немного под хмельком и решил, что можно совместить полезное с приятным. Предложив гостю кофе Юля повернулась к плите и поставила кофейник на огонь. Наблюдая за кофе (вечная история – вскипает и пачкает плиту), она вдруг почувствовала у себя на бёдрах его руки. Он тяжело дышал ей в затылок, прижавшись к ней своим толстым брюхом, пытаясь продемонстрировать ей свое мужское достоинство. Это у него никак не получалось, толстый живот всячески препятствовал этому. Ситуация была комичная. Спереди на плите – кофейник, в котором кофе уже начал закипать и подниматься, а сзади – толстый возбуждённый самец с одной единственной мыслью в голове. Недолго думая, она двинула его каблуком по лодыжке. Бедняга взвыл от боли и разжал руки. Наверное, боль в ноге была такая сильная, что мысль о чём-то другом сразу испарилась. Тыл обезврежен. Зато кофе тут же выскочил из кофеварки на плиту, разлившись по ней чёрной лужей.

– Слушай, хряк! Я могла бы всё рассказать твоей Варваре, но боюсь, что кроме скандала за такое барахло, как ты, я ничего не получу. Забирай бутылки и больше чтобы я тебя здесь никогда не видела.

Тот сидел на стуле и потирал лодыжку.

– Юлечка, ну что ты, в самом деле подумала? – заканючил он.

– Я подумала то, что тебя Варвара наказала отлучением от белого тела, а твоё кобелиное нутро бурно протестует против этого. И как в твоём возрасте ещё на такое тянет?

– Дык я ж так, пошутил.

– А если тебя ещё тянет на такие шутки, то хотя бы свой живот оставляй дома.

Стараясь как-то спасти своё осрамлённое положение он, потирая ушибленную лодыжку, заискивающе пролепетал:

– Юлечка, ты же кофе обещала?

– Твой кофе, любитель сладенького, вылетел на плиту. Можешь его сошкрябать и взять домой сухим пайком.

Сосед собрал бутылки и, смущённо улыбаясь, слегка прихрамывая, вышел за дверь. С тех пор, во избежание новых инцидентов, она оставляла ему посуду под его дверь.

Закончив с бутылками, Юля занялась пылью. Протирая сверху шкаф, она неожиданно натолкнулась на фотографию. «Боже мой! Как она сюда попала? Я же весь дом перерыла в поисках её». Как была, в переднике и с тряпкой в руке, она уселась в кресло и принялась рассматривать изученное до малейших подробностей любимое лицо. На фотографии был зал биллиардной. Крупным планом заснят стол с шарами и игрок с кием в руках, склонившийся над столом. Чёрные блестящие волосы, причёсанные на прямой пробор, соответствовали строгому тёмному жилету. Рукава ослепительно белой рубашки были сколоты золотыми запонками. Бабочка чуть-чуть съехала на бок. Глаза, как маслины, цепко устремились вперёд, не видя ничего, кроме шаров. Даже на фотографии чувствовалось напряжение, с каким игрок сконцентрировал свою волю на ударе. Ладонь с тонкими длинными пальцами лежала на зелёном сукне стола. Безымянный палец украшал большой перстень. «Сколько уже время мы не виделись, а забыть его не могу. До сих пор, до последней мелочи помню все наши считанные встречи за эти годы. Где он сейчас? Что с ним? Почему не пишет? Не звонит? Забыл?» Десятки вопросов без ответа кружились в голове. Иногда она старалась его молчание чем-то оправдать, для собственного успокоения. Не пишет? Да ты и сама не любишь писать. Забыл? Разлюбил? На эти мучительные вопросы она ответить не могла, и они накладывались пластом на её сердце.

Юля до сих пор помнила его неуклюжее, неумелое прикосновение губами к её щеке. Казалось, что на этом месте он оставил свой памятный след навсегда. Вспомнила свой первый отъезд из Киева. Даже лицо проводника не забыла. Потом он всю дорогу подшучивал над ней, называя её невестой. А она, как ни странно, на него даже не обижалась и не фыркала.

* * *

В те годы они жили с мамой в типичной для Одессы коммунальной квартире. Длинный коридор с многочисленными дверьми и со стенами, украшенными старыми велосипедами, тазиками, тумбочками, банными вениками и ещё Бог знает чем. Особое, торжественное место на стенке, как чёрная опухоль, занимал телефон. Обои на стенке возле него были исписаны всевозможными номерами телефонов и записями. По ним можно было судить, что коридор не ремонтировали лет двадцать пять. Попадались номера телефонов ещё пятизначные. По записям на обоях можно было узнать, кто из соседей и когда, с кем не разговаривал. Телефон висел перед поворотом на кухню, и все могли прочитать последние сообщения. «Цыля, Вам звонили из собеза». «Ос. Дав. Вам звон. рыбка». А одна запись была, вообще,

историческая: «Есфирь Наум. Звонил Изя из Черновцов. Он просил передать, что уехал ТУДА и ждёт Вас ТАМ». Эта запись подкрадывалась уже к пятидесяти юбилейной дате. Эсфирь Наумовна, – так тогда мама называла Фирочку. Все остальные называли её без всяких колкостей и на полном серьёзе – Стахановка. Фирочка была пылкой участницей, бурно развивающегося тогда, стахановского движения. Неизменной униформой у неё был синий, рабочий халат, из кармана которого постоянно выпирали коробка спичек и папиросы «Прибой». На голове у неё была неизменная красная косынка. При разговоре с кем-нибудь, она всегда, как бы невзначай, демонстрировала свои исцарапанные металлом руки, в которые уже навечно въелось машинное масло. Когда-то, по призыву Комсомола, она работала на токарном станке, но затем получила какую-то травму, и после этого продолжала работать там же в цеху, уборщицей.

По всей вероятности, в те годы в Одессе стахановское движение начало замирать, как неперспективное, и Фирочка решила продлить его ТАМ, в кибуце, где уже давно жил её папа, которого она знала только по фотографиям. В пятидесятые годы это был героический поступок, который ни один язык не поворачивался назвать предательством Родины.

С тех пор Фирочка канула в Израиле, и никаких сведений от неё не поступало. Время пятидесятых было очень строгое, и переписка с заграницей расценивалась особым образом. Скорее всего, она там соединилась законным браком с Изей из Черновцов, и они вместе развивают стахановское движение в одном из кибуцев.

Кухня, заставленная персональными столиками, казалось, навсегда была пропитана запахом жареных котлет, рыбы и лука. Каждый сосед имел на кухне свой персональный столик, заставленный всевозможной посудой. На стенках горбатились подвешенные кастрюли.

Когда-то, посередине кухни стояла громадная плита, которую тогда топили дровами. Затем дрова были вытеснены новым, современным чудом – примусами и керогазами. Кухня стонала от постоянной вони керосина и шума этих чудес цивилизации. И наконец-то, в Одессу пришёл газ. Решительным пинком он вышиб старую плиту с кухни, развешал по стенам свои трубы (на которые, кстати, было очень удобно всё развешивать) и кухня превратилась в очень удобный, многосемейный очаг. На всякий случай, жильцы попрятали свои старые керогазы в тумбочки, стоящие в коридоре, и теперь только они, своим неистребимым запахом перегоревшего керосина, напоминали о старой кухне.

Но сегодня с кухни несло каким-то особенным зловоньем. Напротив кухни открылась дверь. Из неё возник один из жильцов, Аркадий Наумович, в помятой пижаме и в тапочках на босую ногу:

– Цыля Исааковна! Что Вы сегодня готовите? Имейте совесть Такое впечатление, что в вашей кастрюле варится суп издохлой кошки.

Соседка, в байковом халате, с волосами, завязанными вместо бигуди верёвочками, вынула изо рта папиросу «Беломорканал» и возмущённо ответила:

– Что за глупости Вы говорите, Аркадий Наумович? Это же – креветки. Сегодня мне повезло купить их на Привозе. Об ихней пользе для организма Вам, как образованному человеку, надо бы знать.

– Тогда я уверен, что эти креветки, перед тем, как продаваться на Привозе, съелидохлую кошку, – не сдавался Аркадий Наумович. – Теперь они собираются отомстить нам за свою смерть.

– А Вы вечно жарите свинину, – презрительно сказала Цыля Исааковна.

– Зато она кошерная, – парировал Аркадий Наумович.

Кошерная свинина для Цыли Исааковны было что-то новое, и она задумалась. Её мысли нарушила Юля, которая вернулась из магазина.

– Ой, Здравствуй, Юлечка. Тебе час назад звонил молодой человек, Илья. Сказал, что будет звонить ещё.

– Спасибо, тётя Цыля.

– Юлечка, а он что, еврей? Такой приятный молодой человек. Кто его родители?

– Что Вы, тётя Цыля. Его настоящее имя – Ильяс. А живет он с мамой в Киеве.

– Может быть, в Киеве теперь Илья и называется Ильяс, – миролюбиво согласилась она. – Сейчас такое время, что всё меняется, как кому-то этого хочется.

Тут же зазвонил телефон. Юля, как угорелая сорвалась с места.

– Алло!

– Юля, это ты? Здравствуй. Это Ильяс. Я приехал только на один день, и очень хотелось бы увидеть тебя.

Цыля Исааковна, подстёгиваемая любопытством, сразу начала перекладывать какие-то тряпки на комод, находящемся рядом с телефоном.

– Сейчас, подожди минутку, – сказала она в трубку. – Цыля Исааковна, мне показалось, что у Вас в комнате кто-то плачет.

– Ой, это, наверное, Бобочка проснулся и опять весь мокренький. Он так шпынцает, так шпынцает, как фонтан. Я уже бегу и не буду тебе мешать, – понимающе сказала она.

– Аркадий Наумович, вы не могли-бы присмотреть за моими креветками?

– Только в том случае, если Вы дадите мне противогаз или отдельную плату за вредность, в крайнем случае, молоко.

– Ой, ой, какие мы все из себя аристократы!

Юля закрыла одной рукой ухо:

– Ильюша, где ты сейчас?

– Возле памятника Дюку.

– Кошмар. Все, кто приезжает в Одессу, не отличаются оригинальностью. Такое впечатление, что они с поезда бегут прямо к Дюку.

– Я в вашем городе первый раз и ничего здесь не знаю.

– Хорошо! Стой там, где стоишь! Полюбуйся на памятник и видом на Морвокзал, а через пятнадцать минут будешь любоваться на меня.

Юля бросила трубку и помчалась в комнату, разбрасывая на своём пути в коридоре всё, что попадало под ноги. Одеть джинсы и майку – это две минуты. Выйдя из парадного, она побежала проходными дворами и переулками, напрямую. Опомнилась метров за сто до Дюка. И вдруг ... струсила. Куда делся её напускной, равнодушный и покровительственный тон. Она почувствовала себя маленькой и жалкой обезьянкой. Ей даже стало страшно приближаться к памятнику. «Боже мой, ведь мы не виделись четыре года. Так, редкие детские письма или звонки по телефону. Я даже забыла его лицо. Вот – здорово! Сейчас я приду, похожу возле памятника и, не узнав его, уйду домой. Да и он её тоже наверняка не узнает. Дура, нашла – где договариваться о встрече. Там же полно людей, столпотворение туристов».

Приближаясь к памятнику, она почувствовала дрожь в коленках. На лбу выступила испарина. Она хорошо помнила мальчика с бильярдной, но ведь прошло четыре года. Какой он сейчас? Ещё ей запомнился вечер на вокзале, когда он её провожал. Она тогда проплакала полночи в подушку. И вот, пожалуйста, он здесь на расстоянии двух минут, а она боится этой встречи.

Ещё не доходя метров пятьдесят до памятника, она узнала его сразу. Среди многих людей он выделялся чем-то особенным. Это был уже совсем не тот мальчик, с которым она каталась на качелях. Возле памятника стоял высокий, черноволосый юноша и растерянно оглядывался вокруг себя. Вероятно, он испытывал такие же опасения. Рядом с ним стоял ещё какой-то парень. Вдруг его взгляд встретился с ней, и он бегом бросился ей навстречу:

- Здравствуй, Юля! – с улыбкой сказал он.
- Здравствуй, Ильюша. Я не ожидала, что ты приедешь. Почему ты не позвонил? Я бы тебя встретила, – залопотала она какую-то ерунду, прикрываясь напускной строгостью.
- Юлечка, я узнал об этом только вчера вечером, но было уже слишком поздно звонить тебе, – виновато пробормотал он. – Мой товарищ ехал в Одессу машиной на один день и предложил мне составить ему компанию. У него тут живут родственники.
- Ну, ладно. Прощаю, – поменяла напускной, строгий тон Юля, – Это просто отлично, что ты приехал, – глаза ее светились счастьем.
- Юля, я оставлю тебя на одну минуту. Спрошу приятеля, когда мне надо быть на месте. Я быстро.

Через пять минут он вернулся, радостно улыбаясь:

- У нас есть вагон и маленькая тележка времени – до девяти часов вечера.
- Очень хорошо. Мне мама разрешает гулять до десяти.
- Я боялся, что тебя не узнаю, – сконфузился он.
- И я тоже.
- А потом, когда увидел тебя – сразу узнал.
- Неправда! Я первая тебя увидела и телепатически тебя позвала.
- Да? А я ничего не почувствовал.
- Потому, что мальчишки все толстокожие. Хочешь, поедem к морю?
- А зачем ехать? Вот же оно, море.
- Эх, деревня! Разве это море? Это порт. Я тебя повезу на настоящее море, на Десятую станцию Большого Фонтана.
- Я ещё никогда не видел моря и не купался в нём.
- Да где вам столичным, до моря?
- Зато у нас красивые парки.
- Ты ещё наших не видел. Поехали.

Они доехали троллейбусом до вокзала и пересели на трамвай, идущий к морю.

- Ты, наверное, проголодался?
- Не обращай внимания. Я всегда хочу есть. Мама говорит, что это я ещё расту, поэтому всегда голодный.
- Куда тебе ещё расти?
- А ты помнишь, когда мы с тобой познакомились, то ты была чуточку выше меня?
- А теперь ты вымахал. Ну и что? Зато я умная и играю на пианино.
- Конечно, бильярд и пианино имеют некоторые различия, но и там и там надо уметь играть. Можно попробовать и на пианино.
- Ой, не смей! Хочешь, я тебе расскажу анекдот?

– Расскажи.

– Пришла одна бабка в консерваторию и говорит: – «Могу я у вас учиться играть на скрипке?» Ей отвечают:– «Можете, но только научитесь вы играть уже, аж на том свете».

– И что? Она согласилась учиться? – удивленно спросил Азарт.

– Ай, ну ты ничего не понял. Пришла в консерваторию старая бабка. Ну, ей уже девяносто лет...

– А зачем ей надо было в таком возрасте учиться играть на скрипке?

– Ну, бзик напал на бабку! Понимаешь? – завелась Юля от его непонимания юмора. – Какие вы все в столице однобокие!

– Нет, – откровенно признался Азарт, – И мне непонятно, почему она будет играть только на том свете?

– Да, для того, чтобы играть на скрипке, надо начинать с пяти лет, а ей уже девяносто лет, – сердито сказала она.

– А, – разочарованно сказал Азарт.

– Ой, какой же ты тупоголовый. Весь ум ушёл в шары и в рост.

– Ага, я тебя достал? А то говоришь, что ты умная. А не догадалась, что я притворялся и дразнил тебя.

– Как тебе не стыдно! Я, действительно, подумала, что ты не врубаешься и уже начала злиться, – и они оба весело засмеялись.

Так, болтая и поддразнивая друг друга, не замечая вокруг себя никого, они вышли к морю. Его величественная панорама открылась за деревьями, как-то внезапно. Азарт остановился, как вкопанный. Глаза его расширились, как-бы пытаясь вобрать в себя это необозримое пространство. Он испытывал неопиcуемый восторг. Ничего подобного он не мог себе даже представить.

– Ты что, ошолбенел? Идём купаться.

– Погоди, Юля. Два таких стресса за короткий промежуток времени – это очень много даже для меня.

– О каких стрессах ты говоришь?, – встревожено спросила Юля.

– Первый, это встреча с тобой через четыре года. А вторая – встреча с морем, которое я видел только на картинках и в кино.

– А я, к сожалению, всегда вижу его только с берега. Всю жизнь мечтаю заплывать далеко-далеко, чтобы даже берега не было видно. Да всё никак не удаётся. Вдобавок пограничники запрещают заплывать.

– Какие пограничники? – удивился Азарт.

– А как же? Здесь по морю, двенадцать миль от берега, проходит граница. Дальше – нейтральная зона. Каких-то несколько десятков километров и Турция. Вот они и вылавливают пловцов из воды. Боятся, как бы человек море не переплыл.

Они быстро разделись, сложили одежду на горячем от солнца камне и бросились в море, которое встретило их ласковыми волнами. Юля, как истинная одесситка, нырнула в волну и скрылась под водой. Ильяс нерешительно вошёл в воду, попробовал её на вкус и скривился. Взглядом начал искать Юлю. Она долго не показывалась из воды, а затем вынырнула далеко от берега.

– Ну, что ты стоишь? Плыви сюда!

– Я не могу. Мне не нравится вода.

– Что значит не нравится? Холодная?

– Нет, вода тёплая, но она солёная. Я к такой воде не привык. Не понимаю, зачем нужно столько солёной воды?

– А в Днепре вода что, с сахаром?

– Да нет же. В Днепре вода пресная. И мне, поэтому, непривычно.

– Эх, ты! Пресноводный карп. Плыви сюда! А море с солёной водой в Одессе необходимо. Надо же куда-то приезжать родственникам в отпуск?

Азарт нырнул и открыл под водой глаза. Эффект был потрясающий. Он тотчас как-бы переселился в какой-то незнакомый, сказочный мир. Всё, что находилось под водой: камни, песок, водоросли приобрели яркие, фантастические краски и удивительные формы. Он погрузился ещё глубже. Вода здесь была уже не такая тёплая, как у поверхности. Сдерживая дыхание, он поплыл под водой в сторону Юли. Когда уже запас воздуха стал иссякать, он увидел над своей головой её плавно, как в замедленной съёмке,двигающееся тело. На последнем воздухе он вынырнул как раз возле неё.

Они ещё долго барахтались в прозрачном, тёплом море, обдавая друг друга брызгами. Их тела соприкасались, и они испытывали от этого какое-то незнакомое, но очень приятное ощущение. Им обоим этого хотелось ещё и ещё и они, прикрывая свою стеснительность, бурно выражали восторг от этой возни. Юлька визжала вроде бы от страха. Азарт свои чувства выражал какими-то дикими воплями. Им это очень нравилось, хотя об этом они никому и никогда-бы не признались. Да для них и не было никого на всей земле – только они, море и солнце. А они поощряли их любовь и благословляли.

Из воды они вылезали посиневшие от холода, громко стуча зубами, как кастаньетами. Ильяс оглянулся вокруг:

- Вот теперь я вижу, чего здесь не хватает, – критически заметил он.
- Ну, и чего же? – насторожено спросила Юля.
- Днепровского песочка, вот чего! Сейчас самое время зарыться в тёплое нутро, и колотун пройдёт.
- В следующий раз, когда будешь ехать, прихвати с собой мешочек песка.
- Следующий раз..., – пробормотал Ильяс. – А когда он будет следующий раз?
- Ну, тогда я привезу тебе в ведре море.
- Юля, а ты хотела бы дружить со мной? – от такого проявления храбрости Ильяс даже перестал стучать зубами.
- А ты?
- Ну, что ты отвечаешь вопросом на вопрос? – обиделся Азарт.
- Ага, – засмеялась Юля, – Ты опять не понял моей шутки и разозлился. Два – ноль в мою пользу.

Они оба весело рассмеялись.

- Хочешь, я буду тебе чаще писать письма?
- Хочу.
- Только ты, когда будешь читать, не обращай внимания на ошибки.
- А ты – лучше учись в школе. Вот тебе бы нашу русачку. Она бы вас всех быстро научила русской грамматике.
- А вам бы нашего математика. Он такой смешной! Помешанный на своём предмете. Всегда перед началом урока после переклички вынимает из кармана большой носовой платок, встряхивает его и начинает громко сморкаться. Однажды он только захотел высморкаться, а с задней парты кто-то громко хрюкнул. Он удивленно посмотрел на платок, затем опять хотел высморкаться, набрал полные лёгкие воздуха, – и опять на задней парте хрюкнули. После этого он больше в классе не сморкался.

Юлька откровенно хохотала, что даже слёзы брызнули из глаз.

- А хрюкал...?

– Конечно, я.

Тем временем солнце уже начало клониться к Западу, и его лучи скрылись за прибрежными скалами.

Провожала его Юля возле того же Дюка. Приятель Азарта вежливо стоял в сторонке.

– Ну ладно. Мне пора. Не забудь, за тобой море.

– Какое море? – растерянно спросила она сквозь слёзы.

– То, которое ты обещала в ведре привезти в Киев.

– Ильюша, мне совсем не хочется больше шутить. Я очень не хочу, чтобы ты уезжал.

– Скоро у меня будут летние каникулы, и я обязательно приеду.

– Я буду ждать. Ильюша.

Они стояли, держась за руки и через них, как по проводам сообщались их нежные, чистые, юношеские чувства. Юля отняла его руку и погладила его по щеке.

– Ты уже бреешься.

Затем нежно прислонилась своими губами – спелыми вишнями к его щеке, оставив ему на долгое время след воспоминания. Это было как невидимая печать первой, юношеской любви, не забываемой до конца дней.

Вечером она пришла домой и уселась с книгой на своё любимое место, на подоконник. Внизу под окном, соседи из дома, вынесли стулья и сидели под цветущей акацией в ожидании традиционного концерта.

Тот, кто побывал в Одессе и ему приходилось вечером гулять по Островидова, тот на пересечении этой улицы с улицей Петра Великого обязательно останавливался и слушал этот удивительный концерт уличного самородка-балалаечника.

Днём Геня, так его все называли, работал докером в порту. После работы он возвращался домой, где его возле парадного всегда поджидала жена. Молча они заходили в квартиру, ужинали под бутылочку, с устатку. Затем он ложился отдыхать, а жена, выполнив свои обязанности, возвращалась к соседям под акацию. Ближе к вечеру на разогретый дневным зноем город накатывался влажный и прохладный морской пассат, смешиваясь с дурманящим запахом цветущих акаций. После отдыха Геня выходил из дома и присоединялся к соседям. Усаживался в тени своей крупногабаритной жены и молча выкуривал две сигареты. После того, как последний окурочок был загашен в консервной баночке, жена поворачивалась к нему всем своим богатым торсом и вопросительно смотрела на него. Остальные соседи тоже прекращали разговоры и не сводили с него глаз.

– Геня?

Геня утвердительно кивал головой. Жена с трудом поднималась со стула, тяжело упираясь руками в толстые колени, с достоинством, бережно на вытянутых руках, выносила с квартиры старенькую балалайку, завернутую в старенькую, мягкую байковую тряпочку. Бережно разворачивала её и протягивала мужу инструмент. Геня обхватывал её своими клешнями и начинал осторожно настраивать струны. Через дорогу с окон студенческого общежития послышался голос:

– Девчонки! Геня уже выкурил вторую сигарету и строится.

Сосед, одетый в тельняшку, налил в небольшой стаканчик вино и протянул его Гене. Тот выпил вино и удивлённо посмотрел на соседа:

– Да, Генечка, это ещё из старых запасов. Специально держу для такого случая.

Стаканчик пошёл дальше по кругу.

Из старенькой, выдавшей вида балалайки, осторожно и несмело вырвались на волю несколько пробных аккордов. Геня, наклонив голову, прислушался к ним и посмотрел на жену. Та удовлетворительно кивнула головой. Прикрыв глаза, он начал играть печальную мелодию «Гибель Титаника». Можно было только удивляться, как могли такие громадные руки, с такой лёгкостью двигаться по тонкому грифу балалайки, при этом извлекать из неё замысловатые гармоничные аккорды. Дворовые зрители сидели на стульях, скрестив руки на пижамных, домашних куртках и внимательно слушали, уже, наверное, в сотый раз, но как впервые, печальную мелодию, с гордостью поглядывая на подошедших слушателей.

Сосед в тельняшке опять выставил на столик двухлитровую флягу с домашним вином и начал разливать его по стаканчикам. Геня понял его и дал концовку. Послышались аплодисменты. Приняв на грудь ещё стаканчик, Геня опять взял инструмент и поведал всем грустную историю о том, как в степи замерзал ямщик. Затем неожиданно переметнулся в Италию и мелодично рассказал о том, как девушка звала своего любимого вернуться в Соренто. Послышались новые аплодисменты. Стаканчик снова пошёл по кругу.

– Уважаемый, – послышалось из окружения слушателей. – Почему Вы играете в такой сложной тональности? Попробуйте играть в ля мажоре. Вам будет значительно легче.

Геня сидел, уронив свои тяжёлые руки на колени и молча курил. А что он мог ответить этому умнику? То, что он понятия не имеет о нотной грамоте? На выручку своего кумира поднялся дворовой народ:

– Если Вы хотите слушать музыку по нотам, то Вам нужно идти в филармонию.

– Ха, если там ещё кто-то остался из нормальных музыкантов, – добавил сосед с персидской кошкой на руках.

– Я помню там когда-то играл Лёва Файман.

– Это тот, которого держала Фрида из комиссионного?

– Ну да, так он тоже играл без нот.

– А зачем они ему были нужны? Он их сам писал.

– А Пиня Збарский?

– Пиня, пока сел в оркестровую яму, прошёл хорошую школу на жмуриках.

– А как он играл на своих барабанах? Волосы поднимались дыбом. Недаром, Лёдик Утёсов забрал его потом к себе в джаз.

– Помню, когда Зюня играл в «Прибое» свой «Плач Израиля», то люди, вместо того, чтобы пить водку и веселиться, пили водку и плакали – вроде они уже там.

– Это какой Зюня? С Большого Фонтана?

– Не, Зюня с Большого Фонтана играет теперь на Брайтон Бич в ресторане, но всё равно – «Одесса». А этот Зюня с Пересыпи.

– Так я его хорошо знаю. У него жена военнослужащая.

– Глупости! Я никогда не видела её в военной форме. Она работала в торговле – вмешалась дама с причудливой причёской.

– Так я же и говорю, она держала маленькую будочку в военной части.

– Люди нашего возраста ещё хорошо помнят, – просвистел сквозь некачественно изготовленные вставленные челюсти пожилой сосед в выгоревшей под солнцем капитанской фуражке, – какой шухер во всём мире делал своей скрипкой, ныне покойный, Додик Ойстрах, царство ему небесное.

– А Милька Рыжий? Это потом он уже стал Эмиль Гилельс.

– Между прочим, Лёдик Утёсов, тоже начинал в Одессе.

– А Миша Жванецкий! Пусть у него в Москве будет три квартиры, дай ему Бог, но, как что-то писать, он сразу едет домой, в Одессу.
– Между прочим, – вмешалась дама с третьего этажа, который считался самым аристократическим, – Саша Пушкин, только в Одессе «вспомнил чудное мгновенье», – и торопливо добавила, чтобы никто не перебил. – Это все знают!

Постепенно на улице начало темнеть. Геня опять приложился к инструменту и поведал о шаландах, наполненных кефалью, вкус которой теперь уже забыли. Под занавес и аплодисменты он исполнил старинные вальсы «Берёзку», на «Сопках Манжурии», программу завершил, неожиданно, «Турецким маршем».

Из открытых окон донеслись позывные об окончании программы Центрального телевидения. Это был сигнал к тому, что сейчас начнёт свою программу Одесское телевидение и, как правило, каким-нибудь художественным фильмом. Народ начал расходиться.

А завтра концерт повторится. И опять повторится весь подготовительный ритуал, и будет исполнен тот же репертуар. Будут вспоминать те же имена, которые одесситы передают из поколения в поколение, и которыми Одесса всегда будет гордиться.

* * *

Юля включила пылесос и начала собирать мелкие крошки и пыль с ковра, чистить и протирать мебель, которая, честно говоря, заслуживала, чтобы её выкрасить и выбросить. Но богемное равнодушие к домашнему быту, да и недостаток ресурсов, эту идею постоянно отдаляло на неопределённый срок. Разбуженный пылесос недовольно подвывал, но свою работу выполнял добросовестно.

Наконец-то она закончила уборку и пошла в душ. Сняв халат, она долго рассматривала себя в зеркале, пытаясь найти какие-то существенные изменения в своей внешности. Говорят: первое, что дает Бог женщине и последнее, что отбирает, это – красота. Слава Богу, последний дар на неё ещё распространился. Красивое лицо с мелкими, еле начинающими морщинками в уголках глаз и рта. Голубые глаза не потеряли свой юношеский, озорной блеск. Длинная шея. Небольшая, но заметно украшающая её грудь. Ровные плечи. Красивые стройные ноги и, главное – душа и сердце, наполненные сладким, приятным чувством любви к своему долго ожидаемому, родному с детских лет человеку. Её постоянно огорчала одна мысль. «А ведь я его предала, и он об этом даже не догадывается. Глупый, разве можно оставлять такую красивую женщину, как я так надолго и без всякой надежды?» Так уж случилось. Богема!

С Толиком они познакомились на каком-то выездном концерте. Он был очень талантливый музыкант. Она обожала его, как музыканта, но особого влечения к нему не испытывала. Был бы рядом любимый человек и это знакомство прошло бы мимо, незаметно. А так... Только через год совместной жизни она обнаружила, в маленьком потайном кармашке футляра от гитары – шприц и наркотики. Теперь она поняла причины частой перемены в его настроении, его творческие взлёты и депрессии, вечный недостаток денег. Особой любви между ними не было. Да, и какая любовь может быть у наркомана, кроме любви к кейфу? Это было что-то, как узаконенный творческий союз. Друзья долго её уговаривали не предпринимать никаких резких изменений в семье. Убеждали её, что творческая личность должна иметь какую-то подпитку организма извне. Но, все это было напрасно. Она решительно его оставила.

Ей трудно было себе представить, что от такого человека она может родить. Через год она узнала, что Толик, будучи в Крыму на гастролях с каким-то ансамблем, умер. Предполагали, что от передозировки.

Вдоволь насмотревшись в зеркало, она осталась довольна своей внешностью. «Необходимо опять возобновить занятия на тренажёре», – подумала Юля. – Всё-таки это тоже является частью моей работы. Потерять сценическую внешность легко, а восстановить – для этого потребуются месяцы упорного труда и жёсткие диеты». Контрастный душ вывел из неё остатки дурных воспоминаний о неудачном замужестве, и она пошла на кухню чего-нибудь (как она любила выражаться) пофантазировать. Открыла холодильник, достала продукты и занялась приготовлением типично одесского блюда – икры из синеньких баклажанов.

* * *

Ни на осенние, ни на зимние вместе с летними каникулами, Ильяс так и не приехал. Писал он тоже очень редко. Юля аккуратно отвечала ему, пытаясь в каждом письме вставить что-то интересное, смешное.

Через два года она закончила музыкальную школу по классу вокала, и путь её был направлен в консерваторию. Но неожиданная смерть мамы (папа погиб в море, когда ей было всего три года) выбила её из колеи и она решила год-два поработать. Места в филармонии ей не нашлось. Неожиданно поступило предложение попробовать себя в одном из новорождённых музыкальных ансамблей. Как-то раз после репетиции руководитель ансамбля Саша отвёл её в сторону:

– Лю-Лю, – так он называл её на свой манер (как он говорил, если была акробатка Зи-Зи, то почему бы не быть певице Лю-Лю), – сегодня в консерватории у меня консультация у нашего профессора. Ты хотела-бы, чтобы он тебя прослушал?

Юля неуверенно пожала плечами. Она прекрасно знала, что значит попасть на прослушивание к хорошему специалисту. Да кто об этом из вокалистов не мечтает?

– Если хочешь, пойдём со мной. Я тебя представлю. А дальше, уж как будет, – предложил ей Саша.

– Хорошо, если я к вечеру созрею, то позвоню тебе.

Целый день Юля нервничала, думая о предстоящей встрече. Хотя это был и не экзамен, но если преподаватель – хороший специалист, то он или вселит в неё надежду или её убьёт. Она просмотрела свои последние занятия, «продула» голос. Вроде все в норме. Лёгкий мандраж, но это пройдет. Ближе к вечеру она позвонила Саше, и без пяти минут семь они пришли в класс, в котором проводилась консультация.

Возле окна сидел пожилой человек и с интересом их рассматривал. Предложив им сесть, он спросил:

– Что вас привело ко мне?

– Геннадий Васильевич, – почтительно обратился Саша к профессору, – Не смогли бы Вы уделить нам из своего времени десять минут?

– Да, конечно, Саша. Я вас слушаю.

– Прослушайте, пожалуйста, участницу нашего ансамбля. Я смею верить, что у неё неплохой голос.

– Если Вы, как руководитель ансамбля, в это верите, то зачем Вам необходимо моё мнение?

– Простите, Геннадий Васильевич. Ваше мнение необходимо не мне, а в первую очередь ей, – кивнул Саша на Юлю.

Геннадий Васильевич внимательно посмотрел на неё и сказал:

– Я начинаю что-то понимать. Ну, что? Приступим?

Вместо десяти минут, прослушивание заняло около часа.

Сняв очки, Геннадий Васильевич аккуратно протер их, посмотрел на свет.

– Я полностью присоединяюсь к мнению Саши. Быть дублером Галины Вишневской Вы, разумеется, не можете. Однако, это Вам нисколько не мешает в будущей работе и ... учёбе в консерватории. Я очень уверен – в дальнейшем Вы сможете успешно принять участие в конкурсе при поступлении к нам.

Юля хотела возразить ему, но он протестующе поднял руку:

– Если Вы вынашиваете в себе мысль поступить в консерваторию уже завтра, то настоятельно рекомендую Вам вначале приступить к занятиям на подготовительном курсе и параллельно с этим заниматься в Оперной студии при консерватории, руководителем которой является Ваш покорный слуга.

В августе Юля сдала экзамены в консерваторию и осенью приступила к первым занятиям. В музыкальной школе она получила неплохую подготовку, и занятия в консерватории у неё пошли гладко. Но это было вначале. Дальше их начали загружать предметами, на взгляд студентов, совсем ненужными. Спрашивается, зачем нужны вокалисту такие предметы, как атеизм, научный коммунизм, история КПСС, политэкономия? Ведь ни один экономист или математик не тратит свои мозги на изучение истории музыки и не разрабатывает пальцы на изнуряющих гаммах по четыре-пять часов в день. А нотную грамоту, если даже изучают, то только для общего развития или для домашних концертов. Но она не в силах была что-то изменить в программе обучения, и приходилось посещать никому не нужные лекции.

Как-то, уже будучи на третьем курсе, она получила очередное письмо от дяди Артура. С интересом она прочитала о его службе, о переменах в его семейных делах. Дойдя до конца письма, остановилась на последних строчках: «Встретил я своего старого знакомого. Да ты его тоже должна помнить. Будучи у меня в гостях, ты познакомилась с ним в биллиардной. Теперь из этого мальчишка вырос красивый, статный молодой мужчина. Он прекрасно играет на биллиарде. Мы с ним возобновили свою дружбу и теперь видимся почти ежедневно. Кстати, он интересовался тобой и очень настойчиво. Я ему рассказал всё, что знал и что мог».

Юля с замиранием сердца прикрыла глаза. Казалось бы – детское увлечение, а до сих пор, несмотря ни на что, она в своих мыслях всегда помнила о нём. Как-то, после первого курса на летних каникулах, они вдвоём проводили отпуск в Крыму. Целую неделю оба были счастливы. Потом Юля заметила в его глазах какую-то грусть, отчуждение. Он даже остыл от своего увлечения подводным плаванием, а по вечерам откровенно тосковал.

– Ильюша, что с тобой происходит? – настороженно спросила она его.

– А что со мной может происходить? Ничего особенного.

– Я же вижу перемену в твоём настроении.

– У меня нет никаких причин для депрессии.

– Может, я тебе надоела? – предположила она наихудшее.

– Да ты что, Юля? Как ты можешь такое говорить? Я тебя одну единственную люблю с самого детства и буду любить до глубокой старости.

Его горячие слова исходили из самой души. На какое-то время Юля успокоилась. Но перемену в нём она всё-таки, как и каждая любящая женщина, чувствовала.

Однажды они после ужина гуляли в парке и проходили мимо бильярдного салона. Оттуда, через открытые окна, до них донесся мягкий стук бильярдных шаров, негромкие голоса играющих. Юля держала его под руку и вдруг почувствовала, как она начала вздрагивать. Он весь изменился. Руки напряглись, ноздри расширились, как у ипподромного скакуна перед стартом.

– Юленька, давай зайдем – посмотрим, как народ играет, – неуверенно сказал он.
– Давай, только ненадолго. Мне сегодня вечером должны позвонить.

Они зашли в зал и сели на стулья, наблюдая за игрой. Спустя десять минут к ним подсел человек с густой шевелюрой и барскими манерами и вежливо осведомился:

– Если Вы хотите поиграть, то я могу Вам составить компанию.

Азарт повернулся к Юле. И только теперь она поняла, что с ним происходило. Глаза у него блестели, как два угля. Он даже привстал со стула в немой просьбе к ней. «Какая же я дура! Ведь он же бильярдист, игрок. Он же не может жить без этого. Ведь дядя Артур мне писал. Я совсем забыла. Какое же я имею право запрещать ему играть?»

– Ильюша, прости меня. Я за эти счастливые дни совсем забыла о твоём увлечении. Играй, а я с удовольствием поболею за тебя.

Азарт с партнером отошли в сторону, о чём-то пошептались и начали расставлять шары на столе. Первый удар сделал Азарт. Даже со своего места Юля видела, как он нервничает. Шар, ударенный Азартом начал странно вращаться. Затем своим боком задел расставленную пирамиду и вернулся обратно на короткий борт. Игра у него, явно, не клеилась. Потом что-то изменилось, наступил какой-то перелом в его состоянии. Он перестал нервничать и излишне суетиться, и было видно, что он начал делать свою привычную работу, в которой знал толк, толк профессионала. Вокруг них начали собираться заинтересованные болельщики.

Партнера, с которым играл Азарт, здесь знали все. Видно, он был здесь фаворит. Поэтому, как заметил Азарт, ставки на него в игре никто не делал. Все были уверены в его проигрыше. Собственно, так оно и произошло. Азарт проиграл. В бильярдную вошли ещё два человека. Одного из них Азарт знал, но тот дал ему «маяк». Юля увидела, как Ильяс, незаметно для окружающих, показал ему два скрещенных пальца, но ничего не поняла. В ответ тот кивнул головой и начал о чём-то шептаться с болельщиками. Игра не начиналась. Азарт почему-то зашёл к маркёру и о чём-то с ним договаривался. Затем он бросил мимолётный взгляд своего знакомого и начал расставлять шары. Вторую партию Азарт выиграл, как бы на последнем вздохе. Всем показалось, что их кумир просто допустил ошибку. Но факт остался фактом. Знакомый Азарта собирал дань с проигравших и заключал новые ставки. Запахло ажиотажем. Следующая партия была контровая. Это значит, что ставка возросла вдвое. Азарт скользнул взглядом на Юлю. Та сидела, с видом принцессы, посылая ему взгляды верности и восхищения. Азарт вспомнил сцену их детского знакомства и у него в душе прокатилась тёплая волна. Всё-таки, как он её сильно любит! Это подействовало на Азарта как допинг.

Третью партию он вырвал у партнёра, как зверь свою добычу, подавив его полностью. Шум в бильярдной поднялся невероятный. Их кумир был повержен, да ещё так молниеносно. Кроме того, их бумажники значительно похудели. Азарт вежливо

простился с партнёром и посетителями, которые признали в нём классного игрока и ... простили ему свои проигрыши.

На город и парк уже опустились вечерние сумерки. Дневной зной убился, и парк обволакивал свежий, ласковый ветерок с моря, наполняя его ароматом морских просторов. Стоило его только вдохнуть, и человек преображался. Он становился спокойным и мысли его улетали куда-то далеко за горизонт. Особенно такое состояние испытывали приезжие. Местные жители уже к этому привыкли. Оно находилось в них постоянно. Но стоило им уехать куда-то в другой город, где нет моря, и начинали ощущать его отсутствие. Как бы чего-то не хватает.

На углу аллеи их ожидал знакомый Азарт.

– Азарт, как ты здесь оказался?
– Привет, Лабух! А ты как?
– Я здесь отдыхаю, но сегодня уже последний день. Жалко, что отпуск заканчивается. С таким кушем, что я получил сегодня на ровном месте, благодаря тебе, я мог бы ещё жить здесь месяц. Спасибо тебе. Прощай, Азартик, с меня причитается.

Он вынул толстую пачку купюр и отдал Азарту. Юля удивлённо смотрела на них непонимающим взглядом.

– А кто он такой? И почему Лабух? Он что, музыкант?

Азарт от души рассмеялся.

– Да нет. Он виолончель от контрабаса не отличит. Просто, он – единственный, который говорит правильно: играть на бильярде. Вдобавок, свою игру на бильярде он сравнивает с игрой музыканта на рояле, так как вкладывает в неё и развивает с шарами всю свою фантазию и виртуальность. Вот его друзья и прозвали «Лабух».

– А почему он, да и дядя Артур называют тебя «Азарт»? – не унималась она.
– Это старая история, – смеясь, ответил Азарт. – Когда-то давно наш маркёр дядя Пава сказал, что я начал играть на бильярде ещё тогда, когда по городу ездили конки вместо трамваев. Имелось в виду, что я играю с детства. В принципе, так оно и есть. Когда я был маленький, меня спрашивали: «Что тебя сюда тянет». Я отвечал: «Азарт», сам не понимая до конца значение этого слова. Ну, так меня и прозвали: «Тебя азарт снова сюда привёл? Почему от тебя в школу не водит?»

– А что за деньги дал тебе Лабух?
– Я увидел Лабуха, когда он вошёл в бильiardную. Но он мне дал знак, что мы незнакомы, и он будет на меня ставить. Просто, он знал уровень игры моего партнёра и мой. А я ему ответил, что иду в долю. Вот мы и раскрутили любопытную, ажиотажную публику.
– Но вы их лишили денег?
– Юленька, но ведь они тоже хотели лишиться нас денег. И мой партнёр, хитрая лиса, принял меня за отдыхающего лоха. Поверь мне, он и глазом не моргнул бы, чтобы оставить меня с пустым карманом. Но так уж получилось, что я играю лучше.

Юля прижалась к Азарту, передавая ему своё тепло и любовь.

– Теперь я тоже тебя буду называть Азарт.

Кстати, ей даже больше нравилось это его второе рычащее имя, чем слащавенькое, избалованное – Ильюша. После этого случая они стали каждый вечер посещать бильiardную. Азарт играл, а ей нравилось ловить уважительные взгляды, которые бросали болельщики на своего нового кумира. Приятно было видеть, как все относились к нему с уважением и почтением, несмотря на его совсем молодой

возраст. Теперь она его больше, чем любила. К её любви прибавилось чувство гордости и восхищения за то, что он принадлежал только ей. Но, к сожалению, это были последние дни их совместного пребывания.

С тех пор они больше не виделись. Только редкие звонки, да ещё более редкие письма связывали их тонкой ниточкой. Мучительное и вместе с тем радостное ожидание встречи иногда превращалось в пытку. Зачастую она не могла объяснить себе создавшуюся ситуацию. Но продолжала ждать, вздрагивая на каждый телефонный звонок или звонок в дверь.

* * *

Как бы подчиняясь её мыслям, вдруг позвонили в дверь. Она даже вздрогнула, – «Не может быть. Так не бывает. Это мистика», – подумала она, открывая дверь. Но в дверях стоял её бывший руководитель ансамбля Саша, а рядом, как гора Ай-Петри, возвышалась его жена Элеонора, по прозвищу «Большая Берта». Её так прозвали в труппе музыканты не только за её крупное телосложение, а ещё и за её сверхпробивные способности. Она была незаменимым администратором труппы. И, если настоящая «Большая Берта», созданная как грозное и уникальное орудие в Германии, так ни одного разу и не выстрелило, то залпы Элеоноры всегда достигали цели с большой пользой для всей труппы. Не было ещё ни одного заведующего клубом, где бы она не смогла пробить концерт, да ещё и с хорошей выгодой для всех. За это её очень ценили. Если Элеонора ехала с ними на гастроли, то в успехе сборов никто не сомневался. Трудно сказать, что связывало талантливого музыканта, с ранимой творческой натурой, маленького Сашу с этим монстром. Но союз у них длился уже много лет, минуя все подводные камни актерских сплетен и можно было только позавидовать их отношениям.

– Какой сюрприз? Откуда вы? – изумлённо воскликнула Юля.

– Я хотела с тобой поговорить завтра на репетиции, но мне сказали, что у тебя окно и ты сегодня будешь дома, – нагибаясь к ней для поцелуя, сказала Элеонора.

– Проходите, сейчас будем ужинать.

– Лю-Лю, – назвал её Саша на свой манер, – мы к тебе, буквально, на десять минут и убегаем. У Эли возникла новая грандиозная идея, и мы должны не дать умереть ей в зародыше.

– Ну, хоть кофе-то выпьете?

– Это с удовольствием.

Они расселись в уютной гостиной за маленьким столиком. Саша тут же извлёк из портфеля бутылку коньяка и плитку шоколада. Юля на скорую руку приготовила холодную закуску, разложила по тарелкам уже готовые синенькие. Выпили по рюмочке, поделились новостями.

– Лю-Лю, – начал было Саша, но Элеонора его тут же перебила:

– Саша, дай мне сказать. Ты, как всегда, всё перепутаешь.

– Кролик, почему я должен всё перепутать? Тут всё так просто.

– Потому, что ты всегда путаешь и сваливаешь всё в одну кучу, кроме своих струн и нот, разумеется.

– Юлька, – повернулась она к ней своим мощным корпусом. – У меня к тебе деловое предложение.

Если Элеонора начинала свою речь с этой фразы, то можно было надеяться на хорошо разработанный план, а также на успешное его завершение.

– Сколько в твоём репертуаре имеется народных песен и романсов?

- Ну, я точно сказать не могу, но если требуется обновление, то без проблем.
- Да, потребуется. В репертуар необходимо вписать три-четыре популярные еврейские песни и столько же украинских.
- С украинскими – всё в порядке. А вот еврейские – это проблема. Я их просто не знаю, вернее мелодий знаю много, но текста, да ещё на идиш, к своему стыду, не знаю. Мой покойный отец был по национальности русский, и в доме на еврейском языке совсем не говорили. А что за идея?
- С еврейскими песнями я тебе помогу, – вмешался Саша. – У меня есть в одном ресторане знакомый лабух. В его репертуаре много еврейских песен, и я у него попрошу тексты.
- Отлично! Тебе остаётся их только выучить, – добавила Элеонора, как всё уже заранее решённое, – на всё, про всё – три месяца, думаю, достаточно?
- Ну, а дальше? Что вы задумали?
- Это всё придумала Кролик.
- Конечно, – гордо заявила Элеонора, – к сожалению, ты, мой Мышонок, способен только на исполнительскую работу. В общем, так, – погладила она Юлю по голове, – тебе необходимо всё это выучить, отрепетировать. Дальше: избавиться всего лишь на один месяц от своих нагрузок и мы, группа 5 человек, выезжаем на гастроли. Маршрут: Венгрия, Чехия, Германия, Франция.
- О, Боже! Где же мы возьмем сцену? – воскликнула Юля.
- Сцену и распространение билетов, я вам гарантирую. В этих странах много живёт наших эмигрантов. Сборы будут небольшие, но всё покроем количеством концертов. У меня уже есть предварительная договорённость с господином Фишманом.
- Это ещё кто такой? – спросила Юля.
- Он – глава крупной фирмы, находящейся в Германии. Фирма занимается ещё и тем, что даёт рекламу о предстоящих гастролях, предоставляет сцену и распространяет билеты. Это – очень солидная и надежная фирма.
- Надеюсь, – неуверенно произнесла Юля, – вы дадите мне какое-то время на размышление?
- Конечно. До понедельника. А ещё лучше, в воскресенье, вечером. В понедельник я уже должна начать заниматься этим на полный ход. Ещё не определены все участники труппы. Надо укрепиться кем-то из заслуженных.

Поговорив ещё немного о предстоящих деталях, они ушли. Элеонора выплыла в парадное, как флагман, а сзади по безопасному проверенному пути, как по фарватеру, Саша.

После их ухода Юля задумалась. Предложение было очень заманчивым. Но были же какие-то свои обязанности и обязательства! «Ладно, подумала она, – время покажет». И время показало своё. В воскресенье вечером она дала свой положительный ответ. Началась бурная подготовка к предстоящей поездке в страны, о которых она только слышала и даже не мечтала побывать. Время изменило многое. Теперь это уже было доступно. Она уже слышала от других музыкантов о подобных гастролях. Часто им приходилось там совмещать вечерние концерты с концертами днём прямо на площадях и на улицах. Люди с интересом воспринимают экзотическую для них музыку, песни, танцы, щедро награждая исполнителей аплодисментами и мелкими монетами, из которых затем образуется неплохой заработок. Такие мини-концерты на улицах, вблизи кафе-штанов, очень популярны. Нередко там можно встретить способных и талантливых музыкантов, ищущих себе аудиторию, признание их таланта и, конечно, заработка.

* * *

На следующий день рано утром Азарт уже был на пригородном вокзале. Как ни странно, но вещей у него накопилось прилично, почти целый чемодан, да ещё сумка с продуктами. Обычно, он привык путешествовать налегке, а тут обе руки заняты. Успокаивая себя тем, что ехать недалеко, а там его встретят, он вошёл в полупустой вагон и удобно расположился возле окна, предвкушая удовольствие от будущего путешествия.

Электричка отправилась по расписанию. Под стук колес поезда приятно было ощущать расслабленность во всем теле. Он смотрел через вагонные окна, где вначале проносились неприглядные картины каких-то полуразрушенных заводиков и мастерских, ограждённых почерневшими от старости деревянных заборов. Можно было только поражаться бесхозяйственности людей, которые руководили ими. Полная разруха. Такое впечатление, что только вчера здесь прошел Мамай со своей ордой. Иногда встречались на пути строящиеся предприятия, причём с широким размахом: богато и добротно. Сразу было видно, что частный сектор, наконец-то получив свободу, набирал ход. Правда, осторожно, малыми оборотами, так как не знали, какой ещё фокус может выкинуть правительство завтра. Но велико было желание людей хозяйничать, и они рискнули пуститься в одиночное плавание, не зная, сколько на их пути будет перекатов и подводных камней.

Вот уже появились и дачные посёлки, скрывая своё убожество ещё не опавшей зеленью. Среди них виднелись, вернее, возвышались добротные 3-х и даже 4-х этажные красавцы, не нуждающиеся в маскировке. Наоборот, они о себе заявляли в открытую, пытались привлечь внимание своей современной архитектурой. Они как бы подчёркивали смелость и решительность хозяина, его богатство, его давнюю мечту о хорошей жизни.

На станцию поезд прибыл вовремя. Азарт вышел на перрон и сразу увидел молодого мужчину с проседью, направляющегося к нему.

– С приездом! – улыбаясь, сказал он, – доехали благополучно?
– Здравствуйте, Андрей Захарович. Я получил удовольствие от этого короткого путешествия. Вроде бы и знакомые места, а мало что узнаю.
– Да, здесь многое изменилось и меняется дальше к лучшему.
– У вас здесь всегда так тихо?
– Что вы? Разве это тишина? Поезда шумят, народ галдит. Сейчас придём на место – вот там действительно тишина! Даже в ушах звенит.

Разобрав вещи по рукам, они пошли пешком через осенний лес. Азарт уже забыл, когда он последний раз выбирался в лес. А грибы вообще никогда не собирал. Андрей Захарович часто останавливался, нагибался и аккуратно ножиком срезал очередной гриб, укладывая его в лукошко. Вскоре оно уже наполнилось отборными боровиками.

– Пока дойдём до дома, насобираем на обед. Смотрите, у вас под ногами целое семейство белых грибов. А вот там слева ещё и ещё. Э! Да тут их можно косой косить.

Азарт остановился и увидел прямо возле ног масляную, коричневую головку гриба. Он нагнулся и хотел сорвать его, но Андрей Захарович опередил его и дал ему складной перочинный ножик.

– Грибы надо срезать под корешок. Во-первых: он будет целее. А во-вторых: корень останется в земле, а от него через 2-3 дня вырастет новый гриб.

Так, не торопясь, за беседой они подошли к небольшой деревне, десятка два дворов. Домик писателя заметно выделялся среди них своей ещё не утраченной новизной. Два этажа уютно расположились в окружении могучих дубов, среди которых выделялись своими белыми подвенечными платьями берёзы. Вперемежку с ними росли раскидистые липы и курчавые клёны. Во дворе дома красовалась пышная ель. Уже сейчас она готовилась к своему законному празднику, Нового Года и поэтому расплодила на себе невероятное количество янтарных шишек, среди которых резвились на ветках шустрые белки.

Как и обещал Андрей Захарович, тишина нарушалась только редким лаем собак. Из печных труб поднимался дым, и по его вкусному запаху можно было определить, в какой избе, что готовят на обед. Где-то жарили картошку с луком, где-то яичницу с салом, где-то готовили суп. А кто-то даже пёк хлеб, запах которого приятно щекотал ноздри.

Вдруг Азарт почувствовал удивительно знакомый аромат, который невозможно было ни с чем перепутать. Он даже носом повёл, отыскивая его источник.

Андрей Захарович засмеялся:

– Что уже почувствовали? Это дед Савка гонит свежачок. К вечеру придёт приглашать на пробу. Только предупреждаю, будьте осторожны, он у него меньше шестидесяти градусов не бывает. Гонит из чистого зерна.

Возле дома стояла беседка, опутанная виноградной лозой. Кругом было чисто и ухоженно. В конце участка просматривались какие-то грядки, вокруг дома были посажены только цветы. Лужайки, благодаря постоянной стрижке, напоминали мягкий ворсистый ковер. Вокруг участка была изгородь с воротами посередине. Вдоль изгороди росли декоративные кусты. Они, как непроницаемый забор, закрывали участок от постороннего взгляда.

– Ну, вот мы и дома, – весело произнёс Андрей Захарович, – а это мои друзья, – указал он на небольшую семейку, собаку и двух кошек.

– Как они уживаются друг с другом?

– Они хорошо ладят между собой. Выросли вместе.

Собака подошла к Азарту и обнюхала его, как бы знакомясь с новым запахом. Кошки завладели его ногами, и потерлись спинками, что-то сообщив друг другу по-кошачьи. Наверное, решили принять его в свою компанию.

– Ну вот. Знакомство состоялось. Пират вообще-то добродушный, но сторож прекрасный. Чужого во двор не пустит. А коты довольно успешно гоняют мышей-полевок, которых тут достаточно. Но в доме нет. Чуют запах кошек и не лезут. Недавно ко мне повадился крот, так Пират быстро отбил охоту у него разрывать участок.

Умные животные задрали морды и смотрели на хозяина своими добрыми глазами, понимая всё, о чём он говорит.

– Сейчас мы с вами что-нибудь сообразим на обед. Это будет очень быстро. Вы уже проголодались?

– Да. Есть немножко. Свежий воздух подействовал. Давайте я вам помогу. Кстати, я займусь чисткой грибов.

Спустя некоторое время над деревней поплыл ручеек аромата жареных грибов. От этого запаха, в сумке Ильаса очнулась от дорожной спячки бутылка «Абсолюта». Грибочки, проваренные в воде и поджаренные на сковороде с лучком на постном масле, тут же обратили внимание на шведскую гостью и гостеприимно пригласили её в

компанию к свежим огурчикам и помидорчикам, среди которых, как айсберг, возвышался на тарелке громадный кусок украинского сала с тёмно-коричневой, просмоленной на ржаной соломе, шкуркой. «Абсолют», порождение элиты, никогда не страдал от скромности и уверенно занял своё законное место в центре стола. Пропустив по паре рюмочек, они уважили грибочки своим вниманием, одаривая их щедрыми эпитетами. Розовое сало, своим непререкаемым авторитетом, потребовало ещё по парочке рюмок.

Закончив обед, они вышли на террасу, прихватив с собой кофейник с чашками и уселись в кресла.

– Вы живёте здесь один?

– Я бы сказал, бываю иногда здесь один. Ко мне часто приезжают друзья. Особенно, в выходные дни.

– А в обычные дни? По городу не скучаете?

– В обычные дни я гуляю по лесу с Пиратом, слежу за порядком, работаю над рукописями. Скучать не приходится.

– Как давно Вы здесь живёте?

– Два года назад я, по случаю, купил здесь развалюху. Меня очень привлекло место. Её никто не хотел покупать, так как здесь нет земли для огорода. А пилить деревья не разрешают. Меня это полностью устраивает. Там, – он взмахнул рукой, – жена отводит душу на грядках. А здесь только цветы и трава в окружении старых деревьев. Нетронутый уголок природы и я им очень дорожу. Такое сейчас нечасто встретишь. Кругом сплошной наезд цивилизации.

– Я в сельском хозяйстве ничего не смыслю, полный профан.

– Ну, что Вы? Какое же это – сельское хозяйство? Это же, просто – труд для себя, труд во благо. Вы даже представить себе не можете, какое это приятное для души чувство, когда весной приезжаешь в сад и начинаешь копать лопатой отдохнувшую за зиму землю, – голова начинает кружиться от её аромата. Я уверен, что люди никогда не копавшие землю до седьмого пота под дымком сгорающей прошлогодней ботвы, лишают себя одного из самых больших удовольствий в жизни.

– Дядя Пава говорил мне, что Вы писатель. Теперь я это и сам вижу. Вы так вкусно говорили о земле, что я готов, хоть сейчас, взяться за лопату.

– Ну, из скромности я себя так назвать не могу. Точнее, я бы сказал, автор. Пишу много, но писатель характеризуется не тем, сколько он пишет, а тем – сколько он публикуется. А вот этим я не могу сильно похвалиться. Особенно, в последнее время.

– Почему? Если вы пишете интересные повести или романы, то их должны издавать, – простодушно сказал Ильяс, – я недавно был на книжном базаре. Прилавки забиты всевозможными книгами, в глазах рябит от пестрых обложек. Но все они какой-то одной тематики, какие то однобокие, убийства, насилие. Настоящий книжный ужастик, разбавленный пошлым сексом.

Андрей Захарович откровенно рассмеялся над наивностью Азарта.

– Сразу видно, что Вы очень далеки от этого. У каждого пишущего с годами накапливаются в письменном столе пухлые рукописи романов и повестей, на его взгляд достойные к публикации. Но чтобы все это напечатать, потребуются дополнительные невероятные усилия. В свою очередь, издатель должен быть уверен, что выпущенный им тираж разойдется и не ляжет на полках магазинов.

– Но, на рынках я видел много людей. Смотрят, читают, выбирают, что-то приобретают.

– Совершенно верно. Большинство людей интересуются изданиями и выделяют из своих скромных доходов некую сумму на приобретение той, или иной понравившейся книги. Сейчас, к сожалению, в литературе всплыла на поверхность пена: насилие,

маньяки-убийцы, аферисты, бандиты, секс, вороватые политики и депутаты. Вот народ и потребляет эту щекотливую тематику. Я уверен, что скоро придет время, и они насытят свою «жажду». Уже сейчас наступило перепроизводство на рынке этой дряни. Они уже очень подешевели. А хорошая книга и сейчас стоит дорого. Вот люди и покупают эту дешёвку для чтения в транспорте. Я предпочитаю писать о нормальных людях, которые ничем особенным не выделяются от остальных. Но, они есть. И о них тоже надо знать. Это очень неблагодарная и тяжелая работа. Работать приходится очень много и с повышенной придирчивостью к самому себе. О знаменитом воре в законе или об известной фамилии какого-то политика, опутанной денежными вкладами и растратами, писать легко. Это вызывает сенсацию и длительное толкование среди людей типа: «А вот я читал...». А в моих произведениях – нормальный человек. Это – моряк, или рыбак, или, просто, инженер, музыкант. Они живут среди нас и каждый по-своему интересен. А личности, вокруг которых создаются сенсации и сплетни, приходят и очень скоро их выплёвывают пережёванными. Мои герои будут жить всегда среди нас. Но для этого необходимо время.

– Можно мне почитать что-нибудь написанное Вами? Извините меня, пожалуйста, но я ведь даже Вашего имени не слышал.

– Не извиняйтесь, – махнул рукой Андрей Захарович, – ведь я никогда и не пытался вознестись в популярность. Но, как и каждый пишущий, надеюсь, на свой черед. Когда я смотрю на свои труды, то бывает иногда очень грустно, что их ещё никто не читал. Поэтому Ваше желание меня очень радует. Читайте на здоровье! Мне приятно будет иметь дома оппонента-прокурора. Адвокатов мне не надо.

* * *

Дни, насыщенные многочасовой, тренировочной игрой на бильярде с вечерними беседами за самоваром после баньки, проходили быстро. Иногда Азарт отлучался по работе, но основное место его базирования была дача. Он неторопливо читал рукописные труды Андрея Захаровича, насыщаясь новизной прочитанного. При этом они не забывали несколько часов уделять своей любимой бильярдной игре. Иногда по вечерам включали телевизор, но там, как правило, изливали свои «великие помыслы» политики, рвущиеся к власти, сообщалось о покушениях на банкиров, о бандитских разборках, бывшие звёзды эстрады плакались о своей бедности и неустроенности в жизни. Да это и понятно! Старые кормушки закрылись, сливки кончились, а перегоним они питаться не привыкли, вот и жалуются, что к новым кормушкам их не допускают.

А возле новых кормушек уже своя толпа, которая раньше жаловалась на своё бедное прозябание. Теперь они уже имеют свои громадные виллы, дачи с собственными «маленькими кинозалами», а своё величество позволяют усаживать только в шикарные лимузины, предназначенные для президентов. Иногда демонстрировали кинофильмы, которое в своё время были запрятаны «на полку» и пролежали там по 10-20 лет. Уже и актеры – исполнители ролей – успели состариться. Азарт и Андрей, потратив на эту чушь (во мнениях они сошлись) полтора-два часа, согласились с оценками цензоров. Действительно, общество ничего не потеряло, не увидев эти, низкопробные по своей художественности, фильмы. Где была совесть и сердце режиссёра и его команды, когда они создавали комедийно-дурацкий «шедевр» о Священной Отечественной Войне? Если «идиотообразные» немцы в считанные месяцы завоевали половину Европы, то те, кого они заставили отступить аж до Волги, получается, были ещё хуже? Как можно так порочить память людей, отдавших жизни за свою землю!

Прошло уже три месяца добровольного заточения Азарта. Стараниями врачей-косметологов и парикмахеров лицо Азарта приобрело более-менее нормальный вид. Его теперь никто не узнавал. Благодаря упорным тренировкам и постоянной игре с писателем он уже полностью вошёл в форму. Его коронный удар уже получался восемь-девять раз из десяти. А это уже что-то да значило! По вечерам, удобно устроившись у камина в обществе собаки и кошек, они обсуждали новые рукописи. Азарт уже привык к его манере письма, к его языку и даже пытался давать свои коррективы. После некоторых размышлений Андрей Захарович иногда с ним соглашался. Кураж Азарта набрал обороты, и где-то он уже стал подумывать о «соавторстве». Эта мысль очень развеселила его: «Здорово, – подумал он, – когда-нибудь напишу «Исповедь каталы», вот будет потеха».

– Андрей Захарович, а писать – это сложно?

– Писать? – удивился тот, – совсем наоборот. Очень легко. Я, например, никогда не пишу только потому, что есть свободное время. Но всегда пишу и не сдерживаю себя, если в голове появляется сюжет, мысли или дополнение к написанному. И когда это происходит, то моя рука не поспевает за моими мыслями. А вот когда читаешь написанное и представляешь себе, что этот бред прочитает кто-то из твоих друзей или знакомых, то приходишь в ужас.

– Ну, не все же. Люди бывают разные.

– Правильно. Это я допускаю. Но, хорошо написанное художественное произведение должно быть понятно широкому кругу читателей. Вспоминаю своё первое произведение: когда я перечитал уже готовую рукопись, то увидел, что получилось совсем не то. Всё запуталось в массе подробностей. Надо было что-то выбросить, но жалко. Что-то добавить, но оно получается лишнее. И это кружило меня по какому-то заколдованному кругу, как Кориолисово ускорение – чем ближе к центру, тем виток круче, и скорость квадратично возрастает. В какое-то время я даже не представлял, как этого избежать. Единственное, что удерживало меня на этом пути – это приятная нервотрёпка. Сегодня чуть-чуть улучшил. Завтра прочитал, сделал ещё лучше. Теперь, на мой взгляд, можно уже читать.

– Но, все-таки! Надо же иметь талант, чтобы писать?

– Ильяс, дорогой! Талант, труд, терпение и, наконец, творчество берут начало с одинаковой буквы и дальше движутся тоже в одном направлении. Единственное различие у них – это дата рождения. Самым первым рождается талант. Если он попадает в благоприятную почву, то с помощью надёжных партнёров – труд, терпение и творчество, даёт свои плоды и, в свою очередь, даёт им тоже развитие. Без такой отеческой заботы талант, просто, пропадает. Всё должно быть взаимосвязано.

– Тут я с Вами полностью согласен. У меня есть друг детства. Мы дружим ещё со школы. Ни одна стенгазета не выходила без его рисунков. Это были прекрасно и талантливо выполненные карикатуры и шаржи на школьную тему. Вся школа с нетерпением ожидала очередного выпуска стенгазеты. Ему пророчили большое будущее, как художнику. Это был талант от Бога. Но, после девятого класса, он вдруг категорически отказался что-либо рисовать. Не повлиял ни вызов в школу родителей, ни беседа с директором школы. Он и сейчас, по-моему, ничего не рисует.

– Да, – понимающе сказал Андрей, – Божий дар попал не в те руки. Это часто встречается. Таких примеров сколько угодно.

Поразмыслив немного, Азарт решил не претендовать на «соавторство», не то писатель, чего доброго, захочет войти и к нему в долю. А тут надо еще поразмыслить: кто сможет больше заработать – писатель на книгах или он на бильярде. Такая куражная мысль развеселила его и он заулыбался.

Часто, особенно в конце недели, к ним заваливались шумные гости, и тогда тихая дача сияла огнями окон, и превращалась в настоящий вертеп. Компания собиралась, как правило, разношёрстная. Тут были актёры, молодые поэты и писатели, начинающие свой тяжёлый и мучительный путь, заслуженные, именитые спортсмены. Даже как-то приехал к ним знаменитый в своем окружении мастер-наездник с ипподрома. Время проходило бурно и весело. Каждый из них мог произвести впечатление и заинтересовать других, благодаря своим индивидуальным качествам, свойственным его профессии или призванию. Но всех объединяла общая привязанность и страсть – это биллиард. Игры на биллиарде проходили очень интересно, несмотря на просто-таки символические ставки. Азарту очень нравились такие игры. Здесь не приходилось темнить, можно было открыто демонстрировать свой класс игры и играть в полную силу. Все без исключения признали его высокий профессионализм, и Азарт заслуженно упивался славой. Он себя чувствовал с этими людьми, такими разными по профессии и характерам, на равных и очень был этому рад. Ему нравилось занимать своё заслуженное место в ряду профессионалов.

* * *

На выходные дни прогноз погоды был снежным и метельным. Не хотелось верить. Ещё утром, в пятницу покалывал легкий морозец. Но где-то к обеду небо затянулось тучами. Закружились в воздухе весёлые снежинки. А к вечеру началась метель. Приятно было выйти во двор и подставить лицо под колючие снежинки, зная, что если надоест или замёрзнешь, можно тут же спрятаться в теплом доме. На следующий день, в субботу, снег усилился, намело громадные сугробы. Азарту пришлось три раза чистить дорожки, но их опять заносило. В конце концов, он бросил это занятие и вернулся в дом. Поздно вечером, когда уже никого не ждали, неожиданно зазвенел звонок.

– Интересно, кто отважился приехать в такую погоду? – задумчиво произнес Андрей, – пойду, взгляну.

– А я спущусь в подвал, проверю наши запасы.

Надев на себя куртку, Андрей свистнул Пирату и вышел во двор. С трудом открыл входную дверь, занесённую снегом и, утопая в снегу, побрёл к калитке. Возле калитки топтались четыре человека. Лица были замотаны шарфами, и невозможно было их узнать. Один, самый маленький, держал футляр с каким-то музыкальным инструментом. Вторая, судя по шубе, была женщина. Третий бесполезно пытался на ветру раскурить папиросу и в конце концов выбросил её в сугроб. Четвёртым была тоже женщина. Правда в это было трудно поверить, так как она своим ростом возвышалась над всей четвёркой и больше всех была замотана в какие-то шарфы и платки до неузнаваемости.

– Андрей Захарович! Не ждали? – окликнул его грудной женский голос.

– Мы тут в глуши всегда кого-то ждем. Проходите, а то совсем замёрзнете.

– Больше, чем есть, я уже, не замёрзну, – неожиданно басом пробормотал самый маленький с футляром в руке.

Андрей Захарович взял беспокойную собаку за ошейник и первым пошёл к дому, пытаясь хотя-бы сапогами протоптать в снегу что-то наподобие дорожки.

– Давайте за мной, скорей. В доме тепло и вы сейчас отогреетесь.

Гости ввалились в прихожую, на ходу раздеваясь.

– Юлечка! – удивлённо воскликнул писатель, – Сколько лет, сколько зим? Вот это сюрприз!

Маленькое чучело с футляром, освободившись ото всего ненужного в тёплом доме, оказалось элегантным молодым человеком во фраке.

– Знакомьтесь. Это мой аккомпаниатор и руководитель нашей небольшой труппы – Саша. А это мой дядя, Артур.

– Ну, с Артуром-то меня знакомить нет необходимости. Мы с ним знакомы очень давно, – обнимая Артура сказал Андрей.

– Могу сказать более точно – лет десять.

Затем начали развязываться шарфы и платки на высокой женщине, и из них вынырнуло лицо с очень живыми глазами, затем по мере дальнейшего разворачивания одежд показалась монолитная грудь, закованная в свитер крупной вязки, как в кольчугу, а затем уже и вся гостья.

– А это – наша Элеонорочка, администратор группы и мать-кормилица. По совместительству жена Саши.

– Здравствуйте, наконец-то я добралась до того места, которое по температуре напоминает мне мою Одессу. Я имею в виду Вашу уютную и тёплую норку.

– Здравствуйте, дорогие гости, проходите, располагайтесь поближе к теплу. Сейчас ещё подбросим дровишек. Согреетесь, а потом к столу. Дороги замело, ночь длинная, времени достаточно, – радушно приветствовал гостей Андрей Захарович.

– А я бы не прочь согреться за столом, – подбросил мысль Артур.

– Вы, уж нас простите. Всё получилось так спонтанно.

– Сегодня у нас был концерт, и прямо оттуда решили рвануть к вам. Да вот пришлось оставить машину возле станции. Всё замело.

– Очень хорошо, что вы приехали.

– А где добровольный затворник? – поинтересовался Артур.

– Копошится где-то в подвале. Ильяс! – крикнул он вниз.

– Иду, – донеслось оттуда.

Азарт вошёл, вытирая руки о фартук.

– Знакомся, Ильюша, – представил гостей писатель, но потом, взглянул в лицо Юли и с улыбкой повернулся к остальным.

– Очевидно, моё посредничество здесь излишне.

Азарт и Юля стояли друг против друга, не в силах отвести глаз. Это был какой-то обоюдный шок.

– Эй, вы оба, очнитесь. А то я начну жалеть о своей самодеятельности с сюрпризом, – пробормотал Артур.

– Вот теперь мне все ясно, почему я жертвовал своим здоровьем и попхался в такую даль, – пробасил Саша.

– Но ради этого, Сашенька, стоило покорять целинные пространства. Это – любовь, а в ней я что-то понимаю, – подтвердила Элеонора.

Хозяева занялись приготовлением ужина. Вскоре все устроились вокруг низкого столика поближе к камину. Мягкие кресла уютно поглотили их тела, и сразу на душе стало комфортно. Мягкий свет торшера смягчил краски, делая лица присутствующих моложе. В отблесках свечей и пламени камина книжные шкафы поблескивали корешки книг.

– И всё же, Артур! Как вы здесь оказались? – удивился Азарт.

– Сегодня Юля пригласила меня на концерт. В свою очередь, после концерта, я их пригласил навестить моего старого приятеля-отшельника.

– И скрыл от меня, что Ильюша тоже здесь, – пожаловалась Юля.

– Просто, я готовил тебе сюрприз. В общем, – продолжал Артур, – отказываться от приглашения было не в их правилах. Я разбудил свой старенький «Москвич» и мы с трудом доехали до станции. Дальше дороги нет, и пришлось его там оставить.

– Расстояние в двадцать километров мы героически одолели пешком, – добавила Юля.

– Какие двадцать? – удивился писатель, – Здесь не будет и одного!

– При хорошей погоде, возможно. Но в такую метель – ровно двадцать километров, – подтвердила Элеонора.

– Я предлагаю отметить благополучное окончание вашей арктической экспедиции. Вам необходимо согреться и восстановить силы, – сказал Азарт, разливая запотевшую в тепле «Столичную».

– Это одно из важных твоих качеств, за что я тебя люблю. Ну, давайте за встречу! – восторженно воскликнул Артур.

Они выпили и выждали необходимое время, пока водка подстегнёт застоявшуюся кровь. В камине потрескивали дрова, разбрасывая искры. Пламя свечей плавно покачивалось. За окнами ветер-буян недовольно швырял в окна горсти снега. Пират свернулся калачиком у ног Андрея Захаровича.

– Азарт, ты посмотри на котов. Они взяли Юлю в плен, – сказал Артур.

– Мне тут соседи рассказали о том, что в старые времена, когда жених приходил свататься, то ему на руки, как-бы случайно, давали кошку. И если он сбрасывал её с колен, то значит – выбор сделан неправильно. За него не стоило отдавать дочь замуж.

– Кстати, кошка уже сидит на Азарте. По моему мнению, в этом что-то есть! – поднял рюмку Андрей Захарович.

– Давайте выпьем за кошек, которые, как я убедился, в наших чувствах понимают больше, чем мы, – пробасил Саша.

Азарт вышел на кухню присмотреть за мясом. Артур, вытягивая папиросы из кармана, поднялся вслед за ним.

– Рассказывай, как ты тут?

– Потихоньку прихожу в себя. Изредка выезжаю по работе. У писателя в подвале неплохой стол. Завтра покатаем?

– С удовольствием. Дай-ка я ещё одну рюмочку опущу в себя.

Не успел Артур выпить, как дверь отворилась и в кухню вошла Юля:

– Так я и знала, что вы тут тихонечко поддаёте. Ой, а что это так вкусно пахнет?

– Это – харч отшельников. Всё очень просто – мясо, овощи, специи и моя душа к этому. Без души готовить нельзя. Не тот вкус.

– По моему глубокому убеждению, повар – профессия только для мужчин, – скромно заметил Артур, указывая на Ильяса.

– Не скажи, Артур. Свой дом я полностью доверил бы женщине. Они умеют сделать так, что профессиональному повару не доступно, – возразил Ильяс.

– Завидую твоей жене, – игриво сказала Юля.

– К сожалению, предмета твоей зависти я не имею, и мне некому передать твой восторг о моей скромной персоне, – ответил Азарт, картинно расставив руки.

Вошёл Андрей Захарович и остановился у порога:

– Старая привычка совков коммунальных квартир – все собираются на кухне.

Он втянул в себя носом воздух:

– Азарт! Ты сегодня, по-моему, превзошёл себя. Какой аромат!

Азарт вытащил из духовки готовое блюдо и пригласил всех к столу. От выпитого спиртного и вкусной еды, да ещё в тепле после холодной прогулки, все расслабились и неторопливо вели непринуждённую беседу.

– Ребята, расскажите о ваших гастролях в Париже, – попросил Андрей, – Это же, наверное, очень интересно.

– Я бы не называла это таким громким словом, – сказала Юля. – Просто была поездка по интересным местам и городам Франции. В каждом, запланированном городе мы давали по одному концерту. Элеонора проявила необыкновенный талант по части их организации. Большими сборами похвастаться нельзя, но не это важно. За границей, всех, кто приехал из бывшего Союза – еврей, украинец, латыш – называют русскими. Местные жители тоже посещали наши концерты, так сказать, любители экзотики.

– У вас были с собой медведи, лапти и водка? – спросил Артур, – они, наверное, до сих пор думают, что мы ходим в лаптях, на ходу пьём водку прямо из бутылок, а по улицам бегут медведи.

– Ой, Артур! Ты, наверное, давно не был за границей.

– Юлечка, детка, да я там никогда и не был.

– С тех пор, как разрешили свободный выезд, там очень много живёт и гостят наших людей.

– И что мне больше всего нравится, что, независимо от национальности, их всех называют русскими, – добавила Элеонора

А в Париже мы, – продолжала Юля, – мы познакомились с удивительной семьёй. Это люди уже почтенного возраста. Сюда их привезли родители ещё маленьким детьми. Русский язык знают очень хорошо, учились в двух школах – русской и французской. Вот только язык у них какой-то странный, непривычный.

– Старомодный, – вмешался Саша, – Сударь, сударыня, извольте...

– Совершенно верно. Это язык, на котором разговаривали их родители.

– Должен вам сказать, что ныне это большая редкость. Сейчас русский лексикон «обогатился» такими словами, что его трудно понять. А иногда, даже в нашем парламенте, проскакивает такая «феня», что уши вянут, – вмешался Андрей.

– Юленька, ты разрешишь? В этой семье, – продолжил Саша, – нам показывали старые фотографии. А потом предложили послушать граммофонную пластинку. Это был самый популярный когда-то среди эмигрантов романс забытого русского поэта Филарета Чернова, человека трагической судьбы, умершего в России в глубоком одиночестве. Музыка Рахманинова в исполнении знаменитой Плевицкой. Если позволите, мы с Юлей попробуем его исполнить.

– Сашенька, как пальцы? Они уже твои или ещё не вернулись?

Саша поднялся, прошёл в коридор и вернулся с гитарой. Попробовал струны, и его пальцы быстро запрыгали по грифу гитары, извлекая уютные аккорды. После нескольких виртуозных упражнений, удовлетворенно произнес:

– Водочка проникла везде. Мои пальцы вновь приобрели жизнь.

Он взял несколько вступительных аккордов, от которых в комнате сразу стало ещё уютней, слегка кивнул Юле, и в гостиной поплыл чарующий голос девушки, совсем не похож на тот, которым она разговаривала:

– Занесло тебя снегом, Россия. Запуржило седую пургой.

Саша играл, прикрыв глаза, не глядя на гриф гитары. Его пальцы извлекали из гитары волшебные, мягкие, чарующие звуки. Неожиданно он вступил в песню вторым голосом.

– И холодные ветры степные

– Панихиды поют над тобой...

Азарт по своему складу был далёк от всяких там «романсов-мансов». Разве что при хорошем застолье наёмные цыгане затянут «Очи чёрные». Но то, что он услышал, его околдовало. Возможно, что повлияла на него долгая разлука с любимой, возможно, домашняя, уютная декорация в сочетании с завывающей метелью за окном, возможно, неожиданно проникновенное исполнение. А вскоре, все это образовало такой впечатляющий букет, что он сидел, как зачарованный. Никогда он не мог даже предположить, что романс так может на него повлиять. Не отводя своих расширенных глаз, он наблюдал за певцами. А они, оба погружённые в романс, передали своё состояние катарсиса всем присутствующим. Это был, как гипноз, как какое-то волшебство!

- Ни путей, ни следа по равнинам,
- По равнинам безбрежных снегов
- Не добраться к родимым святыням,
- Не услышать родных голосов.

Гитара затихла на низкой бархатной ноте. В гостиной стояла тишина. Только слышен был треск углей в камине, да за окном метель продолжала мелодию неоконченного романса.

Тишину нарушил пронзительный телефонный звонок. Андрей Захарович взял трубку:

- Слушаю вас. Да, есть. Одну минуточку, – он повернулся к Азарту. – Тебя, мама.

Азарт поднялся. Приложив трубку к уху, он коротко отвечал:

- Да, да, конечно. Постараюсь приехать. Жди.

Положив трубку, он сказал:

- Прошу прощения. Мама приболела, и я должен уехать.

Тепло попрощавшись с гостями, он отозвал Юлю в сторону.

– Юлечка, возьми ключи. Адрес Артур знает. Там меня и жди. Это звонила мама. Говори, что ей что-то нездоровится. Думаю, что это, просто, хандра. Я скоро вернусь. Так уж получилось.

- Я еду с тобой, – решительно сказала она.
- Думаю, в такую погоду тебе лучше побыть здесь.

Поцеловав её, он направился в коридор одеваться. Артур рванулся за ним.

– До станции дойдём пешком, а там мой мустанг довезёт нас за два часа, – и, повернувшись к гостям, сказал, – я вернусь за вами. А вы пока погрейтесь, выпейте кофе. Вам есть что вспомнить. Скучать не будете.

Азарт тепло простился с Сашей, – человеком, который впервые открыл ему глубокую тайну романса. Ещё раз простился с Юлей и Элеонорой. На душе у него было тепло и покойно. Оба понимали, что скоро они встретятся и уже не расстанутся никогда.

Не без сожаления они вышли из тёплого уютного дома в ночную пургу. Ветер обрадовался тому, что хотя бы, кто-то появился, и с радостью пыхнул им снегом прямо в лицо. С трудом добрались до станции. Очистили от снега машину и, как обещал Артур, через два часа были уже дома. Простившись и поблагодарив Артура, он вошёл в подъезд.

Как оказалось, тревога была напрасной. Просто, лёгкое недомогание днём принесло к ночи слегка повышенную температуру. Вскоре приехал врач. Осмотрел мать, дал необходимые лекарства, после чего она уснула. Азарт оставил записку возле кровати, в которой написал, что будет сегодня в 11.00 и принесёт еду. Затем вызвал такси. После того случая он уже не рисковал разгуливать ночью по городу.

Реванш

Впервые за этот год Азарт решил зайти в бильярдную, которой он отдал столько лет и которая стала свидетельницей его последнего поражения. Ничего там не изменилось. Дядя Пава восседал в продавленном кресле в своей обычной позе и проводил алкогольные эксперименты над организмом, пытаясь разнообразить его состояние с помощью очередной спиртной дряни.

– Привет, дядя Пава! Сразу хочу тебя поблагодарить за твою заботу обо мне. Ты мне очень помог. Я отлично отдохнул.

– А! Заходи, Азартик, заходи дорогой. Поблаговаришь иначе. А то опять спасибо. У нас нынче такие деньги не в ходу. Ты мне работу привез?

– А как же! – Азарт вытащил из сумки пять банок немецкого пива различного сорта. Бери, работай.

– Вот за это спасибо. Что так долго не был? Говорили пару месяцев, а ты – вон почти шесть месяцев пропадал.

– Да так, – уклончиво ответил Ильяс, – пришлось уезжать по работе.

– Это не годится. Если работа мешает бильярду – надо бросать работу.

– Тут я согласен. Только работа меня не хочет бросать. Я, дядя Пава, стал нужным человеком, незаменимым работником.

– В бильярде ты был когда-то тоже незаменимым.

– А вот сегодня я хотелось бы в этом убедиться и самоутвердиться.

– Вот это дело! Тут как раз появился твой старый партнёр. Только что катал. Сейчас, наверное, отлучился пообедать. Это хорошо. Сытый желудок усыпляет бдительность, легче с ним будет работать.

– Ты всё ещё помнишь о нём, дядя Пава?

– Да как его забыть, если он и меня попутно с тобой так нагрел?

– Попробую я с ним опять сыграть.

– Попробуй, только я тебя в этот раз мазать не стану. Очень уж рискованно. А два раза попадать, для моей печени вредно. Она у меня и так загружена до предела.

– Дело твоё. Только смотри, не прогадай. А то, как бы ты не остался с недогруженной печенью. Вот будет обидно!

Дядя Пава радостно поднял глаза не него:

– Азартик, ты не шутишь? Ты будешь играть с ним? Ты, действительно, за это время не забыл, за какой конец надо держать кий?

– На твои десять вопросов я тебе дам один ответ, я буду играть.

Поболтав ещё часок о всяком-разном, дядя Пава кивнул в зал:

– Он здесь.

Азарт вошел в зал, удобно устроился на стуле возле бильярдного стола и стал внимательно наблюдать за игроками. Мужичок совсем не изменился. Видно, доходы от бильярда на себя не тратил, прижимал. Всё тот же пиджачок, те же галифе, заправленные в сапоги. Азарт мог дать голову на отсечение, что в бумажнике у него до

сих пор лежала та, старенькая денежка. Не подавая вида, что они знакомы, он по маленькой ставил на игру с рядом сидящим соседом.

И вот, спустя какое-то время, когда мужичок приблизился к ним, Азарт, как бы невзначай, достал портмоне и раскрыл, доставая деньги. При этом он искоса бросил взгляд на мужичка и заметил, как тот прилип взглядом к портмоне, набитом купюрами. У него даже испарина на лбу выступила. «Так, – подумал Азарт, – карась клюнул. Теперь осталось всего-то ничего, выиграть». Однако с предложением играть тот не торопился. «Ничего, – подумал Азарт, – мы тоже имеем выдержку. Куда ты денешься от моих денег».

Где-то через полчаса мужичок таки подковылял и уселся рядом:

– А Вы, молодой человек, – услышал Азарт знакомый ласковый голосок, только ставите? А как насчёт того, чтобы сыграть?

«Так, всё хорошо. Он меня наверняка не узнаёт. По-видимому, борода действительно изменила мою внешность».

– И не знаю, что Вам ответить. Тут я потихоньку сижу, мажу, и лопатничек мой тяжелеет. А с Вами играть – это заказной проигрыш. Я видел, как Вы играете. Против Вас я мышонок. Разве что четыре креста форы – подлил тёпленького Азарт.

– Ну что Вы? Кто же даёт такую фору? По-моему, Вы специально это сказали, чтобы не играть со мной, – завёлся мужичок.

– Отнюдь. Мне будет очень лестно поиграть с Вами. Я Вам предложил мои условия. Можете предложить свои, – ответил спокойно Азарт и вновь открыл бумажник, чтобы вложить очередную выигранную купюру.

Он опять поймал жадный взгляд изголодавшегося стервятника, брошенный на его портмоне.

– Я мог бы Вам предложить один крест.

– Три.

– Один, – упрямо сказал мужичок, пошевелив губами, подсчитывая что-то в уме.

– Папа, – вежливо сказал Азарт, – не рассуждайте вслух. Во-первых, Вы выдаёте свои глубокие мысли. Во-вторых, Вы мешаете мне сосредоточиться на предстоящей игре. Обдумайте ситуацию и, если согласитесь дать мне два креста и один со стола, то, возможно, мы проведём за шарами несколько часов, особенно приятных после игры для одного из нас.

Мужичок начал думать. Конечно, два креста – это уже десять очков, которые он от себя отрывает и отдаёт партнёру. Да ещё, вдобавок, пять со стола – это ещё пять очков. Многовато. Но бумажник клиента не давал ему покоя.

Азарт заметил, как дядя Пава вытащил себя из кресла, вышел из маркёрной и подошёл к центральному столу. При этом левое ухо у него даже вытянулось, – так ему хотелось всё услышать. Уши слушали, а руки делали своё. Он проверил наклейки на киях, наличие мела и стал замшей (небывалый случай!) протирать шары, скрывая дрожь в руках. К нему подошёл Артур, и они о чем-то пошептались. С игрой ещё ничего не было ясно, а в зале уже установилась атмосфера затишья и выжидания. Так бывает в жаркий, летний полдень перед грозой. На небе ни облачка, а природа уже замерла в ожидании, даже птицы не поют, а как-то тревожно кричат.

Постоянные посетители знали, если дядя Пава поднял свой зад с кресла, да к тому же протирает шары замшей, – будет козырная игра. Закончив протирать шары, дядя Пава торжественно произнёс:

- Центральный стол готов. Желающих играть прошу в маркёрную!
- Ну что, Вы ещё не согласны на один крест? – спросил мужичок.

Азарт решил выдать последний козырь, но не лести, а унижения. Иногда он действует гораздо эффективнее, чем лести. Особенно, этот козырёк хорошо действует на тех, кто сам любит льстить. Хотя это было рискованно. Но, что ещё так вдохновляет игрока, как риск!

– Папа, – небрежно сказал он, – может быть Вам следует поискать другого партнёра, более подходящего к Вашему, извините, материальному положению?

Вот и подействовало! Мужичок отчаянно взмахнул рукой, как цыган на базаре, продающий старую кобылу:

- Так и быть! Два креста! Выходи, будем играть.

Азарт даже не шелохнулся. Он удивлённо поднял глаза:

– Молодой человек, фамильярность, которую вы позволили в обращении со мной, выдаёт вашу скрытую возбуждённость. Мне совсем не нравится ваша необузданная жажда к деньгам.

Мужичок слегка стушевался. «Уходит фраер и уносит деньги» – подумал он.

Ильяс, чтобы добить его окончательно, продолжал свою тираду:

– Постарайтесь на меня не злиться. А то вдруг Вам, по старой памяти, захочется поставить меня по стойке «смирно». Боюсь, что я Вам не подчинюсь. Я в армии не служил, я служил на флоте. Мои условия остаются прежними – два креста и один со стола.

«Как бы не переборщить», – подумал Азарт.

Но мужичок не обратил никакого внимания на воспитательный тон. Видно, в его голове чётко отпечаталось портмоне Азарта.

– Вы – шутник. С Вами будет приятно играть, – примирительно сказал он, – Мои условия – два креста. Пять очков со стола отпадают.

- И ... поехали, – как-бы вынужденно согласился Ильяс, обречённо взмахнув рукой.

Они направились к столу. Право на первый удар получил мужичок. Азарт установил пирамиду, затем извинился и пошёл в кабинет Артура за кием. Он застал Артура беседующим по телефону. Увидев Азарта, тот извинился, пообещал перезвонить и положил трубку.

- Кто на кого наехал? Он на тебя или ты?

– Он, причем долго и упорно меня вытаскивал на игру. Даже на моё хамство отреагировал сдержанно. В конце я уже опасался, что переиграл. Но всё в порядке.

- Значит, он тебя не узнал. Как вы играете?

- Я вырвал у него два креста. О ставке ещё разговоре не было.

- Он видел твой бумажник?

- Даже два раза. Какую бы ставку он не предложил – я увеличу вдвое.

– Правильно. Учти, если ты выиграешь, то выиграешь дважды. Если проиграешь, то только деньги, какие-то бумажки. Да, ещё одно, потерпи минут пять-десять. Я хочу сделать ставки. Жди мой маяк.

- На мою долю ставь тоже. Вариант беспроигрышный. Я его задушу.

- Хорошо. Там в зале дядя Пава уже мечется. Иди, пока поговори с ним.

Азарт молча кивнул и направился к столу. В зале наступило ожидание. Посетители и игроки разбрелись по углам и договаривались о ставках. Те, кто уже договорился, толпились в маркёрной, и дядя Пава со всей своей важностью регистрировал самодельный тотализатор. Артур переходил от одной кучки людей к другой и что-то записывал в блокнот. Мужичок подошёл к Азарту. Все взоры устремились на них. Он наклонился к Азарту и что-то прошептал. Азарт покачал отрицательно головой и выбросил два пальца. Мужичок подумал и утвердительно кивнул головой. Они оба направились к дяде Паве. Тот важно их выслушал и что-то чиркнул в своем кондуите. Затем подошёл к сейфу, положил туда все свои записи, подозрительно посмотрел вокруг, закрыл его и спрятал ключ в карман. Боковым зрением Азарт следил за Артуром. Как только тот сел на стул, он подошёл к столу.

Свой первый удар мужичок выполнил на отыгрыш. «Тигр» ударился о левый борт, затем – в короткий. Оттолкнувшись от него, он вплотную приткнулся к пирамиде, не сдвинув с места ни одного шара. По этому осторожному и трусливому удару можно было понять, что партнёр будет играть на «выжидание», иначе сказать – рисковать не собирается. Азарт короткими ударами под низ шара разбил пирамиду, оттянув «тигра» на короткий борт. От удара «в морду» шары разбежались по всей посуде, как встревоженные электрическим светом тараканы по кухне. На столе для мужичка было широкое поле деятельности. Шары заманчиво стояли возле луз на ударе. Но, к сожалению, «тигр» прочно вцепился в короткий борт, и не было манёвра для удара. На игре стояли только шары под номерами два и четыре. Играть их было рискованно. Обычно такие шары даже не заказывают, их применяют для отыгрыша. Мужичок, со знанием дела, великолепно забил двойку в лузу и вывел тигра на восьмёрку. Затем с помощью восьмерки вышел под удар на шар под номером двенадцать. Помелив кий, он ударил по шару. Но что-то помешало ему зайти в лузу. То ли нетерпение мужичка, то ли уверенность в выигрыше, а может быть подвели выдержка и нервы. Так или иначе, но шар не упал в лузу, а погулял по столу и остановился возле средней лузы, как раз напротив «тигра». У того даже слюнки потекли от такой дармовщины. И, конечно же, недолго думая, Азарт влупил его на клапштосе и вывел «тигра» на шар под номером пятнадцать. Подчиняясь жадности «тигра», пятнадцатый тоже, долго не раздумывая, свалился в лузу и перекочевал на полку рядом с двенадцатым.

Утолив свой первый голод, «тигр», с помощью Азарта отыгрался от шара и застыл на месте. Долго отдыхать ему не дали, так как мужичок тоже его подписал к работе и заставил вложить десятку в среднюю лузу.

После череды тактических отыгрышей они забили ещё по несколько шаров и количество очков у них сравнялось.

Азарт решил применить тактику «левого» удара – это когда игрок вроде бы забывает помелить кий и «киксует» по шару. «Тигр» невоспитанно, как дикое животное, заметался по столу и подтолкнул к лузе девятку. Забив девятку, мужичок посчитал про себя очки и сообщил:

– У меня шестьдесят восемь очей. Тройка – партийная.

– Я Вас поздравляю, Пифагор, – ответил Азарт, – старайтесь дальше.

Азарт опять «киксанул». Мужичок тщательно прицелился и забил свой последний шар.

– Партия, – тихо сказал он и смешал оставшиеся шары по столу.

Азарт прислонил кий к борту и попросил маркёра подойти к столу. Дядя Пава, перекачиваясь, как перегруженный баркас свежим уловом рыбы, с достоинством своей значимости подплыл к ним:

- Что произошло?
- Пожалуйста, сосчитайте очки моего партнёра.

Дядя Пава посмотрел на полку и зашевелил губами:

- Семьдесят один!
- Верно, – сказал Азарт. – Но у меня вопрос: партнёр разрушил партию на столе. Что это значит?
- Это подтверждает уверенность партнёра в том, что он выиграл партию, – невозмутимо ответил дядя Пава, прекрасно понимая, куда клонит Азарт.
- Теперь я хотел бы спросить партнёра в Вашем присутствии: сколько будет, если от семидесяти одного отнять десять, то есть два «креста»?

И не обращая внимания на растерянное выражение лица мужичка, забывшего о начертанных на доске два «креста», уничтожающе закончил свою тираду:

- Насколько я знаю, по арифметике Пупкина с картинками, это будет шестьдесят один.

Дядя Пава торжественно ткнул пальцем в грудь мужичка и сказал:

- Эту партию проиграли Вы!

Тот сконфуженно развел руками, досадуя на свою забывчивость. Видимо страсть, как можно быстрее отобрать деньги у партнёра, совсем заморочила ему мозги. Зал осуждающе загудел. Мужичок стоял с виноватой улыбкой на лице и смущенно принимал упрёки игроков, поставивших на него ставки. Затем они зашли в маркёрную, где дядя Пава отсчитал выигрыш Азарта. Мужичок проводил взглядом не без сожаления свои деньги и предложил опять сыграть на ту же сумму. Азарт невозмутимо увеличил вдвое. Надеясь на легкую победу и не чувствуя во рту крючка (а он уже глубоко впился в хищную пасть), мужичок обрадованно закивал головой и согласился.

Вторую партию Азарт провёл без всяких левых ударов, откровенно демонстрируя свой класс и высокую технику, но под осуждающим взглядом Артура немного сбавил темп и дал возможность мужичку немного подтянуться к нему, по количеству очков. Партию он выиграл с преимуществом на два «креста». После расчета Азарт уже не смог деньги разложить по карманам и попросил дядю Паву приберечь их в сейфе. Мужичок был в шоке. Ему все еще не верилось, что он мог проиграть. Всё выглядело, как-бы случайно. Причиной своего проигрыша он видел в форе, которую так легкомысленно дал Азарту. Ильяс небрежно пересчитывал деньги, выданные ему дядей Павой. Сумма была внушительной. «Но это ещё не все, – размышлял он, рассматривая мужичка, – твоя норка ещё имеет жирные закрома и изъять их – моя задача».

- Думаю, что проигранная Вами сумма нанесла ощутимую трещину в Вашем личном бюджете.
- Что Вы печётесь о моём бюджете? – взвился тот.
- Весь Ваш убогий вид мне это подсказывает, – невозмутимо ответил Азарт. – Но если Вы предложите мне в следующей партии ставку вдвое больше предыдущей, то думаю, наша встреча за столом состоится.
- Но только на равных, – возразил мужичок.
- Что за манера перебивать, – поморщился сказал Азарт. – Прямо вырываете слова изо рта. Впрочем, если Вы считаете, что Ваши два «креста» делают мне славу, то я от

них великодушно отказываюсь в пользу бедных. Мало того, я очень сожалею о том, что в предыдущих партиях унизил себя Вашей нищенской форой.

Это уже был типично Азартовский кураж, именно то, о чём предупреждал его Артур. Впрочем, мужичок этого, к счастью, не заметил.

– Вот это другой разговор, – встрепенулся мужичок.

– Но моё условие следующее: в той сумме, которую Вы, надеюсь, проиграете и наскребёте по сусекам Вашей норки, должна принимать участие денежка, выданная Вашей любезной супругой на покупку продуктов в гастрономе. Список продуктов меня не интересует, можете оставить его себе.

Мужичок ошарашенно глянул на Азарта, во рту у него больно заныло от крючка, зацепившегося за живое тело.

– Теперь я тебя узнал.

– Это не является поводом для фамильярности. А я Вас так никогда и не забывал, – дружелюбно произнёс Азарт, – мало того, так я ещё надеюсь на более тесную связь с Вами, во всяком случае, в ближайший час, а после этого я куплю Вам приличные штаны, взамен Вашего протёртого галифе и билет на трамвай. На ужин с пивом прошу не рассчитывать.

И, не давая мужику время для развития воспоминаний, добавил:

– Так мы играем, или мы не играем?

– Мне надо отлучиться на некоторое время за деньгами.

– Я Вас буду ожидать здесь ровно час, – сказал Азарт, посмотрев на часы. – Через час я покину зал, и мне трудно сказать, в каком ресторане мы с друзьями будем отмечать мой выигрыш, безжалостно пропивая Ваши деньги.

Услышав про жалкую судьбу, уготованную его деньгам, мужичок шустро рванул с зала.

Азарт зашёл к дяде Паве в маркёрную и попросил закрыть дверь на ключ минут на пятнадцать-двадцать и никого не пускать. Он хотел немного отдохнуть, расслабиться и поразмышлять. Итак, первые две партии он выиграл. Это было совсем не трудно, да ещё при такой форе. Теперь осталась решающая партия. Здесь форы не будет. Именно здесь он должен использовать свои удары и коварный вариант с «тигром», над которым тренировался столько времени. Занавес «тайны мадридского двора» упал. Теперь он уже не «тёмная лошадка». Мужичок вылез из своей щели и его необходимо размазать по стене. А потом они долго не встретятся. У него просто не будет необходимой суммы на игру, чтобы играть с игроками такого класса, как он. Пусть рысачит по мелочам. Там его место. У Азарта не было ярости или злости к нему и «добренький дух» уже выветрился. Остался чёткий, холодный расчёт игрока-хищника, готового преодолеть любое препятствие на дороге достижения своей цели и сразить наповал другого хищника, такого же, как и он сам.

Через полчаса в дверь постучали треолькой. Азарт поднялся и открыл дверь. На пороге стоял встрёпанный мужичок. Шляпа из рисовой соломки сдвинута на затылок, обнажая вспотевший лоб с прилипшими к нему редкими волосиками. Задышавшись, он пролепетал:

– У меня нет ответа на предложенную Вами сумму.

– Что такое? Вы в один миг обеднели? Идите в банк. Я слышал, что сегодня там дают ссуду под льготные проценты.

– Мне пришлось закрыть счёт в сберкассе.

– Ага, понимаю. А в кредит сберкасса не даёт. Ну и что Вы мне можете предложить?

– Я хотел бы ...

– Извините, я Вас прерву, чтобы внести ясность. Я полностью солидарен с таким солидным учреждением, как сберкасса и в долг тоже не играю. Могу ещё играть, но это, в крайнем случае, под заклад. Хотя, должен вам признаться, делаю это с сожалением.

– Я не это хотел сказать. У меня на руках имеется ровно три четверти необходимой суммы.

Азарт подумал и ответил:

– Это меня устраивает. Недостающую четвертую часть суммы заменит ваша старая, потёртая денежка, которую Вам выделила Ваша супруга на покупки.

– Не могу. Это мой талисман!

– Тогда игры не будет, – жестко сказал Азарт и полоснул его глазами.

– Хорошо, – подавленно ответил мужичок. – Я согласен.

Да, он согласился. Уж очень ему хотелось вернуть назад деньги, а второе то, что он верил в выигрыш, так как считал свои два проигрыша безумной ошибкой вследствие форы в два «креста». Он всё ещё был убеждён (как и каждый игрок, будь то ипподром или карты), что он проиграл случайно. Первую партию ему, просто, помешала выиграть ошибка. Да! Да! Конечно же, он ошибся в подсчёте. И проиграл, в результате своей невнимательности. Партия была уже у него в кармане! А вторая партия? Была же фора два «креста». Теперь-то игра будет на равных! Куда ему деться! Нет! Этого фраера он сегодня не выпустит.

Обуреваемый мстительными мыслями, он совсем не чувствовал, что прочно сел на крючок, заброшенный Азартом.

* * *

Дядя Пава старательно готовил стол для игры. Пылесос заглушал шум болельщиков, которые бурно обговаривали условия предстоящей игры. Нелегальный тотализатор набирал обороты. Азарт не помнил такого ажиотажа в зале. Многие его ещё не узнали, и для них он остался «тёмной лошадкой». Он обратил внимание на повышенную резвость дядя Паши и Артура, с которой они делали ставки на его игру. При этом Артур одновременно делал отметки сразу в двух кондуитах. Попутно Азарт тоже на стороне играл «на себя». Хотел добавить ещё двоих, но они что-то очень к нему присматривались, и он не решился. А один из них даже подозрительно поинтересовался:

– Что-то ваш фейс мне кого то напоминает?

– Наверное, дальнего одинокого родственника вашей жены, после смерти которого вы надеетесь получить в наследство пылесос «Буран», – помог ему Азарт.

Тот смущённо отошёл в сторону, затем опять подкрался к Азарту. Только открыл рот, чтобы что то сказать, но Азарт подошёл к нему вплотную и зловеще прошипел:

– Дядя, не вынуждайте меня к откровенности. Это будет не в вашу пользу, – затем миролюбиво произнёс, – лучше используйте свою догадливость в тотализаторе.

Тот оторопело глянул на Азарта и захлёбываясь прошептал:

– Азартик, дорогой! Я тебя узнал. Боже, что с тобой произошло? Этот подонок три дня тому назад меня раздел. Всё, дорогой Азартик! Я убежал. Всё, что я знаю, останется со мной. Дай мне пять минут. Когда всё будет договорено, я тебе дам знак. Твои 20%.

И он поспешно удалился. Клиентов найти было не трудно, так как все играли на мужичка. Они знали его игру и тоже считали, что две партии он проиграл случайно. А этот бородатый? Кто он такой? Играет неплохо, но это ещё не значит, что он должен выиграть. Поэтому ставили наверняка, выбрав своим фаворитом мужичка. Уже через пять минут приятель закурил сигарету и пустил дым в потолок. Азарт принял сигнал.

* * *

Право первого удара принадлежало Азарту. Нельзя сказать, что это было преимуществом в игре; скорее наоборот, но таковы правила.

Легким касанием «тигра» за крайний шар пирамиды он вернул его назад на короткий борт. Мужичок повёл себя уверенно, если не сказать нагло. Он решил проверить свою кладку и хотел, как тогда, забить верный шар, отошедший от пирамиды, и попутно сделать карамболь. Но, по-видимому, крючок, зацепленный Азартом, больно дёрнулся в его губе, и шар застрял в лузе. Подставка! В свою очередь «тигр» добросовестно разбил всю пирамиду. Шары расползлись по столу, как стадо коров в отсутствие пастуха. «Тигр» покрутился по столу и стыдливо замер посреди стола, как последний кусок торта на именинах.

– Бинго! – воскликнул Азарт, – говорят, подставки выставляются на короткий борт, некоторые ими пренебрегают. А я – нет! Тем более, что это четырнадцать очков. Жирный шар, да и фора, почти вернулась назад.

От волнения мужичок вспотел. Ситуация на столе предсказывала ему проигрыш. Азарт, не спеша, намелил кончик кия, затем налил в стакан минеральной воды и медленно стал его опустошать. Напившись он вытащил из пачки сигарету и закурил, пуская дым в потолок.

– Играйте же! – нервно просипел мужичок.

– Между прочим, у нас не шахматный турнир, где игроки подвязаны часами отсчёта времени, – спокойно отчеканил Азарт.

Он внимательно изучал обстановку на столе. Всё было до смешного легко и просто. В таких случаях нельзя было не выиграть. Но Азарт слишком хорошо знал хищника, чтобы расслабиться.

«Итак, что мы имеем? Четырнадцатый прочно сидит в лузе и свесил ноги. Четвёрка прямо возле средней лузы. Это не в счёт. Она пригодится для вывода «тигра» на игру. Прямо в угловую лузу смотрит десятый, и другой дороги у него нет. Слева возле угла стоял «туз» (одиннадцатый). Если забить десятый в угловую лузу, то при правильном ударе можно вывести «тигра» под «туза». Дальше, не думая о последствиях, забивать четвёрку и выводить «тигра» под пятнадцатый, который терпеливо ждал своей очереди возле другой средней лузы. План есть. Теперь его надо исполнить», – продумал ситуацию Азарт.

Четырнадцатый легко шмякнул в лузу, а «тигр», как и было задумано, вышел на прямой удар под «туза». Резким ударом под низ шара Азарт вогнал его в лузу:

– Кто «туза» забивает, тот партию выигрывает, – по мальчишески прокомментировал свой удар Азарт, – не в лад, не в склад, но таков бильярд.

Нервно засмеялся только его приятель. Остальные зловеще молчали. Недоумённо он посмотрел на окружающих. Встретился взглядом с Артуром. Тот кивнул и тихо вышел из бильярдной.

Как и рассчитывал Азарт, после удара «туза» его шар оказался в неудобном положении. Вот тут и пригодилась четвёрка, которую можно было забить с любого положения. Он забил четвёрку, затем пятнадцатый. Наконец-то он решил продемонстрировать свой коронный удар. Лёгким касанием «тигра» от шара он поставил его прямо в лузу. Теперь мужичку придется его вытаскивать лишь бы куда-нибудь, только чтобы не проиграть «крест».

С приговоркой:

– Колхоз спасает..., – мужичок ударил по «тигру», рассчитывая на то, что он заденет какой-нибудь шар. Но тот погулял по столу и, никого себе не найдя для бильярдного совокупления, застыл на столе с виноватым видом.

– ... но только не бывших военных, уволенных в запас за пересортировку товара, – добавил к его реплике Азарт. Свои слова он подтвердил мелом на досточке, нарисовав «крест».

– Итак, что у нас есть? – не обращая внимания на вопли в зале, спросил Азарт, – 11+4+14+15+5. Итого 49 очков. С радостью хочу вам сообщить, что виден уже берег, к которому Вы подплываете.

Как бы в наказание за его издевательский тон, мужичок провёл серию ударов и забил 25 очков.

Азарт лишний раз убедился, что перед ним игрок высокого класса. Но свой кураж уже не мог сдержать:

– Вы, я вижу, хорошо знаете правила игры, – сухая вдвойне. Поэтому постарались сделать маленькие потуги, чтобы открыть счёт. Но, я уверен, что это не решит Ваших проблем.

Игроки, которые поставили на мужичка, явно почувствовали приближение очередной катастрофы, которая своими размерами проигрыша надолго лишит их материального благополучия. В своих потерях они обвиняли Азарта. «Можно подумать, что я сам своим фейсом мыл асфальт и изуродовал его нарочно. А что, я должен был сюда заявиться и тыкать себя в грудь? Смотрите, это я! Э, нет! В другой раз, но только не сегодня. Этого требует реванш – короткое слово со зловещим шипением, как подлетающий снаряд», – успокаивал себя Азарт. Среди игроков уже слышались споры, угрозы. Азарт увидел, как в бильярдную вошёл Артур, а с ним три худощавых высоких парня. «Вот, как раз вовремя Артур прибыл со «связистами». Они появлялись только тогда, когда возникала неординарная ситуация в бильярдной. Расчёт с ними, как правило, производил Артур. Почуввав поддержку, Азарт решил окончательно морально размазать мужичка по столу:

– Почему в Ваших рядах такой шум? Может, я ошибся, и Вас следует называть не папа, а пахан? А эта великовозрастная отставная банда в бязевых подштанниках образца 1939 года и есть ваш контингент? Извините, но у меня нет времени с Вами разбираться, да и шар стоит под ударом.

Прицелившись, Азарт вогнал шар в лузу и осмотрел стол. Вразнобой стояли три шара. Азарту необходим был для конца партии один «крест». Окончательно ставя точку на игре и подтверждая, что следующий удар будет не случайным, а ударом игрока высшего класса – Азарт винтом вогнал «тигра» в угловую лузу. Тот завертелся и

остановился в лузе. Она своими щеками прочно обхватила его и спрятала. Опять путь у «тигра» только один – прямо. Но в этом направлении не было шаров, не было «колхоза, который спасает». В зале установилась полная тишина.

– Прошу Вас, заканчивайте игру «самоубийством», то бишь отдайте мне ещё один «крест», и на этом партия Вами будет потеряна. А Вы для меня, как партнёр, тоже.

– Предлагаю разойтись и начать новую партию вдвойне, – прохрипел мужичок, нависая над столом.

Азарт свысока глянул на него и осуждающе произнес:

– Я всегда находил оригинальным Ваш образ мышления. Но сейчас, когда Вы посвятили меня в тайну Вашего вклада в сберкассе, вернее в отсутствии такового, я расцениваю его ещё и как нахальство. А может быть в зале появился нарочный из банка с хорошей для Вас вестью? Прошу Вас – Ваш удар.

В бильярде многое бывает. И люди, окружившие стол, немало видели. Когда Азарт повторил свой коронный удар, все поняли, что перед ними игрок экстра-класса. Такой удар мог произойти случайно, его называют «дурак», но второй раз, да ещё по заказу – это уже не случайность. Это был удар Исполнителя! А удивить людей, сидящих в зале, было очень трудно. Сразу же денежный эквивалент потерял свой смысл, свою остроту. Да и что может сравниться с хорошей игрой Исполнителя, которую им удалось увидеть. Обиды, как рукой сняло. На Мастера обижаться нельзя!

Мужичок пытался дать направление «тигру», но тот был зажат между щёчками луз и его можно было бить только в одном направлении – прямо. На столе было слишком мало шаров, и задеть какой-либо шар, было маловероятным. После сильного удара «тигр» достиг противоположного борта, оттолкнулся от него и начал искать по столу шары, как Гоголевский пьяный Каленик свою хату. Затем убился в своём движении и замер на месте. Ещё один «крест» был выигран Азартом, а мужичок закончил партию «самоубийством».

Азарту стало легко. У него, как бы выросли крылья, ощущалось состояние полёта. На землю его возвратили аплодисменты бывших недругов. Несмотря на проигранные ими деньги (и немалые), они от души поздравляли его с выздоровлением и благодарили за прекрасную игру, которую он им продемонстрировал за эти два часа. За его мастерство они простили ему нахальные выпады. Мастер есть Мастер! В зале раздались аплодисменты. Дядя Пава стоял в двери маркёрной и от избытка чувств через глаза не удержал избыток пива. Правда, свидетели утверждали, что это были слёзы.

– Ну, теперь-то вы его узнали? – кричал приятель Азарта. – Это же Азарт, только под бородой.

Азарт стоял среди толпы, ничего не слыша, и только смотрел на людей, окруживших его плотным кольцом.

– Друзья, – обратился Азарт к ним, – я прошу у всех прощения за материальный ущерб, нанесённый вам. Но стол ровный, а шар круглый и он катится туда, куда его посылает умелая рука. Прошу, всех проигравших поужинать со мной!

Он подошёл к мужичку, который натягивал свой кургузый пиджачок на застиранный джемпер. Теперь Азарт уже не испытывал к нему злости.

– Я хочу побеспокоить Вашу забывчивость, – деликатно напомнил он.

– Что вам надо? – взвился тот, свирепо сверкая глазами, – моя ставка находится у маркёра. Можете получить.

- Тут Вы правы. У дяди Павы, как в Центральном банке. Но там не всё.
- Я Вас предупреждал, что одной четверти ставки у меня нет. Вы дали согласие на игру. Денег у меня больше нет.
- Ту четверть, которую Вы мне не доплатили, я разрешаю Вам истратить на покупку штанов, которые я Вам обещал. Но Вы забыли ещё одно условие.
- Какое? – удивился тот.
- Достаньте из кармана вашего генеральского галифе, купленного по случаю на барахолке, свой задрипанный бумажник и выдайте мне оттуда заветную денежку, которую Вам выделила с таким трудом жена, для отоваривания в гастрономе. Для неё у меня уже есть рамочка и местечко на стенке. Ей там будет очень уютно, уверяю Вас.
- Послушайте, я согласен Вам вернуть через три дня четверть ставки, но оставьте мне мою купюру.
- Нет, – жестко ответил Азарт.

Он взял денежку, повертел её, затем небрежно сунул в карман и направился к выходу. Там его ожидал Артур с какой-то красивой молодой женщиной. А рядом с ними стояла самая красивая и самая лучшая в мире женщина, его любовь с детских лет – Юля.

Сентябрь 2003 года – март 2004, Франкфурт на Майне.